

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОСТИ

Сказки народов России

Изборник третий

Lit.
Center

Москва

2022

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

С77

Сказки народов России

Литературно-художественное издание «Сказки
народов России»/ Сборник произведений раз-
ных авторов / Издательство «Русский литератур-
ный центр», 2022 год. 322 страниц.

На протяжении нескольких столетий создавались сказочные образы, что сегодня принято неразрывно считать частью нашего культурного кода. Но от раза к разу, редакция Русского литературного центра берется собирать сказки народов, что населяют нашу Родину. И от раза к разу папка редактора становится все толще и толще. Новый сборник сказок удивит читателя своими образами и даст лишний раз понять, как велика наша страна и как многогранна наша культура. Приятного прочтения!

ISBN 978-5-6042980-7-5

© Русский литературный центр

© ИП «Митрохин Н.С.»

Содержание

Городские легенды, байки и истории

ПРОЗА

Елена Старцева	7
Дарья Кобзарь	11
Вячеслав Езков.....	15
Майя Солод.....	25
Татьяна Жихарева	29
Кирилл Балашов	33
Михаил Крюков	36
Елена Панюкова.....	38

ПОЭЗИЯ

Вера Дмитриева.....	40
Сергей Мытищин.....	43

Сказки, основанные на народных легендах и эпосе

ПРОЗА

Вячеслав Кондин.....	49
Алексей Часов.....	53
Алексей Беляков (Андрей Марков).....	59
Назар Шохин.....	70

ПОЭЗИЯ

Юлия Думановская.....	77
Надежда Сысоева.....	80
Виктор Маньков.....	84
Виктор Медведев.....	88
Эльза Попова	101

Сказки и басни для детей

ПРОЗА

Ирина Никитина.....	109
Евгений Чертовских.....	118
Елена Арс.....	121
Роман Чекмачев.....	127
Надежда Бакина.....	129
Ладодеев Ляля Зуборева.....	132
Вера Дмитриева.....	139
Олеся Голикова.....	146

ПОЭЗИЯ

Роман Чекмачев.....	149
---------------------	-----

Сказки для всей семьи

ПРОЗА

Сергей Зеньков.....	151
Эллен Риз.....	171
Анна Чернова.....	176
Игорь Юркевич.....	186
Алиса Дейна.....	190
Григорий Марковцев.....	201
Ольга Ермакова	206
Нита Ларская.....	209
Юлия Игольникова.....	222
Ден Ковач.....	238
Ираида Букетова-Алвий.....	240
Инна Черникова.....	248

Литературные переводы зарубежных сказок

Надежда Сысоева.....	277
----------------------	-----

Поэмы, баллады и стихотворения

Владислав Звягин.....	281
Елена Панюкова	293
Ольга Катикова.....	296
Любовь Сердечная.....	298
Алена Козлова.....	311
Маргарита Кракулева.....	316
Валерий Жилин.....	319

Городские
легенды,
байки
и истории

Куда лучше
верить городским
легендам и байкам,
чем официальной
истории. Первые
не меняются
из поколения в
поколение. А
историю регулярно
переписывают.

© Михаил Задорнов

Елена Старцева

Сказ о том, как медведь и глухарь символами Югорска стали

Давным-давно это было. На необъятной территории матушки-Сибири в глухой тайге жил медведь – хозяин и властелин сей земли. Жилось ему вольготно и раздольно, в могучих сибирских реках ловил он жирную крупную рыбу, с большим удовольствием ел лесные ягоды и орехи. Нагуляв запас жира, медведь залегал в спячку в свою огромную тёплую берлогу, где спал до прихода весны. Весной лес просыпался после зимней спячки, а вместе с ним просыпался и медведь. Каждый день он обходил свои владения, наблюдал за серыми зайчишками, которые резвились на лужайке, за хитрыми лисами, которые того и гляди норовили напакостить, за другими обитателями зелёного царства. Когда косолапому было скучно, он любил лазать по деревьям и ходить к реке. Там, возле глубокой тёмной лесной красавицы-реки, медведь подолгу сидел на берегу и слушал, как журчит вода, словно рассказывая ему какую-то свою особенную сказку. Так жил себе медведь и горя не знал. Но однажды кто-то нарушил размеренную и спокойную жизнь хозяина тайги...

В один из солнечных дней медведь как обычно отправился на речку, рыбки половить, да понежиться на берегу под ласковыми лучами солнца. Вдруг он услышал какой-то шум, доносившийся из глубины леса. Мишка удивился необычному шуму и, прервав своё любимое

занятие, устремился навстречу загадочным звукам. То, что он увидел, очень удивило его. В лесу было много техники, люди что-то горячо обсуждали и размахивали руками, показывая в сторону тайги. Медведь осторожно, стараясь, чтобы его не заметили, скрылся в чаще. Он решил понаблюдать за людьми и узнать, что они делают в лесу...

Прошло время, медведь уже привык к ежедневным звукам моторов, пил, топоров и к людской речи. Он видел, как люди строят дома, прокладывают железную дорогу. Это были первопроходцы земли Югорской, которые решили осваивать новые земли. Часто они разжигали костёр и сидели возле него, греясь и готовя себе еду. До медведя доносились аппетитные запахи, тогда он старался уходить подальше, чтобы побороть желание выйти к людям. Но однажды мишка всё же не выдержал, и их встреча состоялась...

Была тёмная прохладная ночь... У костра сидел молодой человек и задумчиво смотрел на огонь. Медведь спрятался в кустах неподалёку и наблюдал за человеком. Но, внезапно ему на нос сел огромный комар и с особой смелостью впился в самое уязвимое место медведя. От такой наглости мишка подпрыгнул на месте, издал устрашающий рык и выскочил прямо на поляну с костром. Юноша с удивлением смотрел на медведя и не мог пошевелиться. Медведь взмолился о помощи, очень уж ему не понравился этот назойливый комар, который мёртвой хваткой вцепился в мишкин нос. Молодой человек произнёс магические слова: «Нос медведя я потру, комара я прогоню». После этого провёл рукой по мишкиному носу и попросил медведя обойти вокруг ярко пылающего костра. Комара после этого будто ветром сду-

ло. Косолапый был очень благодарен своему спасителю. Они подружились и с той поры медведь стал помогать людям в строительстве, ведь он обладал невероятной силой и знал всю местность вдоль и поперёк, поэтому его советы и помощь были как нельзя кстати. Вскоре в непролазной тайге вместо болот и топей вырос прекрасный город. Имя ему дали очень красивое и звучное – Югорск. Радуются люди такому событию, благодарят первопроходцев и, конечно же, медведя – первого помощника, хозяина тайги. Недовольны только злые духи лесные – где же это видано, чтобы медведь с людьми дружил да помогал им? Решили духи наказать своенравного косолапого, чтобы впредь ему неповадно было. И задумали они своё злодейство как раз в то время, когда мишка по Югорску прогуливался, новый город осматривал. Только медведь на главную площадь города вышел, налетели лесные духи и заколдовали его. Замер навсегда наш герой, да так и стоит до сих пор в центре города. Но даже в таком виде, став неподвижной скульптурой, медведь по-прежнему не перестаёт помогать людям, вдохновлять их на смелые поступки. Для югорчан он – яркий пример смелости и предусмотрительности, богатырской силы. Медведь всем своим видом показывает, что не стоит ничего бояться, надо идти только вперёд, всегда помогать тем, кто в этом нуждается и делать добрые дела! Горожане очень любят его и всегда приходят на главную площадь поприветствовать героя. И каждый югорчанин знает, чтобы исполнилось самое заветное желание, надо потереть косолапому нос. Особенно если загадать желание о дружбе, добре и человеческих отношениях. А почему – вы уже, наверное, сами догадались...

Существует ещё одно поверье... В период строительства города уже знакомый нам юноша простыл и лежал с жаром в деревянной постройке. Вдруг на окошко прилетел глухарь. Усевшись поудобнее, мудрая птица внимательно посмотрела на молодого человека. «Негоже человеку одному жить, ему обязательно семья нужна» - промолвила птица, видя, как мучается юноша. «Я могу помочь тебе! Для этого надо потерять коготь моей правой лапы» - сказала и снова взглянула на юношу. Тот с трудом дотянулся до правой лапы глухаря и слегка потёр коготь птицы. Глухарь тотчас же взмахнул крыльями и растворился в ярко-синем небе. Вскоре на стройку приехала милостивая девушка, которая была врачом. Она выходила юношу и поставила его на ноги. Молодые полюбили друг друга и создали семью. У них родились прекрасные дети, а затем и внуки. Мужчина часто вспоминал того глухаря, который спас его и помог обрести семью. Но злые лесные духи не пощадили и эту прекрасную птицу. Застыла она навечно на центральной площади рядом с изваянием медведя. И теперь они вместе встречают закаты и рассветы, вместе наблюдают за жизнью города. Глухарь – семейная птица, она оберегает женщин и детей. И если потерять коготь правой лапы глухаря, то желание непременно сбудется! Особенно если загадать желание о семейном счастье, любви и тепле родного очага...

Так и стоит на главной площади города Югорска медведь – могучий, сильный, но вместе с тем спокойный и миролюбивый, охраняет наш город от всяческих напастей и бед. А рядом возвышается глухарь – символ свободы, дыхания жизни. Пусть они принесут родному городу процветание, успех и надежду на лучшее!

Дарья Кобзарь

Заботница

Снегопад обрушился на город. Город не справился с внезапным подарком зимы и застыл в бесконечных пробках, жалобах жителей, погряз в авариях. Столетний Дом смотрел на замершую улицу и грустно вздыхал. Сейчас все было иначе.

Когда-то давно этот город был центром торговли. Сюда приезжали купцы, чтобы продать товары и познакомиться с полезными людьми. Дом раскрывал для всех гостей свои объятия. Интересное было время. Владелец украсил Дом лепниной, вычурной деревянной отделкой, и все любовались этим красивым зданием в самом центре города.

Дом уже не помнил, сколько лет назад в нем поселились люди. Вернее, не просто поселились, а остались с ним на долгие десятилетия. Люди веселились, грустили, ссорились, мирились, ликовали и страдали. Старички умирали, в квартиры въезжали наследники, чтобы жить в уютных комнатках Дома. Шли годы. Город менялся, менялись люди, улицы стали оживленнее, появились машины, их гул тревожил Дом. Но он привыкал.

Иногда Дом чувствовал, что стареет. Сначала стала отпадать облицовка, потом прохудилась крыша, закрипели лестницы. Сперва люди только жаловались на сквозняки, но потом начали переезжать в многоэтажки-новостройки, которые были красивыми, теплыми, уютными.

Однажды Дом окончательно опустел. Он смотрел грязными окнами на оживленную улицу огромного города и понимал, что никому больше не нужен.

Зимой Дом чувствовал, что крыше слишком тяжело. Что ж — отжил свое. Но однажды кто-то пробежал по крыше и быстренько начал сбрасывать с нее ледово-снежную шапку, стучать палкой по сосулькам.

— Эй, ты кто, — спросил Дом, — почему решил мне помочь?

— Я - Заботник, — ответил голос, — искал жилье и случайно нашел тебя. Мы, Заботники, всегда ухаживаем за домами.

— Ты Домовой? Вряд ли, тот уже давно сбежал, — грустно сказал Дом, — а тебе зачем такой старичок, как я?

— Так я не Домовой, не живу внутри. Моя работа — заботиться о твоём здоровье. Снег убирать, лед счищать с крыши, следить, чтобы ты не грустил. Ты ведь стареешь, уже никто не живет в твоих квартирах. Я знаю, что тебе ужасно одиноко.

— Спасибо. Мне сразу стало лучше, когда ты убрал лед с крыши.

Теперь Дом не грустил, ему было весело с новым другом. Правда, Заботник так и не рассказал, откуда взялся. Но это не сильно беспокоило. Единственное, о чем переживал Дом, — Заботник слишком внезапно сбрасывал снег и сосульки с крыши. Иногда огромная глыба падала недалеко от людей. Дом боялся, что кто-то пострадает.

— Сбрасывай снег ночью, пожалуйста, ведь ты можешь ушибить кого-то.

— И поделом им. Я не люблю людей, — говорил Заботник, — они не делают ничего хорошего. Посмотри на себя. Ты ведь такой старый и красивый, а им на-

плевать на тебя. Разве кто-то из них хоть раз пытался тебя отремонтировать? Нет! Им все равно. Подумаешь, история города, что с того. Строят огромные многоэтажки-стекляшки. Смотреть противно. Никакой души нет в этих домишках.

Дом только вздыхал, он не хотел спорить с Заботником. Отчасти друг был прав. Прошло много лет с тех пор, когда в Доме кто-то жил. Теперь только крысы ютились внутри, изредка забежали дворняжки, но чаще всего сюда приносили мусор жители окрестных домов. В такие дни Заботник очень сердился и ругался на людей.

— Они даже не видят, как ты красив. Странные люди. Я никак не пойму, почему они такие. В следующий раз брошу в них чем-то тяжелым.

Однажды пришел человек с папочкой и приказал рабочим завесить некрасивое здание фальшфасадом. Теперь Дом не видел улицу и мог только представлять, как бежит поток машин, как подмигивает светофор, смеются люди. Так, спрятанный за тканью с красивым рисунком, Дом жил несколько лет.

А потом снова пришел человек с папочкой. Он что-то записал в черный блокнот и кому-то позвонил. Дом ничего не понимал, он боялся, что человек обнаружит Заботника. Но еще больше переживал, что Заботник решит уронить на человека доску с крыши. Всякое могло случиться, а Дом все же любил людей.

— Да-да, Федор Иванович, здание не пригодно для эксплуатации. Сносим. Готовьте документацию.

Дом скрипел навзрыд, когда рабочие разбирали его крышу, снимали то, что когда-то было красивыми наличниками. Заботник молчал.

— Я не понимаю, ничего не понимаю. За что они так со мной? Я же — история их города, разве это выход? Почему они не стали меня ремонтировать? Я ведь так долго этого ждал. А ты уходи, — вдруг сказал Дом, — мне немного осталось. Спасайся, спасибо тебе за всё.

— Не думай обо мне, — прошептал Заботник, — засыпай, скоро все закончится. Давай обнимемся, дружище.

Через некоторое время от Дома ничего не осталось, а на его месте должна была начаться стройка. Поток машин бежал по улице, светили фонари, город дышал осенним вечером. Два Заботника сидели на ветке дерева и смотрели, как подмигивает светофор.

— Так вот, что случается с Домами, когда они умирают. Я не знал, — прошептал один из Заботников, — даже представить не мог, что ты — призрак старого здания.

— Ничего не исчезает бесследно, дружище, — сказал второй Заботник, — я тоже когда-то был старым Домом. А когда меня снесли, нашел тебя. Кто-то же должен помнить, чем жил город раньше. Пусть люди забывают, разрушают историю, а мы сбережем прошлое. Может быть, когда-нибудь они поймут, как много потеряли. Пойдем искать других старичков. Им нужна наша помощь, хотя бы в последние дни.

Вячеслав Езков

Демон танцует

Не июнь.

Милена взяла себя в руки, грубо смяла вместе с листами бумаги и бросила в огонь. Языки пламени, что были ее же пальцами, извиваясь и дрожа, поднимались к небу сквозь холодный влажный воздух. Владивосток потух в тумане, и только одно, посреди белоснежного мрака, было ярко освещено, отчаянное счастье, сугубо личное, сама боль для чужаков, рискнувших прикоснуться к нему, зависть знает множество способов утолить необъяснимую человеческую жажду боли. Милена танцевала на хвосте Токаревской кошки*, у края малюсенького материка Евразия, на грани своих необъятных чувств. Японское море аплодировало ей шумом волн, который слышал даже Тихий океан. Босая на острых камнях, в коротком багряном платье Милена двигалась быстрыми шажками. Еще и еще. Сжалась, словно в воздухе ей стало тесно, и вырвалась, рухнув в море. Ледяная вода больно ворвалась в ноздри. Кровь из изрезанных камнями ног потянулась к поверхности извивающимися водорослями. Перед глазами закрылся занавес бархатной тьмы, но тут же вспыхнул огнем. Пламя горело в морской воде. Более того, море стекало по огню солеными каплями.

Демон июньского дождя увидел Милену танцующей в море. Страшное существо привлек свет ее отчаянного счастья. Демон сел на один из больших плоских камней

*Токаревская кошка – это узкая каменистая коса, которая проходит от самой южной оконечности суши Владивостока.

у воды, обнял колени и залюбовался этой счастливой точкой, совершенно забывшей про страх.

Милена остановилась, ощутив прикосновение пристального взгляда. Медленно повернулась, готовясь покраснеть от стыда, но побледнела от увиденного.

На берегу замерло трехметровое человекообразное существо. Его кожа была подобна кожному эпителию земляного червя, два выпуклых белых глаза без зрачков кляксами стекали от мясистого носа до шеи, лоб разделялся сухими губами, которые одновременно были деснами, охватывающими многочисленные черные клыки, похожие на иглы Приморского морского ежа, и ветвящиеся щупальца кукумарии. Одеждой существу служили поросшие по его телу морские ракушки. Местами они так сильно сдавливали кожу, что делали ее части похожими на моллюсков.

— Позволь мне представиться, Демон июньского дождя, - услышала пронзительно - крикливый голос.

Опустила взгляд и увидела рыжеволосого молодого мужчину, сидевшего перед трехметровым существом. Бледность лица Демона была настолько яркой, что поглощала и нос и глаза, только веснушки сияли на этом белоснежном полотне.

— Июньского дождя? – удивилась Милена.

Демон радостно взвизгнул, будто ждал именно этого вопроса, вскочил и заявил отрететированным тоном:

— В июне дождь смывает все солнечные дни нашего города. Так и я забираю всю радость у людей, чтобы погасить их внутренний свет и сделать этот мир лучше...

— Двадцать третьего июня во Владивостоке всегда солнечная погода, - справедливо заметила Милена.

— Один особенный день не считается! Не перебивай. Только в унынии люди могут остановиться, уви-

деть бессмысленность того, что действительно является бессмысленным, и начать замечать то, что важно.

— Или оказаться на Морском кладбище.

— Если они не увидели в своей жизни хоть что-то важное, то и сами для мира не важны, - произнес Демон. - Жизнь не терпит существования.

— Неужели ты не чувствуешь жалости к ним? Ты же сказал, что хочешь сделать наш мир лучше.

— Я думаю, а не чувствую. Хорошее и плохое, добро и зло - это веревки, которыми завязывают морской узел разума, а не чувств. Верно? - поднял голову к трехметровому существу, оно промолчало. - Это дух Депресс. Вся моя сила в нем. С тех пор как подчинил дух, мы вместе, Депресс и я навсегда. По крайней мере, пока я не скажу, что он мне не нужен.

— Тогда ты человек, поработивший духа, а не демон, - хмыкнула Милена.

— НЕТ, Я ДЕМОН! - переменялся в лице, веснушки изменили свое положение, и зло закричал. - Если бы это было не так, мог бы я забирать души тех, кто не увидел в своей жизни хоть что-то важное?!

— Ты забираешь их души?

— Мы заболтались. Замолчи. Хватит. Сейчас я забираю все твое счастье, - вытянул руки вперед. - Отдай мне свет твоей души. Хорошо?

Милена с непониманием взглянула на его раскрытые ладони.

Дух не двинулся с места. Он возвышался над героями, словно калека, переставший ненавидеть себя за неизменное и ощутивший кожей нежность знакомых потоков ветра вместо новых фантомных болей.

— Депресс, - сквозь зубы пробормотал Демон июньского дождя. — Ты ставишь меня в неловкое положение. Я сказал, что забираю все ее счастье. В этот момент ты должен вырвать ее душу и напоить меня светом.

Дух проигнорировал слова Демона.

Не дожидаясь дальнейших действий, Милена нырнула в морскую воду и поплыла прочь так быстро, как могла. Доплыв до ближайшего берега, она выбралась из воды и скрылась в первом подъехавшем автобусе.

На следующий день город вспомнил, как выглядит солнце.

Утонувший в его лучах барельеф здания, которое владивостокцы именуют «Серая лошадь», игриво превратил исторически первый небоскреб города в грубый, высеченный в воздухе комод, который зачем—то короновали статуями. Все ящики этой брутальной мебели в центре Владивостока были закрыты для прохожих, кроме одного — нижнего справа. Там располагался маленький цветочный магазин, названный в честь редкого Приморского кустарника из семейства аралиевых «Заманиха высокая». Владела этим магазином старая китаянка по имени Катя Иванова. Полного имени у нее не было. Как написали в паспорте «Катя», так Чжоу Сюнь и была Катей по жизни. Катюшей же называть ее боялись из-за сурового нрава.

Магазин наполняли запахи цветов, каждый из которых по праву мог стать ароматом на мужской коже.

— Куда его? — Магомед поставил коробку и достал из нее аленький цветочек.

Оказавшись среди незнакомых людей, цветочек застеснялся и слегка наклонился в бок. Будучи интровертом, он боялся показать всю свою удивительную красоту.

— Какой-то цветок наклоненный, - пробормотал Магомед.

— Он просто кривой, - недовольно сказала Катя. - Не товарный вид. Выбрось его.

Магомед пожал плечами и бросил аленький цветочек в мусорное ведро.

В магазин влетела Милена:

— Простите, я опоздала!

Старая китаянка недовольно взглянула на нее:

— Опаздывают на минуту, а ты не явилась.

Магомед опустил глаза, сделав вид, что его здесь нет.

— Я опоздала всего второй раз, - жалобно протянула Милена.

— На неделе! Сегодня вторник! – вспыхнула Катя. – Уходи.

— Нет, прошу, не выгоняйте меня, - ладони Милены похолодели. – Я поработаю сегодня бесплатно!

Катя задумалась и смягчилась:

— Хорошо... Но если опоздаешь еще раз!

— Спасибо! СПАСИБО! – Милена не дослушала и попробовала обнять старую китаянку, но та отстранилась.

— Вынеси мусорное ведро, - произнесла. – Справишься с этим заданием?

Дверь захлопнулась за спиной Милены. Она удивленно остановилась перед стеной дождя. Лицо облизал свет молнии. Послышался гром.

«Дождь? Небо даже не было хмурым, - подумала с тревогой. – Нужно вернуться в магазин и переждать его, - поморщилась. – Нет, не могу, только не сегодня. Вымокну, но зато покажу начальнице свое старание!»

Прижала к груди мусорное ведро. Аленький цветочек повернулся к ней.

— Это всего лишь дождь, - пробормотала. – С каких пор ты боишься дождя?

Ступила правой ногой, вытянув носочек, и слилась со стихией, превратившись в силуэтный рисунок. Вновь слышался гром. Милена тесно прижалась к каждой дождевой капле, отбросила тревожные мысли и отдалась танцу с дождем. Он вскружил Милену ветром, заставив землю забыть прикосновения ее ног. Аленький цветочек засиял у груди пылающим сердцем. В танце Милена ответственно прислушивалась к ритму дождя, и услышала голос:

— Ты наивно полагаешь, что сбежала от Демона июньского дождя? - Демон ворвался в танец Милены и повалил ее на землю.

Алый цветочек потух и покатился вместе с ведром в сторону мусорных баков.

Милена сильно ударилась головой. Перед глазами все поплыло, словно она оказалась по другую сторону дождевой лужи, а затем почернело.

Демон вытянул руки вперед:

— Отдай мне все твое счастье!

Милена тихо застонала, но резко стон превратился в молчание.

Дух был неподвижен.

— Отдай...ПОЧЕМУ НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ?! ПОДЧИНЯЙСЯ, ДЕПРЕСС! – истерично закричал Демон июньского дождя, затем осекся. – Она умерла? Поэтому? – склонился над Миленой. – Нет, дышит. КАК ТЫ СМЕЕШЬ МНЕ НЕ ПОДЧИНЯТЬСЯ, ДЕПРЕСС? ЭТО ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО!

— Что за шум? Этими мусорными баками разрешено пользоваться только нашему магазину! – на улицу вышел Магомед. – Что за...

Увидел Демона, склонившегося над Миленой. Ничего не говоря, Магомед прыгнул прямо на Демона июньского дождя, оседлал его и ударил в живот с такой силой, что Демон ненадолго потерял возможность дышать. Схватил Демона за рыжие волосы и стал яростно бить его лицом об асфальт. Демон извернулся, схватил Магомеда за ногу, дернул и тот упал прямо на него. Ощутили дыхание на лицах друг друга.

— Еще раз увижу тебя здесь, - запыхавшись, сказал Магомед, - попадешь в Тысячекойку. Понял? Повтори, что я сказал!

Демон июньского дождя плюнул отколовшийся зуб прямо ему в лицо и произнес:

— Я забираю все твое счастье.

— Что? - не понял Магомед. - Я не это говорил!

Депресс подошел к Магомеду, резко ввел ему одну руку в голову, другую - в область сердца и вытащил из мужнины весь свет его жизни.

Очнувшись, Милена поднялась на ноги и побежала прочь вместе с дождем. Молнии гремели над головой, словно барабанная дробь, в одном ритме с ее сердцем.

Сбежала вниз по лестнице, спрыгнула на проезжую часть, пробежала реку из автомобилей насквозь, пересекла центральную площадь, отдышалась в тени Золотого моста и продолжила бег, пока не упала, поскользнувшись на набережной Цесаревича. Перевернувшись на спину, легла междузданий—кирпичей, изрезанных высокими окнами. Голова раскалывалась со звоном в ушах. Дождь затекал в открытые глаза.

— Тебе помочь? - Демон июньского дождя протянул руку.

Милена с ненавистью взглянула на его раскрытую ладонь. Ей хотелось вырвать линию жизни Демона и придушить его. Но вместо этого Милена произнесла:

— Нет, спасибо, я отдыхаю.

— Отдай мне все твое счастье, - прошептал Демон. Депресс по—прежнему был неподвижен.

— Почему дух не трогает тебя? – протянул.

— Знаешь, Демон, мы сейчас в особенном для меня месте, - произнесла Милена. – Здесь проходят тренировки танцевальных школ нашего города. Я всегда любила танцевать. С детства просыпалась и пыталась каждое свое движение превратить в танец. Танец...в этом мое счастье, которое ты так желаешь. Отчаянное и сугубо личное, сама боль для чужаков, рискнувших прикоснуться к нему. Хочешь все мое счастье? Потанцуем?

Вложила свою кисть в раскрытую ладонь Демона июньского дождя.

Ловко поднялась на ноги, боль стекла с Милены вместе с дождем. Демон положил свободную руку ниже ее лопатки.

— Ты ведешь? – выдохнула и толкнула Демона июньского дождя, чтобы начать движение.

Тот невольно сделал шаг назад.

— Я всю свою жизнь превратила в танец, без остатка, и однажды моим партнером стала сама природа. Представляешь? Оказалось, что она – это и есть танец. Языки пламени извиваются в сальсе, ветер живет вальсом, земля водит вечный хоровод своими сцепленными сопками, пустынями и почвами... - заставила партнера сделать поворот. – Люди – дети природы. И чтобы приблизиться к Матери...мы тоже танцуем.

— Я демон, а не человек, - Демон июньского дождя взял инициативу в свои руки, повел в танце.

— Ты ничего не можешь без плененного духа. Ты человек.

Под дождем герои не спеша двигались в размере вальса.

— Я могу сделать с тобой то, что захочу, - подмигнул Демон.

— Ты не заберешь мою душу. Так что же ты можешь без духа? – усмехнулась.

Демон осторожно наклонил Милену:

— Я могу сломать твоё тело, как раковину морского гребешка, - наклонил её сильнее.

Ноги Милены задрожали, в теле появился животный страх:

— Зачем ты забираешь души тех, кто не увидел в своей жизни хоть что-нибудь важное? А как же надежда? Что если это важное только впереди, и стоит просто подождать? Да, в унынии, да в разочаровании, но с надеждой, - перевела тему.

— Нет никакой надежды, - вернул Милену на место.

— Откуда ты можешь знать это?

— Я был таким. Избавляю мир от страданий, которые пережил сам. Делаю его лучше.

— Значит, дух – это и есть твоя надежда. Он позволил увидеть что-то важное в твоей жизни...

— **НЕТ НИЧЕГО ВАЖНОГО!** – внезапно закричал. – **Я НИЧЕГО НЕ ЧУВСТВУЮ. ЭТОТ ДУХ ДЛЯ МЕНЯ СОВЕРШЕННО БЕСПОЛЕЗЕН. ЭТО НИЧТОЖЕСТВО ДАЖЕ НЕ МОЖЕТ ОТДАТЬ МНЕ ТВОЙ СВЕТ! А ОН СИЯЕТ ЯРЧЕ ВСЕХ! ТЫ СМОГЛА ПОГАСИТЬ СВОИМ СЧАСТЬЕМ ЦЕЛЫЙ ГОРОД! ВОЗМОЖНО, ИМЕН-**

НО БЛАГОДАРЯ ТЕБЕ Я БЫ ПОЧУВСТВОВАЛ ХОТЬ ЧТО— НИБУДЬ. НО НЕТ...НЕТ НИКАКОЙ НАДЕЖДЫ. НИЧЕГО В ЭТОЙ ЖИЗНИ НЕТ. ТОЛЬКО И ОСТАЕТСЯ НАБЛЮДАТЬ, КАК ЛИСТВА ОПАДАЕТ С ДЕРЕВЬЕВ ВЕСНОЙ... НЕКОТОРЫХ И В РАЮ ЖДЕТ АД.

— Ты сказал, что дух для тебя бесполезен, а, значит, не нужен, – произнесла Милена, улыбнулась и отпустила Демона июньского дождя.

— Что... - растерялся Демон, он словно очнулся ото сна. – Я...нет.

Дух Депресс сделал шаг назад, обошел Демона июньского дождя и встал рядом с Миленой.

— Ты свободен, малыш, Мать - природа ждет тебя, - радостно сказала Милена. – План сработал.

— Но как? – беспомощно протянул Демон. – Почему он не отдавал мне твою душу? Дух обязан был исполнять мои приказы!

— Я отказалась от души, чтобы спасти его. Но это не проблема. Я заберу твою, - вытянула руки вперед.

Демон июньского дождя взглянул на ее раскрытые ладони.

Майя Солод

Вечный

Вечный редко спускался к людям. Он жил уединённо. Казался одиноким. И, пожалуй, таким и был. Всегда.

Никто не помнил, когда он пришёл в наши края, как давно появился. Он просто был. Был всегда. И мы его знали.

Он всегда был таким. Потрёпанная куртка, старые джинсы, удобная обувь. Мудрые глаза почти прозрачного цвета в обрамлении тёмных густых ресниц на вечно молодом смуглом лице. Вьющиеся волосы спадали на высокий лоб. Порой он скрывал лицо за солнечными очками или под кепкой. Но его трудно было не узнать.

Он проходил по улицам и дети привычно здоровались с ним. Иногда он шутил или играл с ними. Девушки и женщины часто откровенно любовались им. А мужчины всё больше молчали.

Много слухов ходило вокруг этого странного человека. Но я не верю ни одному. И всё потому, что я знаю, кто он.

Мы повстречались случайно. Я мечтала уехать из этих мест и именно тогда начала работать официанткой в небольшом кафе. Он был несчастным гостем, но порой заходил, чтобы выпить чашечку травяного чая или крепкого кофе. Без сахара.

Я знала это. А он знал, что я принесу именно то, что ему будет нужно.

Тот день не был солнечным. Туристы, вместо того, чтобы просиживать на пляже, разъехались по экскурсиям. Поэтому и работы было мало.

Но он пришёл. Заказал чашку чая, что-то из еды и раскрыл книгу. Он не в первый раз читал именно её. Красная обложка, чёрные крупные буквы, но совершенно незнакомый для меня язык.

Я отвлеклась на других посетителей, но изредка бросала на него взгляд. Всё же он был интересной фигурой в нашем городе. И у меня было много вопросов. Но приехал автобус с новыми жильцами к нашей гостинице. И в бесконечной суете мне так и не удалось завязать разговор. Да и зачем ему это? А мне?

Он так и просидел весь день, подобно красивой статуе. С чашкой чая и потрёпанной книгой. А после того, как я покинула кафе, он подошёл. Это было странно и волнительно. Нет, я не была из тех влюбленных в него девчонок, сочиняющих про него нелепые истории. Мне было любопытно. Он сам начал разговор:

— Уже поздно. Я провожу тебя. — он сказал так уверенно, что я и не посмела возразить.

— Спасибо, — только и хватило мне смелости произнести.

Мы шли сначала по людным улицам, петляя между веселящихся прохожих. Такова специфика курортного городка. Тут будто бы каждый день праздник. И только мы, местные, устаём от этой бесконечной суеты. Ведь стоит свернуть за угол — туда, куда туристов не водят — и откроются серые, безлюдные и некрасивые подробности будничной жизни.

И мы свернули в такой переулок. Вернее я просто шла домой, а он шёл рядом. Будто бы знал, куда я иду. Пару раз в моей голове возникали странные воспоминания из городских легенд и баек о моём спутнике. Но я гнала от себя эти мысли.

Он молчал. И курил. Я несколько раз пыталась начать разговор, открывала было рот, но замолкла, не успев произнести и звука.

Они вышли из ниоткуда. Их было несколько. Кажется, трое. Не местные. Они громко и плоско шутили. Тянули руки и нарывались на драку. Они требовали отдать им меня. Он лишь усмехнулся и встал между нами. От первого удара ему удалось увернуться. Я зажмурилась, прижалась спиной к стене и закричала. Так страшно мне давно не было. Шум борьбы, крики, потасовка. Я ничего не видела, но отчётливо слышала. Угрозы, удары, сдавленный смех. А потом всё затихло. Эти несколько секунд тишины показались мне вечностью.

А когда я раскрыла глаза, передо мной, шатаясь, стоял только он. Они ушли или убежали. Не знаю.

Он выругался. А я так и стояла, прижавшись к стене. Меня колотило от холода или страха — не знаю.

Он улыбнулся. А затем резким движением выдернул из груди окровавленный нож и отшвырнул в сторону. Я подалась вперёд на несколько шагов и зажала рану рукой. Липко, горячо. Моё сердце бешено колотилось в груди.

— На помощь! Люди! — ответа не было. Никого вокруг. Только вдалеке лаяли собаки.

— Глупая, — произнёс с усмешкой мой нечаянный несчастный защитник, — это не страшно. Со мной всё будет в порядке.

Он отступил. И хотя руки мои были в крови, от раны не осталось и следа.

— Но... Как? Почему?

— Просто не хотел, чтобы смерть забрала тебя так рано. Надеялся занять твоё место. Но не получилось. Как всегда. Наши игры делятся уже тысячи лет.

— Игры? — мой голос всё ещё дрожал, по щекам ка-
тились слёзы. — Игры со смертью?

— Ты ещё дитя. Тебе не дано понять всех причуд ми-
роздания, — ещё одна снисходительная усмешка.

— Так кто же ты? — мой голос дрогнул. Я одновре-
менно хотела и не хотела услышать ответ.

Он усмехнулся. Привычным движением рук прику-
рил ещё одну сигарету:

— Я хитрец. Хитрец, который перехитрил не толь-
ко смерть, но и самого себя. Я не могу умереть. Как
бы мне этого не хотелось. Однажды я стёр своё имя из
книги Смерти. И теперь она не помнит обо мне. Она не
может меня забрать.

У меня было так много вопросов. Но он не ответил
прямо ни на один из них. Но голос его звучал эхом в
моём воспалённом сознании. Он рассказывал о себе,
о своей вечной жизни. Он специально дождался кон-
ца моей смены, чтобы проводить меня до дома. Пото-
му что знал. Он будто чувствует, что нужен людям. Он
знает, что Смерть близко. Он мечтает о том, чтобы за-
нять чужое место, но не может. Так он помог мне. Он
сказал, что мне просто повезло. Впрочем, он много ещё
говорил. Он сказал, что мне здесь не место. Что я давно
знаю, чего хочу и мне пора двигаться дальше. Смерть
ещё нескоро обо мне вспомнит.

Мы расстались под утро. Хотя я была готова прого-
ворить с ним вечность. Впрочем, наши вечности такие
разные.

Татьяна Жихарева

Когда спасет черный

Давным-давно, когда очередной болгарский правитель собирался в путь к своим предкам, произошла эта история.

Старший сын правителя, Азилей, зашёл утром к отцу. Тот лежал, укрытый медвежьими шкурами, но они не могли согреть тело, в котором жизнь только теплилась. Горько было сыну смотреть на родителя и осознавать, что уже ничем ему нельзя помочь.

Правитель приоткрыл глаза и, заметив Азилая, с трудом произнёс:

– Наклонись ко мне, сын мой.

Азилей поцеловал руку отца и приклонил голову.

– Ты знаешь, как я люблю тебя и твоего брата Джамеда. Вы оба мне очень дороги. Я хочу, чтобы вы жили в мире.

– Отец...

– Дослушай меня, Азилей, мне надо успеть тебе всё сказать. Сегодня я видел сон. Ко мне приходили предки... Тебе надо отправиться в путь с самыми верными воинами и найти место, где ты построишь город, который прославится величием и богатством.

– Где это место, отец?

– Там, где от смерти тебя спасёт чёрный...

– Кто чёрный? – спросил Азилей.

Но правитель так и не ответил сыну. Его взгляд застыл, и казалось, что он продолжает видеть, но только уже вечность и своих славных предков.

Сразу же после обряда погребения Азилей, простившись с младшим братом Джамедом и дав ему наставле-

ния, отправился в путь со своими верными воинами. Но как правильно выбрать дорогу?

Много дней и ночей вёл он своих товарищей, полагаясь на интуицию да на своего коня. Добрались они до берега широкой могучей реки, что отражала багровый закат, и остановились на ночлег.

«Может, зря я послушал отца, мало ли, что ему могло присниться, – думал Азилай, снимая седло с коня, – да и воины мои устали бесцельно топтать травы».

Река напоила всадников и лошадей, освежила и дала силы. На берегу горел костёр, а один из воинов – Мумикей – готовил ужин. Солнце, казалось, утонуло в воде, звёзды ещё не успели расцвести на небе, поэтому занавес темноты освещали только языки огня. От казана разносился аромат мяса, который намекал проголодавшимся путникам, что еда скоро будет готова. Вокруг костра шёл оживлённый разговор, взрывался смех и катился по течению реки.

Когда ужин был готов, Мумикей выбрал лучшие куски мяса и хотел поднести Азилаю.

– Ай! – крикнул Мумикей, выронил еду и схватился за щиколотку.

– Тебя что, комар укусил? – начали насмехаться товарищи.

– Да, укусил, да только не комар, – растерянно ответил повар, оглядываясь. – Прости, Азилай, я выберу тебе другое мясо.

Мумикей вернулся к казану, набрал мяса и только сделал шаг от костра, как опять выронил еду на землю, в этот раз молча, но с открытым ртом. Ему показалось, что два огненных глаза смотрят прямо на него и пронзают насквозь, словно стрелы.

– Ты что же, решил сегодня испытать моё терпение? – сердито сказал Азилей и поднялся с места. – Отойди, я и сам могу достать куски мяса.

Вдруг за спиной Азиля раздался вой – и в одно мгновение над головами сидящих рядом мужчин пролетел лохматый чёрный зверь и вцепился в лицо Мумикей. Тот закричал от страха и боли, начал вертеться, опрокинул казан и завыл от ожогов.

– Стойте! – крикнул Азилей воинам, схватившимся за мечи и луки. – Стойте! Не убивайте его!

Зверь, зашипев в окровавленное лицо Мумикей, спрыгнул с него и важно посмотрел на застывших в изумлении воинов, затем подошёл к Азилю и потёрся о его ногу. Это был огромный чёрный кот.

«Там, где от смерти спасёт тебя чёрный...» – медленно проговорил Азилей. Кот мяукнул и скрылся в темноте.

– Мумикей, сегодня, очевидно, мои воины будут спать голодными. Но повар голодным не бывает, не правда ли? – Азилей продел мечом мясо и поднёс к губам Мумикей. – Ешь!

– Н-нет, я не так уж голоден, – промямлил тот.

– Ешь, или тебе помогут.

Ропот, гневные крики бывших товарищей заставили Мумикей втянуть голову в плечи. Он упал на колени и взмолился:

– Пощади! Ради памяти своего отца – великого правителя! Пощади, Азилей! Ведь и тебя тоже недавно называли сыном. Неужели ты не сделал бы невозможного ради спасения жизни своего родителя?

Азилей мечом приподнял за подбородок голову Мумикей, еле сдерживая желание пронзить горло:

– Как ты посмел?! Ведь столько лет я считал тебя верным своим воином! Посмотри в глаза своим товарищам! Как ты мог так поступить с теми, с кем сражался плечом к плечу?!

– Твой брат Джамед велел мне убить тебя и привезти голову, как доказательство. Иначе моих родителей ждёт долгая и страшная смерть. Только поэтому сегодня, когда выпала мне очередь готовить ужин, я подсыпал яд.

– Что же, Мумикей, твоя голова поможет родителям миновать страшной смерти и избавит их от позора сына...

Ещё долго то место, где Азилей начал строить город, называли местом, где чёрный кот спас от смерти, опрокинув казан. Но со временем, когда крепость была возведена, её стали звать просто Казан, а кота казанским.

С тех пор сменилось много поколений. Забыто имя Азилея и его товарищей, их подвиги и поражения. Но осталась необъяснимая любовь к кошкам, наверное, потомкам того самого чёрного казанского кота.

Кирилл Балашов

Марья-разбойница и Кузьма

Легенда- сказка, услышанная в Костромской губернии

Давным-давно в дремучих Кадыйских лесах бушевала банда разбойников, во главе которой была Марья-разбойница. Норов Марьи был суров, а слава о ее «подвигах» распространилась далеко за пределы Костромской губернии. Разбойники грабили всех без разбора. И бедных, и богатых. Место для своего промысла Марья выбрала не зря, именно здесь проходила дорога на город Галич. А Галич с издавна славился своими богатствами. Больше всего от грабежей страдали крестьяне. Банда отбирала у них самое последнее. В пору и по миру пойти.

В то время жили в этой местности охотник Кузьма с женой Алёной. Однажды отправился он на охоту.

- Если объявятся разбойники, бросай все и беги в лес. Спрячься и сиди тихо. А я тебя всегда найду. - Сказал Кузьма и ушёл.

Два дня был Кузьма на охоте. Пора и домой путь держать. Выйдя из леса, увидел, что от дома осталось только несколько головешек. Все сгорело. Ничего не осталось. В его отсутствие, нагрянула банда разбойников.

Пошел Кузьма в лес искать Алёну. Долго звал ее, а она не откликается.

Неужели в плен к разбойникам попала - подумал Кузьма- иначе бы нашлась уже.

Стал думать, как выручить жену. Силой, не получится. Что он может сделать один с целой бандой. А вот хитростью, может и получится. Отправился Кузьма в лагерь Марьи, а чтобы задобрить грозную атаманшу в дар преподнести охотничьи трофеи.

Где находится лагерь разбойников все в округе знали, но подходить к нему боялись. Поэтому и удивились разбойники, когда в их лагерь пришел охотник.

-Ты еще кто такой? -спросил один разбойник.

-Буду говорить только с Марьей – ответил Кузьма, а у самого голос чуть не дрогнул. Понимал, чтобы спасти Алёну у него всего один шанс.

- С Марьей. Так с Марьей- усмехнулся второй разбойник.

Привели Кузьму к Марье, та смотрит на него и говорит.

- Ты зачем нарушаешь наш покой? – сказала, а сама смотрит Кузьме прямо в глаза - Все в округе знают, если кто в лагерь придет против моей воли, отсюда уже не выйдет.

- Звать меня Кузьма. Хочу в вашу банду, -говорит, а сам по сторонам посматривает, Алёну ищет.

- А зачем ты нам? - засмеялась Марья

-Я самый лучший охотник в округе. И лес никто так не знает, как я.- сказал Кузьма и положил перед Марьей охотничьи трофеи. - А это вам в знак моей преданности.

- Хорошие охотники нам нужны, да провожатые в лесу пригодятся. Так и быть оставайся.

Так Кузьма попал к разбойникам. На окраине лагеря начиналось болото, там и томились пленники. Кузьма увидел Алёну, но виду не подал.

Вечером наевшись и напившись, разбойники улеглись спать. Даже караульных не оставили.

- А кто к ним заявится? Их вся округа боится – сказал один разбойник.

Когда все уснули, Кузьма решил пробраться к пленникам, но увидел Марью, которая направилась к большому серому камню у болота. В темноте не видно было, что она там делает, но, когда Марья ушла, Кузьма увидел, что землю у камня недавно копали. Немного раскопав, увидел золотые монеты. Вот значит, где прячет банда награбленное. Положив все на место, чтобы Марья ничего не заметила, Кузьма решил, что нужно делать дальше.

Незаметно пробрался в ближайшее деревню и рассказал старосте, что лагерь ночью никто не охраняет. Договорились собрать подмогу и напасть на следующую ночь.

Кузьма еле успел вернуться в лагерь, чтобы его отсутствия не заметили.

Весь день банда гуляла. Вечером, как только все уснули, на лагерь напали мужики с окрестных деревень. Разбойники растерялись и бросились в болото и утонули. Утонула и Марья.

Пленники были освобождены. Все вздохнули с облегчением - наконец-то банда, которая грабила всю округу, сгинула.

Через некоторое время Кузьма вернулся в лагерь и выкопал разбойничьи клад. Деньги раздавал обездоленным, никому не отказывал. Построил новый дом, вокруг которого образовалась деревня Марьино. А от имени Кузьмы пошла фамилия Кузьмичевы, потомки которых до сих пор живут в Костромской области и не только.

Михаил Крюков

Сказка о Маленьком городе

Давным-давно на холмистой возвышенности среди волшебных лесов появился на свет Маленький город. Тихая река и таинственные болота охраняли его покой. А озорной ручей веселил, брызгая каплями воды.

Со временем город рос, заселялся жителями, хотя всё ещё оставался маленьким, считая себя большим. В нём было всё: красивые здания, узкие улочки, тесно прижавшиеся к друг другу домики, заводы, большая дорога, ведущая в столицу, ярмарки, на которые съезжались купцы со всех окрестных деревень и самая настоящая военная крепость. Одного лишь не было - названия.

А в волшебном лесу Маленького города, под старой сосной жил в своей норке Ёжик. Он был самым обыкновенным серым Ёжиком с кривыми лапками, розовым брюшком и колючками на спине. Ему очень хотелось быть особенным, известным на весь лес и Маленький город. И чего он только для этого не предпринимал! То хотел научиться бегать быстрее зайца, то прыгать выше лягушонка. Даже пытался научиться летать, как ночная сова. Но всё, к сожалению, всегда неудачно заканчивалось: разбитым носом, поцарапанным животом и сломанными иголками.

Однажды в жаркий июньский день на берегу реки собрались лесные жители, чтобы помериться силой, и давай наперебой хвастаться, кто из них самый быстрый и самый ловкий. Ёжик стоял в сторонке. Все только посмеивались над ним: «Ничего-то ты не умеешь, косолапый! Ты похож на черепаху. Ха-ха-ха!».

Вдруг неожиданно звонкий смех прервался топотом и ржанием коней. К реке подъехала большая позолоченная карета, запряженная десятью лошадьми, из которой вышли красиво наряженные люди. Последней вышла стройная, величественная, с привлекательной внешностью женщина.. Кто бы вы думали?! Сама императрица Екатерина II. Взгляд её был строгим. Но, увидев лесных жителей, она улыбнулась и направилась к ним. Звери бросились врассыпную. Один Ёжик, неуклюже перебирая лапками, не успел убежать. Императрица нагнулась к нему и протянула руку. Ёжик со страха быстро свернулся в клубок и выставил колючки. Едва дотронувшись до ежа, императрица укололась об его иголки. Только теперь Ёжик понял, для чего они нужны! Императрица со свойственным ей немецким акцентом закричала своим подданным: «Хфать еж! Хфать еж! Хфать еж!» А Ёжик тем временем катился себе по дорожке прямо в волшебный лес. И никто не смог схватить его.

С тех пор Ёжика стали считать смелым и отважным. Он стал известным во всей округе, ведь благодаря ему у Маленького города появилось красивое название — Фатеж.

Елена Панюкова

Стук сердца

Где - то на краю земли, на стыке веков стояла деревня. А невдалеке от неё возвышался небольшой холм. Он весь был покрыт зелёной травой и цветами. В подножии холма, словно страж, плотной стеной рос густой кустарник. Только в одном месте он размыкался, пропуская наверх вытоптанную людьми тропинку. Днём здесь гуляли жители деревни. Они любили устраивать на нём пикники. Девушки собирали цветы и плели венки. А по ночам холм оставался в полном одиночестве. Шли годы, и ничего не предвещало перемен. Казалось время не властно над этим местом. Оно словно остановилось тут навсегда.

Но вот однажды в деревню пришла незнакомая женщина. Уже множество дней она была в пути. Что и кого она искала? Пожалуй, на этот вопрос она и сама не знала ответ. Она просто шла, следуя своему пути. И вот он привёл её к подножию холма. Подойдя к нему, она не стала подниматься проторенной тропинкой. Молча, не спеша она стала обходить подножие холма, словно искала что-то давно позабытое. Вдруг она остановилась у колючего куста шиповника и осторожно отодвинула его ветви в сторону. Там за ними скрывалась еле заметная расщелина. Природа и время сделали всё возможное, чтобы скрыть её от людских глаз. Пригнувшись, она смело шагнула вперёд. Пещера была абсолютно пуста. Только эхо гуляло тут и отражало биение её сердца. Стук сердца становился всё громче. Он проникал в самые отдалённые уголки пещеры. И вдруг ему стал вторить еле уловимый звук. Он шел, казалось из недр

земли. Женщина замерла, прислушиваясь, и тихо шагнув вперёд, наклонилась и стала разбирать каменный завал. Звук становился всё отчетливее. И вот, когда она откинула очередной камень, из-под земли вырвался фонтан чистой воды. Он столбом взлетел вверх, а потом быстро побежал по пещере. С весёлым шумом он вырвался на улицу. Журча и искрясь на солнце, он пробежал вдоль деревни и устремился вдаль, пробивая себе новое русло.

Ничего не понимая, люди выскочили на улицу. Они с удивлением смотрели вслед убегающему ручью. Никто и никогда больше здесь не видел странную женщину. Никто не знал, откуда она пришла и куда исчезла. Никто не знал, куда бежит прозрачный, как слеза ручей. Но с тех пор в пещере бьёт неиссякаемый родник. Люди, томимые жаждой, приходят напиться к нему. А его возникновение в пещере приписывают чуду. Да и не чудо ли то, что одно сердце способно уловить еле различимый шепот другого, прийти за ним на край земли, что звук одного сердца способен разбудить второе ото сна.

Вера Дмитриева

Городуля

Московская сказка

В привычном грохоте и гуле,
в плену у камня и стекла
живет лукавый Городуля,
вершит нехитрые дела.
Любимец Старого Арбата,
смотритель Воробьевых гор,
он просто лешим был когда-то,
когда шумел здесь темный бор.
Теперь и не узнать округи.
И он позабывать уж стал,
когда князь Юрий Долгорукий
в его владеньях пировал.
В его лесах крепчали срубы,
росли дома, все больше их.
Потом забрали реки в трубы,
и разогнали водяных.

Он быстро справился с тоскою,
хотя и жаль заветный лес.
В свое хозяйство городское
он и душой, и телом влез.
Все видел: подвиги, измену,
Литовско-польские полки.
Он патриарху Гермогену
в темницу воду из реки
носил по каплям. Видел Мнишек,
Ажедмитрию свистел во след.

Да мало ли еще воришек,
каких еще не видел свет,
к Москве стекались. Городуля
водил их за нос, путал путь.
Свистел, показывая дулю
французам, не кому-нибудь.
Наполеону плюнул в спину,
тушил пожар, как только мог.
И в эту горькую годину
кому-то выжить он помог.

Он был с Москвой, не сдали нервы,
в тяжелый для столицы час.
Октябрь. Военный сорок первый.
Он не умчался, убоясь
бомбежек и толпы несътой,
что из Москвы бежала вспять.
Театр Вахтанговский разбитый
пытался лапками собрать.
А в ноябре, никем не видим,
он шел с парада прямо в бой
и горько плакал над убитым,
что пал за дом его родной.

Сегодня очень трудно стало
в Москве и ездить, и дышать.
Порой он выглядит устало,
но нет, не время отдыхать!
Ему на месте не сидится,
на непорядки он сердит.
Он знает всех собак в столице,
и за деревьями следит.
Не воет ночью, не хохочет.
Но все-таки, хотя и тих,
приедем голову морочит,
и не туда выводит их.

В метро наводит блеск зеркальный.
Не отдохнуть ему, хоть плачь.
Когда же в суете вокзальной
мелькнет таежный бородач,
геолог, зверолов вернется,
пропахший хвоей и дождем,
то Городуля встрепенется,
и польхнут глаза огнем.
И столько смысла, столько смаку
он слышит в запахе тайги,
что превращается в собаку
и тычет носом в сапоги.
Былую юность вспоминает...
Глядь, – грязь на сапоге! Ай-яй!
Он бородой ее сметает:
«Приезжий, ноги вытирай!».

Сергей Мытищин

Слон Лаврич

Москва, двадцатые года,
Уже закончилась война.
Но наш народ не унывал:
Разруху, голод побеждал.
И зоосад был не забыт-
Он самым лучшим должен быть.
Был привезен индийский слон
И сразу стал любимцем он.
К нему стремились приходиться,
Любили все его кормить.
И приносили пироги,
Баранки, булки, калачи.
Их слон охотно принимал
И с аппетитом все съедал.
Затем благодарил всех он,
Забавно делая поклон.
А люди хлопали ему,
Приятно было и слону.
Вот так в Москве он сытно жил,
Ел пироги и не тужил.
Но вот однажды слон сказал:
«Мне надоело, я устал
За оградою ходить,
Никуда не выходить.
Нет уж мочи мне терпеть,
Хочу город посмотреть.
Как живут здесь москвичи,
Что бросают калачи.
Златоглавая Москва
Слышал я от них всегда,
А ее я не видал,
По вольеру лишь гулял.

Мне в калитку не пролезть,
На ограду не залезть.
Не умею прыгать я,
Это трудно для меня.
Я ведь помню, что сказали
Те мальчишки у ограды.
Посмотрите этот слон
Весит кажется пять тонн.
Вот громадина какая,
Не проедет на трамвае.
Если б мог я говорить,
Я бы смог уговорить,
Чтоб ворота отворили,
Погулять бы отпустили.
Я Москву бы посмотрел,
Никого бы не задел.
И вернулся бы назад
В свой любимый зоосад.
Только видно не судьба,
Не отпустят никогда».
Так наш Лаврик рассуждал
Про себя, когда гулял.
Лаврик -звали так слона.
Его знала вся Москва.
По Москве как хулиган
Вдруг пронесся ураган.
В зоосад он заскочил
И ворота повалил.
Рядом с входом положил,
На свободу путь открыл.
Слон такого и не ждал
И поэтому стоял.

Думал он идти иль нет,
Ведь нарушит он запрет,
За ограду не ходить,
Никуда не выходить.
И решил: «Я все ж пойду,
На столицу посмотрю».
По брусчатке зашагал,
Лишь ворон перепугал.
Шел вразвалку, не спеша,
И смотрел во все глаза.
Головой своей вертел
И запомнить все хотел.
Тут слона все увидали
И в испуге закричали:
«Посмотрите! Бродит слон
Может это только сон».
Вдруг внезапно слон наш встал:
Он витрину увидал.
За стеклом всех привлекая,
И баранки заслоняя,
Преогромный торт стоял.
В лучах солнца весь сверкал.
И цветочки как живые,
Все из крема, заварные
Все смотрели на слона,
Красотой своей маня.
Слон как вкопанный стоял,
Слюни лишь одни глотал.
Тут соблазн возник большой,
Слон не справился с собой.
Быстро все произошло:
Лаврик выдавил стекло.
Аккуратно, не разбил,
Словно кто его учил.

Торт стал на куски кромсать,
Очень быстро в рот кидать.
Пять минут всего прошло-
Не осталось ничего.
А пока он торт съедал,
Тут народ и набежал.
Стали хором все шуметь,
Всем хотелось посмотреть.
Ведь впервые все они
Видят, как едят слоны.
Тут кондитер подбежал
На всю площадь закричал:
«Я в милицию пойду,
Про разбой там расскажу.
Кто оплатит мне погром
Зоосад, а может слон?
Ну признайся Лаврик мне
Много денег в кошельке?
А заказчик вдруг придет,
Сразу он меня побьет.
И к тому же я ему
Неустойку заплачу».
(Кто-то тортик заказал
Но как видим не забрал)
А наш слон стоял, молчал,
Только хвостиком махал.
Ну а что ему сказать,
Он наелся хочет спать.
Тут служитель прибежал
И на ушко прошептал:
Ну же, Лаврик дорогой,
Погулял, пойдем домой».
Упираться слон не стал
И обратно зашагал.
Он отправился назад
В свой любимый зоосад.

Так вдвоем они и шли,
И к воротам подошли.
Сторож створки отворил,
В зоосад их запустил.
Ну а кто-то из толпы
Закричал: « Ну что же мы!
Нужно Лаврика спасти,
Деньги за него внести»
Тут с кого-то шапку сняли,
В нее денег набросали,
Сумму нужную собрали,
Пострадавшему отдали.
И исчерпан был скандал,
Ведь никто не пострадал.
Да хороший здесь конец,
А народ наш молодец.
Помогает всем всегда-
Очень добрая душа.
Лаврик долго еще жил,
Все невзгоды пережил.
Он стал символом Москвы,
В зоосад к нему все шли.

Сказки,
основанные
на народных
легендах
и эпосе

*Хорошая история
становится легендой,
а красивая легенда -
великий эпосом*

© Никита С.Митрохин

Вячеслав Кондин

Чёртов бор - Кулем мунсы

День стоял солнечный, с тундры тянуло прохладой и свежим спасительным ветерком, который разгонял назойливых комаров и мошек, загоняя их в высокую траву на берегу тихой реки. От этого и людям и зверям становилось легче жить. На берегу реки расположилось стойбище оленеводов пастухов, которые каслали за своим стадом через Уральские горы и по всей Байдарацкой тундре, где рос беломошник-ягель основная пища северного оленя. В километре от стойбища стоял густой еловый лес, снискавший среди оленеводов дурную славу. В народе его называли Чёртов бор - Кулем мунсы, хозяином леса был Куль ики - властелин подземного мира. Только днем и только мужчины ездили в этот бор за дровами, стараясь взять в нём только необходимое для жизни количество дров. Без большой необходимости кочевники старались не останавливаться на стоянку возле бора. Но в этот раз ранние дожди и вышедшие из берегов ручьи и реки заставили их разбить стойбище возле святого леса. Собрав стадо и поставив чумы, пастухи пережидали непогоду. И вот погода наладилась. Реки замедлили течение, вода быстро шла на спад и в спокойную погоду, было видно, как плескался любитель холодной воды хариус. Детвора, уставшая сидеть в чумах у костра, высыпала на каменистый берег играть в шумные игры. Взрослые занимались по хозяйству, женщины варили ароматное оленьё мясо, рубили по берегам кустарник на дрова, складывая в аккуратные кучи-поленницы возле чумов. Мужчины, чинили упряжь и нарты, для

следующего перехода по тундре, чистили и проверяли оружие, ладили инструмент. Жизнь шла своим чередом.

Вечерело. Багровый закат окрасил горизонт. В это время года, в тундре, солнце еле скрывалось за горизонтом, а затем медленно катилось вверх.

Дети, не боясь темноты, бегали вокруг чумов и нарт, задорно смеясь и крича, играли в очередную игру, привезённую из интерната в тундру. Из чума вышла слепая бабушка и сказала:

- Дети, вы забыли, где мы находимся? Давайте быстрее заходите в чум.

- Но дети, будто бы не слыша бабушки, бегали, весело крича.

Со стада возвратился пастух, дядя Кузьма, увидев, что дети бегают, сказал:

- А ну быстро в чум, видите над лесом, туча тёмная идёт и ветер поднимается, рассердите хозяина здешних мест, ведь пришло время его детям играть, а вы их пугает своим криком, заходите быстро.

И вправду, на спокойном небе со стороны леса появились свинцовые тучи. Горизонт осветили зарницы, переливаясь вспышками молний.

Дети испугались, забежал в чум, и забились за бабушкину спину. Бабушка сидела в своей половине чума возле костра, горящего в центре жилища и что-то шептала, а костёр, будто бы понимая шёпот бабушки, изредка трещал, выбрасывая в отверстие чума сноп искр. В чуме было слышно, как налетел ветер, прогибая жерди жилища и трепля покрышки.

На улице собаки подняли лай, а ветер как будто их поднимал и бросал на чум, от чего они взвизгивали, но

продолжали лаять. Вдруг лай прекратился, покрывка у входа в чум откинулась, и в жилище вошёл невысокий старичок, весь обросший густыми, как смоль волосами, из-за которых было не понятно, есть на нем одежда или нет.

Бабушка, сидя у огня, спросила сына:

- Кузьма, кто к нам пришёл?

- Куль ики, ответил Кузьма.

Дети и женщины сбились в кучу за спиной бабушки, дрожа от страха.

А Куль ики и бабушка, казалось, смотрели друг на друга.

Бабушка мысленно спросила:

- Зачем к нам пожаловал? Мы тебе плохого не сделали.

Куль ики ей ответил, тоже мысленно:

- Как ты смеешь говорить со мной, женщина? Я властелин подземного мира и живу во тьме.

- Если ты хорошенько приглядишься, то увидишь, что я тоже, уже много лун не видела белого света и живу во тьме, как и ты, ответила бабушка. Ещё раз спрашиваю, зачем пожаловал?

- Вы пришли на мою землю несколько дней назад, а жертву не принесли, да ещё дети ночью разыгрались, моим детям играть мешают, поэтому я и пришёл. Давай мне кого ни будь из детей в жертву.

- Жертву мы тебе не принесли, так как луна не выросла, а детей в жертву я тебе не отдам, этому другие боги возмутятся. - Ответила бабушка.

- Никто не возмутится, я небо от всех богов тучами закрыл, никто и не увидит. А не отдашь, тогда я сам заберу. Сказал Куль ики и потянул руки к детям.

Дети от испуга начали пятиться ещё дальше и уперлись в жерди чума.

А бабушка ему в ответ:

- Сильно ты ошибаешься, владыка нижнего мира, одна богиня все же с нами всегда находится и она перед тобой.

- Будто бы вторя её словам, пламя в костре заискрилось, зашипело, и язычки угрожающе заплясали над костром. Кто, думаешь, меня предупредил о твоём приходе? Этот огонь мне передала моя мама, когда я вышла замуж, и даже потеряв зрение, я умею с ней разговаривать. А теперь уходи и больше не возвращайся, бабушка нагнулась к очагу, взяла самый яркий уголь, голыми руками и начертила перед Куль ики крест, произнесла защитные, магические слова.

Куль ики - закрутился на месте как волчок, завыл и со всего размаху вылетел из чума. Погода тут же успокоилась. Сквозь отверстие чума стало виднеться голубое небо и тусклые летние звезды, которые тут же исчезли, когда небесный всадник поскакал на небо.

Наступал новый день. Все легли спать, лишь бабушка не спала, а охраняла сон детей и внуков...

Когда выросла луна, Кузьма поймал самого большого оленя чёрного окраса, которого принесли в жертву в священном бору, чтобы задобрить Куль ики.

Алексей Часов

Коляда

По мотивам преданий древних руссов

Снег падал очень крупный, словно созрел на лету. А, возможно, на каждой из снежинок находились очень крошечные девочки и мальчики, лепившие снежную бабу. Конечно же, очень маленькую, незаметную простым глазом. От этого и вырастали снежинки, превращаясь в пушистые белые хлопья. И каждая из них, прекращая полет, занимала свое место на белом покрывале бескрайней земли руссов – легендарного племени, хранимого их Великим Богом, которого они именовали Родом.

Тишина стояла над становищем, утонувшем по пояс в глубоком снегу. Мужчины были на охоте, а старики, женщины и дети ожидали их в теплых жилищах, почерневших от копоти дымных очагов и постоянно горевших лучин.

Ждала и Миланка своего Колодара – отважного воина, возглавлявшего охоту, которому всякий раз сопутствовала удача. А вместе с Миланкой ждал своего отца и маленький Колядышек – весь светленький, как лучик солнышка – колоколнышка. Лежал он в колыбельке, которую качала Миланка, ласково убаюкивая своего первенца.

*Баю-бай, Колядышек,
Не ложись на краешек,
Придет серенький волчок
И ухватит за бочок,
И утащит во лесок
Под ракитовый кусток.*

Тут из угла раздался сухой кашель, а за ним скрипучий голос бабки Немоги:

- Негоже поешь, девка. Беду не накличь.

- Да нет, хвала Роду Великому,- быстро ответила Миланка. – Он не позволит.

И тут же продолжила колыбельную:

*К нам, волчок, не ходи,
Колядышка не буди,
Наш Великий Род
Колядышка бережет.*

Малыш уже спал, улыбаясь во сне, и изредка причмокивал розовыми губками. Миланка тоже улыбнулась, глядя на спящего сына. Затем ласково погладила его светлую головенку и вдруг спохватилась:

- Воды бы надо приготовить.

Вода зимой готовилась просто – из растопленного на очаге снега. Благо дело, было много его, окружившего жилище до самого оконца, заткнутого лосиным пузырем, через который только при ярком солнечном свете проникал внутрь тускловатый свет.

Миланка накинула на голову холщовый плат и, взяв глиняную крынку, пошла к выходу, прикрытому тяжелой медвежьей шкурой. Но не успела молодая мать отогнуть край полога, как огромный снежный ком сбил ее с ног и ворвался в жилище. И перед испуганными глазами Миланки выросла огромная белая волчица с красными глазами. Выхватив из колыбельки Колядышка, она перекинула его на лохматый загривок и скрылась из глаз.

А когда пришедшая в себя Миланка, простоволосая, выбежала следом, она уже ничего не видела, кроме крупной белой заметы, похоронившей в себе страшный белый призрак. Рыдая от отчаяния, Миланка повалилась на снег. А очнулась лишь у очага, к которому помогла ей добраться горестно всхлипывавшая старая бабка Немога.

Скоро вернулся Колодар с охоты, как всегда, удачной. Но радость его быстро сменилась печалью о пропаже Колядышка. И несмотря на усталость, он решил, не теряя времени, отправиться на поиски сына. Куда идти, он не знал. Земля руссов была очень велика – целых четыре стороны необъятных просторов. Все их обойти – жизни не хватит.

Но тут ему на помощь пришел Ведан – старый жрец, знавший очень много. А знал он много потому, что постиг мудрость Великого Завета руссов, начертанного на белом Горюч-камне Алатьре его хранителями. Да, Ведану, как никому из простых руссов, довелось побывать на острове Буяне, находящемся в Океян-море, и с помощью верховного жреца Велемудра прочитать этот Великий Завет – белокаменную книгу, повествующую о происхождении жизни и истории руссов.

Ведан попросил принести прядь Миланкиных волос. Смочив их в какой-то едко пахнувшей жидкости, он опустил прядь в огонь очага, отчего запах стал ароматным. Склонившись над огнем, Ведан вдохнул в себя этот аромат и сел, задумчиво глядя на очаг. Затем молвил:

- Хвала Роду Великому, да хранит он весь род наш. Хвала и Берегиням, хранящим каждый очаг рода нашего. Но Миланка обидела одну из них – Домовицу. Как-то раз, гуляя с младенцем, она обломала ветку березы во время ее цветения. В это время такое делать не следует. Верно, Миланка решила порадовать сына запахом березовых почек. Так она причинила боль Домовице, живущей в этом дереве. Вот та и отвернулась от нее. Этим воспользовалась злая Упирша, которая, приняв облик огромной белой волчицы, проникла в твое жилище. Остальное ты знаешь сам.

- Я пойду и убью эту волчицу, - гневно произнес Колодар.

- Не торопись. Тем более, что время уже упущено и твой Колядышек превращен в волчонка. Даже если ты и спасешь его, ребенком он уже не станет.

- Так что же делать?

- Хвала Роду Великому, он подает мне знак хранения нашего рода. В первую очередь надо умиловить Домовицу. В этом случае Миланка должна подарить ей прядь волос своих, смоченных слезами. Только после этого ты можешь отправиться на поиски волчицы. Но знай: в одиночку ты с ней не справишься.

- Ты же знаешь, Ведан, я в одиночку ходил на тура и медведя.

- Это не простая волчица. Она – Упирша. И одолеть ее можно лишь в последнюю ночь перед полной луной. Только в эту ночь. И убить ее можно лишь огненной стрелой. А зажечь стрелу быстро, может, и не удастся. Поэтому тебе нужен помощник. И помни, Колодар, решающая для тебя ночь – перед полной луной. До нее осталось лишь две ночи. Так что желаю удачи, да хранит тебя Род Великий.

Вернувшись в свое жилище, Колодар передал Миланке совет Ведана. Та послушно отрезала прядь своих длинных светлых волос, омочила их слезами, которых было в избытке, и, выйдя из жилища, подошла к березе и привязала эту прядь к одной из нижних веток. И пропела свою просьбу с надеждой на прощение:

*Домовинюшка,
Свет-княгинюшка,
Больше не грусти
И меня прости.*

*Мне не жаль волос,
Лишь бы довелось
Снова рядышком
Быть с Колядышком.*

А Колодар тем временем встретился с братом своим Туробоем и договорился с ним идти вместе на поиски белой волчицы. Собирались недолго. Взяли пищу, оружие, кресало для зажигания стрел, оседлали добрых своих коней и отправились в путь. И не заметили они, каким взглядом, полным надежды на удачу, смотрели на них глаза Домовицы двумя черными пятнами, проявившимися на белом стволе березы.

И Колодар даже не обратил внимания на светлую прядь волос, которая отделилась от ствола, быстро понеслась по воздуху и незаметно впелась в гриву его коня. Единственное, что удивило Колодара, поведение коня, который резко остановился, поднял голову, раздул ноздри и, не слушая узды, повернул вправо. Колодар принял это за особое знамение, явившееся по воле Великого Рода, и послушно вверил себя уверенному ходу коня.

Долго ехали братья по заснеженной равнине, минуя леса и реки. Уже позади были два ночлега, проведенных в неглубоких лощинах. И наконец, к исходу третьего дня они достигли глухой чащи. Углубившись в нее, они обнаружили большую нору. Сердце подсказало Колодару, что это – логово зверя.

Оба сошли с коней, приблизились к норе и заглянули внутрь. Там находился маленький мальчик. Это был Колядышек. Колодар быстро вытащил сына и тут же вскрикнул от отчаяния: тело мальчика покрылось белой шерстью, и он на глазах изумленных братьев превратился в волчонка и выскользнул из рук Колодара.

Протяжный вой заставил братьев вздрогнуть и оглянуться. К ним приближалась огромная белая волчица. Оба схватились за верные упругие луки. Две стрелы ударили по зверю. Волчица рассыпалась, как снежный ком, и тут же возродилась вновь в прежнем облике.

«Огненная стрела» - вспомнил Колодар, быстро вытащил кресало и попытался зажечь трут. Но неожиданно свалившийся с ели снег сделал трут безнадежно сырым. И как Колодар ни старался его зажечь, ничего не получалось. В то же время Туробой преграждал путь волчице, посылая в нее одну стрелу за другой. Все они попадали в цель. Но каждый раз зверь рассыпался и вновь превращался в самого себя.

И вот уже горящие глаза волчицы оказались в непосредственной близости. Злобно и торжествующе смотрели они на братьев. У Туробоя закончились стрелы. А Колодар из последних сил старался зажечь отсыревший трут.

И тут перед его глазами возникла прядь светлых волос. Она подлетела к его рукам и вспыхнула от искр, в изобилии сыпавшихся из кресала. Колодар даже не заметил, каким образом в его руках оказался лук, как горящая прядь подлетела к ее оперению, и огненная стрела ударила между глаз волчицы. Зверь вспыхнул. А клочья пламени упали на волчонка.

Когда два пылающих костра погасли, на месте волчицы осталась лишь горсть пепла, а волчонок превратился в маленького мальчика. Колодар бережно поднял сына на руки. И, странное дело, - ночи как не бывало. Опушка леса озарилась лучами дневного светила. Солнце поднималось над лесом, благотворящим светом освящая свое возрождение.

Алексей Беляков (Андрей Марков)

Казахская легенда

Карим стоял устало, облокотившись на посох, и смотрел в степь. Ветер проносил мимо кусочки пыли, поднимаемой неутомными ягнятами, вечно спешащие куда-то кустики перекасти-поля и запах полыни. Полынь. Казалось, что она была везде и серой, бурой или красной массой покрывала землю. Там, где было больше воды, она была гуще. В более сухих местах почти сливалась с землей, и казалось, что степь покрыта разноцветными пятнами.

- Прямо, как в детстве, - подумал Карим, - когда впервые выходил с отцом пасти стадо. Столько лет прошло, а степь все такая же.

Рядом встрепенулся и зарычал пес, втягивая воздух расширяющимися ноздрями.

- Ну, ну, тише, Алым! Что ты беспокоишься?

Карим поднес ладонь ко лбу и стал всматриваться в марево раскаленного горизонта. Глаза были не такие, как в молодости, но не уступали в зоркости многим молодым чабанам, которые все больше пытались что-то разглядеть в своих телефонах, чем в бескрайней дали. Там на бугре стоял одинокий зверь.

- Уходи, - крикнул Карим и замахнулся посохом, - здесь тебе делать нечего!

Верный Алым, старый алабай с кусками линялой шерсти на боках и застрявшими с ней колючками, с лаем бросился вперед. С земли поднялись еще два крепких пса, но не побежали вслед за вожакom, а только сделали несколько шагов вперед, как бы прикрывая стадо по краям. Алым же, пробежав всего

несколько метров, остановился, встав в вершине собачьего треугольника, и грозно зарычал. Волк был далеко и зря тратить силы, а тем более, впустую драть глотку он явно не хотел.

Зверь еще какое-то время постоял на бугре и скрылся в балке. Карим тяжело вздохнул и пошел в сторону кошары. Ночь предстояла нелегкая, и стоило отдохнуть. В душное пространство дома идти не хотелось, и он улегся прямо на улице у входа, прижавшись спиной к нагретой земляной стене. Усталость и закатное солнце навевали дрему, и он сам не заметил, как заснул.

Карим стоял на коленях перед небольшим углублением в земле, в котором копошились пища три маленьких слепых комочка. Их мать, матерая волчица, лежала в стороне вывалив язык набок в луже собственной крови. Вокруг толпились охотники, размахивая руками и ружьями, перекрикивая друг друга, обсуждая закончившуюся охоту.

- Я стою, а она как выскочит! – рассказывал один.

- А ты штаны-то проверял, не мокрые - хохотали в ответ товарищи.

- Да, ты не перебивай, а слушай.

- Что слушать-то, ты уже раз сто повторил свой рассказ.

- А, вот, ты сам волчицу застрели, тогда и посмотрим!

- Вот, и застрелю!

- Ладно, вам, петухи! Нечего тут бахвалиться. Все сегодня молодцы, - перебил молодых забияк старый Аман.

- Теперь волки надолго уйдут. Не будут больше по кошарам лазать, да барашков таскать.

- Дедушка, - обратился к нему Карим, - а, что с волчатами делать?

- Ясно что? Вон, брось их собакам, они быстро с ними разберутся.

- Прости меня, но я не брошу. Я их себе возьму.

Над только что орущей толпой повисла тишина.

- Зачем?

- Хочу из них сторожевых псов сделать. Вырастут, будут мне помогать отару сторожить.

- Ты в своем уме, - положил руку на плечо внуку Аман, - зверь всегда останется зверем. Как бы ты их не воспитал, однажды в них взиграет волчья кровь, и они будут убивать.

- Но, ведь, собаки были когда-то волками? Значит, нашим предкам удалось их приручить?

- Молодой ты еще, Карим, многого не понимаешь. Делай по своему, но берегись. Никто тебя не поймет, а все грехи будут сваливать на твоих волков, - сказал Аман и опираясь на посох пошел в сторону тяжело качая головой, то ли от старости, то ли не соглашаясь с внуком.

Толпа осуждающе загудела, но Карим уже не слушал. Он снял с плеч старый отцовский китель, завернул в него три копошащиеся комочка и, не обращая внимания на укоризненные возгласы и толчки, пошел к дому.

Стоило ему войти во двор, как овцы шарахнулись в дальний угол загона, а собаки оцетинили шерсть и зарычали.

- Койши, - крикнул на них Карим, - что раскричались!

На шум из дома вышла жена с их первенцем на руках.

- А что нам папа принес, - улыбаясь спросила она, то ли у мужа, то ли у годовалого сына.

- Щенки, - с любопытством заглянула она сверток, и тут же добавила с ужасом, - Карим, что это – волки?

- Молчи женщина, - твердо ответил чабан, - лучше принеси побольше овечьего молока и нагрей воды. Надо их покормить и смыть чужой запах.

Карим положил волчат в угол кошары, пошел в чулан и после долгих поисков с грохотом извлек из-под всякого хлама старое корыто. Налив в него воды, и тщательно перемешав его с молоком, он принес волчат. Маленькие зверята, оказавшись в воде, громко пищали и вырывались, но Карим только смеялся и продолжал смывать с них запах матери.

- Не вырывайся, малыш, я топить тебя не собираюсь. Сейчас помоемся, и будешь как новенький - приговаривал он отмывая очередного щенка.

Старую корзину пастух выстелил овечьей шкурой и, вытерев насухо новых членов семьи уложил в нее.

- Вот, теперь можно и поесть, - заключил он.

Отрезав кусок овечьей шкуры, Карим скрутил его в тугой жгут и стал обмакивать в молоко. Сначала звереныши фыркали, уворачиваясь от капель молока. Потом начали аккуратно слизывать незнакомую жидкость, а распробовав с жадностью накинулись на еду. Тыкая носом и лапами они упирались в кулак, как тело матери и тянули на себя шерстяной «сосок». А наевшись, прижались друг к другу и мирно заснули.

- Чем не собаки, - сказал Карим, повернувшись к жене, - вот вырастут и будут не хуже сторожевых псов помогать нам.

- Ох, Карим, вечно у тебя все не как у людей, - укоризненно покачала головой жена.

От этого восклицания старый Карим проснулся. Огляделся вокруг. Полуденное солнце уже начало скатываться к горизонту, но до наступления долгожданной прохлады было еще долго. Вот так сон?

- Ты зачем меня разбудила, Зумрад? Не беспокойся, скоро я к тебе приду, - сказал он, вглядываясь в побелевшую голубизну раскаленного неба.

- Скоро, - прошептал он, укладываясь на другой бок.

Кто-то настойчиво и раздраженно стучал в дверь. Собаки подняли невообразимый лай к которому приешивалось рычание волчат.

Сонный Карим натянул свитер и отодвинул засов.

- Рустем, брат, что случилось, - удивился он, - зачем так стучишь? Всю семью разбудишь.

- Что случилось, - увидел он раздраженное лицо брата, - он еще спрашивает «что случилось»?

- Твои волки у меня всех кур задрали. Ну ка, веди их сюда! Я их сейчас собственными руками задушу.

- Каких кур, какие волки, - не понимал Карим, - о чем ты говоришь?

- Да, вот только что. Я их сам видел.

- Успокойся, Рустем, мои звери послушные и давно дома, спят вместе с собаками. Вон, сам посмотри, - позвал Карим, открывая дверь и предлагая зайти брату.

- Нет, нет, не открывай, а то еще выскочат. Все говорят, что они от тебя сбегают и ночью в кишлак приходят. То собаки пропадают, то куры с гусями.

- Какая глупость. Они живут с собаками, зачем же им других таскать? И едят они вдоволь. Уже стали мне помогать стадо охранять. Вот приходи днем, сам увидишь.

- Эээ, Карим, не хочу я не на что смотреть. Звери останутся зверями, сколько ты их не дрессируй!

- А кур, все равно, они сожрали,- сказал в сердцах Рустем и пошел со двора.

А Карим не обращал внимание на упреки соседней. Кошара далеко от кишлака. Овцы целы. Волчата уже давно стали взрослыми и ручными собаками и только ледяной взгляд, да опущенный книзу хвост выдавал в них принадлежность к диким собратьям. Чем старше они становились, тем все больше удивляли хозяина своей смышленостью и преданностью. Не одна чужая собака не решалась подойти близко к кошаре. Что уж говорить о шакалах? Их вой, такой частый раньше, теперь слышался ближе к кишлаку или далеко в степи.

Беда пришла неожиданно.

Рано утром послышался звук моторов и к дому подъехали три УАЗа. Из первого вылез местный участковый, а следом за ним четверо незнакомых людей.

- Здравствуй, Карим, - начал он разговор.

- Здравствуй, Бахыт! Что-то случилось? Что за люди с тобой?

- Вот, комиссия из района приехала. Односельчане на тебя жалуются. Говорят, ты волков держишь, а они в кишлак ходят и озоруют.

Карим посмотрел на серьезные лица приехавших людей.

- Что же, - сказал он, - походите в дом, за чаем все обсудим.

Гости расселись вокруг стола, но разговор не клеился. Никакие доводы не принимались и не выслушивались. Чужие люди приехали не слушать, а решать проблему раз и навсегда. Все сводилось к одному – волки есть волки и их надо убить.

- Карим, так нельзя, - подвел черту самый старший, - волки должны понести наказание.

Зумрад тихо стояла за ширмой, прижав руки к груди, и тихо плакала.

Карим задумался. Исподлобья посмотрел на непрощенных гостей, и вздохнул.

- Что ж, - обреченно встал он из-за стола, - раз надо убить, то вы и убивайте!

С этими словами он распахнул дверь и громко свистнул. В комнату, помахивая низко опущенными хвостами, вбежали три волка.

Гости замерли и прижались к стене. Участковый стал хвататься за кобуру пистолета. Кто-то ойкнул.

- Можно, - сказал Карим!

Радостные звери бросились к перепутанным людям. Самый большой из них, подбежал к старшему комиссии, и поставил лапы ему на колени. Тот весь побелел, но остался неподвижно сидеть на месте. Огромный пес лизнул его в щеку, топом в ухо и, подобно ручной собачонке стал радостно вилять хвостом, призывая играть. То же случилось и с другими. Волки ласкались, крутились волчком и доверчиво терлись о ноги новых знакомых.

Первым не выдержал участковый. Сначала нервно, а потом с большей теплотой он начал смеяться, затем решился и погладил большую мохнатую «собаку».

- Да, они же, как дети, - воскликнул он и этим снял всеобщее напряжение.

Все заговорили разом, стали гладить и ласкать играющих волчат, обсуждая увиденное.

- Ну, Карим, удивил, - сказал, прощаясь старший комиссии, - я думал, что сейчас все - сожрут! А тут такое!

- Жди корреспондентов из района. Надо чтобы все узнали о таком чуде!

Карим скромно улыбался, радуясь в душе, что все обошлось.

А когда уже сели в машины, охотовед района подозвал Карима и сказал:

- И, все-таки, поаккуратнее – у тебя ведь семья, ребенок. Дикие звери всегда останутся дикими. Рано или поздно это проявится, - и захлопнул дверь машины.

Две следующие недели были самые беспокойные за всю жизнь Карима. Каждый день приезжали какие-то люди. Они расспрашивали о всяких мелочах, фотографировали его, жену, сына и, конечно же, волков. Что-то записывали и уезжали. Но на смену им появлялись новые, и новые. Слава о необычном чабане, приручившем волков, быстро разнеслась по району. Его фотографиями пестрели страницы практически всех изданий района и области. Но к осени, с началом сбора урожая, все постепенно забыли о нашумевшей истории, и Карим вздохнул свободнее.

Вместе с наступлением осени и холодов пришла пора свадеб. Женился и самый младший брат Карима. Свадьба должна была состояться в соседнем районе и Карима, как одного из самых почетных гостей пригласили в первую очередь.

- Как же дом оставим, - беспокоилась Зумрад, - все-таки на несколько дней уезжаем.

- Что ты беспокоишься? Наши волки никого к отаре не подпустят. Можешь быть уверена!

Казахская свадьба мероприятие не однодневное и проходит она в несколько этапов. Сначала гуляют свадьбу в доме жены. Затем молодожены расписываются в сельсовете и только потом приезжают в дом к мужу. И вот тут начинается большая свадьба, которая занимает несколько дней. Гуляют всем кишлаком. А как же иначе, ведь практически каждый дом – родня. Не пригласишь – обидишь.

Гуляли хорошо! И старики и молодые. Пляски, веселье, тосты за здоровье молодоженов!

Но как-то не спокойно было Кариму, что-то подсказывало, что надо вернуться домой.

- Что ты беспокоишься, - успокаивала жена, - нельзя уезжать, обидим брата.

- Я и не уеду. Так, отлучусь не на долго и вернусь обратно. Никто даже не заметит.

До дома было километров двадцать, а через степь и того ближе. Карим тихонько вышел с крыльца и завернул за угол дома, скрывшись от ярко светящего фонаря. Ранняя осенняя ночь уже давно вступила в свои права, и многочисленные звезды усыпали песком созвездий иссини черное небо. Карим завел машину, на всякий случай вынул из багажника и положил на заднее сидение ружье, и нажал на педаль акселератора. Ночь сразу встала стеной за дверью кабины в четко отчерченном коридоре желтого света фар. Машину бросало вправо и влево, но водитель не убирал ноги с педали. Какая-то неведомая сила подгоняла его. Быстрее! Быстрее! Вот и знакомая балка, а сразу за ней прутья загона и стена дома.

Карим вжал педаль тормоза в пол и машина, подняв облака пыли, остановилась посреди двора. В свете фар лежал растерзанный баран. Кровь, частично впитав-

шаяся в землю, была везде. Дрожащими руками Карим начал рыться в бардачке, пока руки не наткнулись на фонарь. Он перегнулся через сидение и схватил ружье. От нервного напряжения никак не мог открыть коробку с патронами, а потом вставить их в стволы.

Включив фонарь и с ружьем на перевес он шагнул из машины. Луч света выхватил из темноты забившихся в угол загона овец. «Хорошо, что не всех порвали», - мелькнула мысль. Но вот в пыли еще один баран, рядом с ним еще один. И тут слева, в тени за лучом света, какое-то движение.

Карим вскинул ружье к плечу!

Весело махая хвостами и буквально стелясь по земле к нему бежали его три волка. Он облегченно вздохнул – живы. Но что это? Свет фонаря выхватил всех тех зверей из темноты. Их морды были перепачканы кровью.

- Ах, вы шайтаны, - в сердцах крикнул Карим, - зря я не послушался стариков. Что же вы наделали?

Он оттолкнул льнущих к нему волков в сторону.

- Убийцы, - закричал он, - ну, так не жить вам на этом свете!

Крикнул и выстрелил в самого ближнего к нему. Зверь рухнул, как подкошенный и забился в конвульсиях. Остальные отпрянули, не понимая, что происходит. А взбешенный человек раз за разом разряжал в них свое ружье, заряжал снова и опять стрелял в уже бездыханные тела.

- Вот вам, вот вам, - повторял он, вкладывая в каждый выстрел всю свою боль.

А когда закончились патроны он отбросил бесполезное ружье и стал остервенело бить ногами трупы вчерашних друзей. От злости на себя, и обиды за неоправ-

данные надежды он вкладывал в каждый удар всю свою ненависть. Удар, еще удар. И тут он неожиданно зацепился за что-то в темноте и рухнул, так и не успев замахнуться. Руки нащупали на земле что-то мягкое. Карим поискал упавший фонарь. Тот валялся в стороне, освещая оседающую пыль. Пастух поднял его и направил на лежащую тушу. Это был волк. Нет, не его ручной волк, а матерый дикий зверь. Он был мертв. Слегка ошалев от увиденного Карим пошел по двору. И о ужас! Среди тел мертвых баранов повсюду лежали мертвые волки. Дикие волки. Пять овец и семь мертвых диких зверей, которых убили его волчата.

- Вот это да, - воскликнул он с восхищением!

И тут вдруг он понял, что только что убил своих волчат. Убил своих верных друзей в пылу беспочвенной ярости.

Карим схватился руками за голову, упал на колени и завыл подобно зверю.

Старик вздрогнул и проснулся. Диск солнца уже наполовину утонул в мареве горизонта и плыл над ним алым куском арбуза. Далеко в степи в этом мареве дрожали три силуэта то ли зверей, стоящих на краю балки, то ли призраков прошлого, напоминающих о давно прошедших днях.

Назар Шохин

Луна и Тюльпан

Подражание сказкам огнепоклонников

Давно это было – три тысячелетия назад. В краю великих гор и водоемов, в Нововавилонском царстве правила династия огнепоклонников. У царствовавшего здесь правителя Кай-Ковуса родился сын – богатырь Сиявуш. Рос мальчик быстро, поражая всех силой своей и здоровьем, смекалкой недюжинной и учтивостью, завидным трудолюбием и упорством. Все бы хорошо, да подкралось горе, нарушив размеренную жизнь царства: умерла жена Кай-Ковуса – мать Сиявуша.

Вдовец погоревал, погоревал, да и задумал жениться снова. Полюбил он на склоне лет дочь йеменского царя, молодую красавицу Судабу.

Сыграли свадьбу. И стала жить во дворце новая царица.

Прошло немного времени – и вспылала она страстью к молодому Сиявушу. Долго терзалась, пока решилась наконец признаться приемному сыну в любви. Но встретила суровый отказ. И тогда Судаба решила отомстить: коварно обвинила она царевича в покушении на ее честь.

Трижды, как велел обычай, Сиявуш прошел испытание огнем – и сумел доказать верность отцу. Только вот пережитые муки забыть не смог. А потому отрекся от веры предков, отказался от наследства, взял мешок с нехитрым скарбом и отправился куда глаза глядят...

Добрался Сиявуш до далекого Турана, где правил царь Афрасиаб. Ласково встретил тот изгнанника, дал

ему должность при дворе и, не единожды проверив, выдал за него дочь свою Фарангиз.

Родился у молодых сын – маленький батыр Кай-Хосров – деду, отцу и матери радость.

Решил Сиявуш основать в оазисе реки Зарафшан город, чтобы подарить его Кай-Хосрову. Но никак не удалось строителям возвести главные стены: всякий раз в конце работы они обрушивались. Послушался тогда Сиявуш мудрецов, стал закладывать крепость ковшом – по сверкающей ярко в течение всего года Большой Медведице. И стены получились крепкими, неприступными. Назвали город Арк – «блистательный». И стоит он с тех пор, радуя хозяев и гостей...

Но не давало покоя их счастье злым силам. Увидел однажды Афрасиаб вещий сон: будто просит Кай-Хосров о помощи... Проснувшись в холодном поту, решил он украсть внука у родителей и отдать его на воспитание пастухам. Так и сделал, а людям объявил, что забрали Кай-Хосрова ангелы смерти.

Очень не хотелось Афрасиабу вступать в борьбу со злом. Всей душой желал он счастья своим близким и потому возвел для них неподалеку от Арка маленькую крепость с железными стенами, замуровав все щели и входы в нее. А на высоком столбе повесил искусственный полумесяц – дабы злые силы не сумели проникнуть сюда в ненастье.

Но не помогло это. Однажды за полночь, сбросив искусственный полумесяц, прокралась в крепость злая колдунья Нахид. Пришла к Афрасиабу и потребовала ключи от покоев Сиявуша.

Трудно, мучительно дался страшный выбор Афрасиабу, но противостоять колдунье он не смог...

Долго истязали палачи царевича. И погиб он, вконец измученный, в построенной для него крепости. Здесь и был похоронен, по преданию, у восточных ворот Арка.

Чудом спаслись от кровожадной Нахид его жена Фарангиз и переданный ей пастухами маленький Кай-Хосров.

Переправившись через реки, пройдя степи, пустыни, преодолев горы, мать и сын добрались до Нововавилонского царства.

Долго слушал их дед Кай-Ковус... И решил сам отправиться в Арк, чтобы наказать Нахид.

Тяжелым было сражение, много пало голов. И все же колдунью одолели. Не в силах смириться с поражением, та уколола себя отравленным ножом...

Так злая сила была побеждена, и над блистательным Арком, наконец, воцарились мир и спокойствие.

С тех пор каждый год в ночь перед Наврузом – днем весеннего равноденствия и началом восточного Нового года – от света погребенной в землю и до сих пор не найденной искусственной луны Афрасиаба расцветает первый тюльпан. Это кровь основателя города...

АИСТ¹

По мотивам легенды белорусских татар²

Собрал однажды Всевышний в один большой мешок все пороки людские. Позвал Ангела и сказал:

– На, носи все это в Ад. Да смотри не развязывай мешка. Иначе навлечешь на себя мой гнев.

Понес Ангел мешок. И не заметил, что за ним последовал Дьявол, царь зла всякого. Он шел, пытаясь возбудить в душе Ангела любопытство, обратить его взор на шевелящиеся бока мешка. Ибо все, что в мешке было, билось в судорогах в ожидании конца своего.

Невмоготу стало Ангелу бороться с искушением. Дай, подумал он, хоть одним глазком взгляну, что там в суме. И опасливо, с оглядкой стал развязывать веревку. А проклятый Дьявол тут как тут: толкнул Ангела под локоть – и посыпалось все из мешка. Все пороки превратились в гадов земных – лягушек, гадюк, ящериц, мышей.

Бросился Ангел собирать их. Но всякий раз, как только он хотел положить в мешок уже пойманных гадов, из него выскакивали новые. И расползлись амфибии и пресмыкающиеся по всей земле. И заполнили реки, озера, болота.

Печальный, Ангел явился к Господу и сознался в грехе своем. Долго сидел Создатель, погрузившись в мрачные раздумья. И смотреть не желал на Ангела, поддавшегося любопытству.

¹На основе легенды, опубликованной в 1913 г. в «Мусульманской газете» (г. Санкт-Петербург).

²Белорусские татары – немногочисленная народность, проживающая в Беларуси, Литве и Польше.

Наконец грозно изрек: «Ступай на землю! И до Страшного Суда собирай тех гадов, чтобы они не расплодились повсюду».

Попятился Ангел от Творца... Тело его съежилось, крылья уменьшились, белые перья по краям сделались черно-коричневыми, пальцы превратились в розовые когти, а нос – в длинный, острый клюв... Ангел обернулся Аистом.

И ходит теперь Аист по лугам. Выслеживает зорко земную нечисть и поедает ее. И часто можно видеть, как стоит он на одной ноге – словно напоминая о равновесии природы земной и о страшном пороке – любопытстве...

Девушка-крысолов

По мотивам корейских сказок

Однажды во многие крепости далекого предгорья из вражеских степей пришла страшная, неизлечимая болезнь.

Старый-престарый правитель города Керён очень любил свою большую семью, и, когда мор достиг его земли, спрятал он детей в глубоком подземелье. Но это не спасло их от гибели. Умерли и они, и многие, многие жители страны, скончался и сам государь.

Долго думали мудрецы и поняли: черная смерть стремительно распространяется плодящимися в темных, сырых подполах и подземельях зараженными крысами, которых разослали враги Керёна. И никакими приманками и ловушками невозможно было их извести.

Никто не знал, что делать, люди были на грани отчаяния.

Тогда мудрецы сказали:

– Надо найти самого отважного и доброго человека, который смог бы справиться с грызунами.

Долго искали среди подданных, но не нашлось в Керёне никого другого для борьбы со смертью, кроме как чудом выжившая дочь государя – красавица Сук.

– Пусть принцесса выучит крысиный язык, – вновь дали совет мудрецы, – и попытается своим сладким голосом увлечь крыс к самой границе. Пусть не жалеет сердца и песни, а все выжившие в крепости ей подпоют.

И вот что случилось.

Увидев красоту принцессы и услышав ее нежное пение, предводитель крыс оторопел, смутился и... превратился в послушную тварь. Удивились крысы тому, как ласково, по-доброму разговаривает с ними девушка.

Кликнула тогда Сук всех грызунов:

– Идите через горы в неприятельское войско, перегрызите у них все тетивы и луки, съешьте их провиант и обувь!

И племя крысиное послушно покинуло древнюю крепость. Страна была спасена, а Сук вышла замуж за сына правителя соседней дружественной крепости. Новый же правитель, муж принцессы, велел засыпать все подземелья.

Так появились девушки-крысоловы, спасители людей от мора и других напастей.

Юлия Думановская

Легенда о шамане Ганале и мед- веде-великране

Ворон Кутх творил Камчатку
Из воды, огня, камней
И решил хоть два десятка
Поселить туда людей.

Вот на берегах в селеньях
Там зажглись огни костров,
И из теплых шкур оленьих
Люди стали строить кров.

Время шло, росли селенья,
Стало от костров светлей,
И сменялись поколения
С чередой рутинных дней.

Жили все в простых заботах:
Рыбалка с лета до весны,
Сбор ягод, на зверей охота,
Пасли оленьи табуны.

Лет с той поры прошло немало,
Никто не знал ни в чем нужды,
И ничего не предвещало
Большой для всех людей беды.

В местах тех ужас поселился,
Которого не знали впредь:
Невесть откуда появился
В долине великан-медведь.

Стал истреблять он все живое,
Дома нещадно разорять.
Народ, собрав все нажитое,
Ушел спасения искать.

Долина вдруг осиротела,
С тех пор на сотни верст глуши
Найти нельзя было предела
И ни одной живой души.

Мир в страхе будто затаился,
Боясь издать малейший звук,
Откуда-то лишь доносился
Магического бубна стук.

Стоял на яре неприступном
Шаман по имени Ганал.
Своими песнями и бубном
На помощь Духов призывал.
Просил он их объединиться,
Волшебной силой одарить
Такой, чтоб злого великана
Сумела в камень обратить.

Разверзлись небеса от грома,
Сверкнули молнии - и вдруг
Взревел истошно зверь огромный,
Покрылось мглою все вокруг.

И превратился хищник в камень,
Высокогорным став хребтом.
Остроконечную оградой
Вокруг долины лег кольцом.

Скалистым стали частоколом
Медвежьи зубы и клыки,
Встречать готовые оскалом
Любого гостя остряки.

Глаза - бездонные озера,
Густая шерсть - зеленый лес.
Такой теперь предстала взору
Долина... а медведь исчез.

Вернулись жители в селенья,
И стало радостно кругом.
И люди отнеслись с почтением
К Ганалу, спасшему их дом.

Храня легенду о шамане,
Народ, столетьям вопреки,
Зовет долину ту Ганалы,
А пики скал тех – Востряки.

Но, говорят, дух великана
До сей поры живет в горах.
Их черной тучей накрывает,
У путников рождая страх...

Надежда Сысоева
Леди Годива

Она была, как ангел, хороша!
Приветлива, умна, щедра была.
Красивы были тело и душа,
И добротой всех к себе влекла,
И граф гордился красотой её,
И, может быть, по своему любил.
А вот крестьяне отдавали всё -,
Он в сборе дани беспощаден был.
И подданных своих он обирал,
Безжалостно вгоняя в нищету.
Её он тоже в счет уплаты взял,
Женой своей назвав за красоту.
Воспитана в обычаях тех дней,
Она перечить мужу не могла,
Но раз, несчастных пожалев людей,
Годива с просьбой к мужу подошла.
Она народ просила пощадить
И отменить очередной налог,
Тем более что нечем им платить:
В разоре, нищете его народ!
Лорд хохотал, его развеселил
И удивил такой жены каприз.
Не только жадным, но и хитрым был,
И ей ответил нежно: «Посмотри,
Ты беспокоишься о бедняках.
Что ж, может быть, их, правда, пожалеть?
Но золото и украшения как?
Они нужны красавице-жене?
Да, украшения эти все твои -
Ах, как красив их отблеск золотой!
И как, родная, будешь ты без них?
Но что в глазах жены моей родной?»

Она смутилась. На один лишь миг.
Но что-то быстро для себя решив,
Браслеты, кольца, цепи, две серьги,
К его ногам все это положив,
Была светла, спокойна и тиха,
Красива так в решимости своей,
Что разозлился граф уж не шутя,
За дерзость отомстить решился ей.
Он был взбешен, но виду не подал.
И, не подумав даже о себе,
Он так жене-красавице сказал:
«Без украшений хорошо тебе?
А что тогда ты скажешь мне на то,
Что и одежду, и еду твою -
Оплачивает тоже твой народ?
Так заодно сними уж и ее!
И слово твердо дам тебе сейчас,
Коль снимешь все, проедешься нагой,
Я отменю последний свой указ,
Он будет по веленью только твой.
Давай, свою решимость прояви,
А как ее оценят, посмотрю,
И как все те, о ком мольбы твои,,
Защитницу камнями забьют!
Да, забросает грязью, освистит,
Безжалостно любимый твой народ,
Тебя не пожалеет, не простит
И чести не проявит этот сброд».
... Смертельно побледневшая, она,
Как перед казнью, медленно сняла
Одежду, и волос ее волна,
Скрыв наготу, все тело обвила.
Годива, взгляда с мужа не сводя,
Словно никак еще не веря в то,
Что он всерьез задумал, не шутя,
И что не остановит он ее.
Но он молчал. И слова не вернешь.

Осталось лишь коня к крыльцу подать.
Его жестокость ранит словно нож,
Но ей теперь уж поздно отступить!
По городу стрелою весть неслась,
Стуча всем в окна и в любую дверь,
Что защитить их женщина взялась,
Княгиня, леди... Что будет теперь?
Как уберечь ее они могли?
Как сохранить и жизнь ее, и честь?
Быстрее по домам они ушли,
Закрыв все двери, ставни заперев.
Сидели тихо там, о ней молясь,
Благословляя сердца доброту,
Не зная, чем помочь ей и боясь,
Надеясь и не веря в правоту.
....По городу спокойно и легко
Шагала лошадь белая, как мел,
И всадница, цвет кожи молоком
Сквозь шелк волос распавшихся белел.
Ее увидеть лишь один посмел -
И, словно сказку иль волшебный сон,
Художник тайно все же подсмотрел
И на картину перенес потом.
Он постарался людям передать,
Как символ человечности, любви,
Картиной о Годиве рассказать,
Чтоб сквозь века увидеть мы могли,
Как и один, пусть слабый человек,
Способен в жизни многое менять -
Законы, траектории и век -
Когда решится он не отступить.
....А граф настолько ею был сражен,
Отвагой, добротой ее души,
Что был, на удивленье, отменен,
Налог, что вновь добавить он решил.
Но, как бы ни стремился в жизни лорд
Прославиться, богатством заблистать,

Никто его не помнит, ведь народ
Плохое все умеет забывать.
А вот его жена, что для других
Поставила на карту честь и жизнь,
Легендой стала, символом любви,
Добра и сердца, красоты души.

Виктор Маньков

Волшебный оберег

Сказки земли удмуртской

В лесной звеняще-солнечной Удмуртской стороне,
Где волны Камы вольные ласкаются о брег,
Блеснёт небесной силою монисто в глубине –
Сослужит службу добрую волшебный оберег.

-1-

Жила на свете мастерица,
Швея, ткачиха, кружевница –
Лесная фея Зангари.
Была ей музой дочь Заряна –
Мила, приветлива, румяна –
Прообраз утренней зари.

Однажды в благозвучьи лета
С рождением росного рассвета
Страхнула ночь перину снов:
Зверьё лесное просыпалось
И на поляне собиралось,
Где Зангари ткала панно.

И, озарённый откровеньем
Её природного творенья,
Явился с неба бог Инмар*.
Он Зангари в лазури чистой
Вручил волшебное монисто
Её прекрасной дочке в дар.

И, всех приветствуя, Заряна
С улыбкой вышла на поляну,
Светясь, как юная заря.
Внесла эмоций добрых гамму,
Творца небесного и маму
За божий дар благодаря.

Внезапно стихло благозвучье,
Затмилось небо чёрной тучей,
И появился Вукузё*
Со свитою себе подобных
Вумуртов* каверзных и злобных,
Коварство сеющих своё.

Была у злого водяного
Интрига замысла худого,
Где наводила хаос тьма...
Заряну и зверят пленили,
А, чтобы их освободили,
В плен Зангари пошла сама.

-2-

Вдоль удивительной дубравы
По волнам Камы величаво
Скользила стая лебедей.
За нею следовала берегом
Заряна-дочка с оберегом
На помощь матушке своей.

Но по дороге – лес дремучий
Возник бедою неминучей,
Мешая путнице идти,
Где колдовская злая сила,
Заряну по лесу кружила,
Сбивая с верного пути.

Преодолеть нападки злые
 Ей помогли друзья лесные –
 Зверята вывели к реке.
 И вскоре оберег-монисто
 Сиял надеждою лучистой
 На серебристом Чебаке*...

А Вукузё в подводном царстве,
 Непредсказуемый в коварстве,
 Справляя победы торжество.
 В разгуле праздного злорадства
 Он Зангари сулил богатства...
 Она не слышала его.

Остановил врага веселье
 Чебак с волшебным ожерельем,
 Блеснуло молнией оно:
 Небес божественная сила
 Исчадьё нечисти сразила,
 И было зло побеждено.

Заряну с мамой на опушке
 Встречали славные зверушки,
 Делились радостью Инмар
 И Вукумы* – водицы матерь...
 Венцом природной благодати
 Был берега божий дар.

Инмар* - верховное божество в удмуртской мифологии, бог-творец, создатель всего хорошего.

Вукузё* - («хозяин воды») - в мифах удмуртов властитель водной стихии, противник демиурга Инмара.

Вумурт* - (удмуртское ву - «вода», мурт - «человек») - в удмуртских мифах водяной антропоморфный дух с длинными черными волосами, иногда в виде щуки. Создан «хозяином воды» Вукузё.

Чебак* - небольшая рыба семейства карповых, которая в г. Воткинске считается «рыбкой удачи». Воткинцев в народе называют «чебаками».

Вукумы* - («мать воды») в удмуртской мифологии.

НОВЬЯ

Легенда посёлка Новый

В краю лесном земли Удмуртской
легенда эта родилась.
Близ вольной Камы с древним руслом
со внучкой знахарка жила.
Носила внучка имя Новья,
легка, прилежна и мила,
усладой сердца и любовью
она для бабушки была.

Волшебны травы собирала
и редкой силы корешки,
и таинства перенимала
у бабки, леса и реки.
Варила благостные зелья
от хвори, наговоров, мук,
даруя силы исцеленья
всему живущему вокруг.

Прослыл об этом чудедействе
колдун завистливый и злой,
и в ярости крушил деревья,
владея силой колдовской.
Однажды Новья в бор волшебный
по травы с солнышком пошла,
но вместо снадобий целебных
погибель чёрную нашла.

А через время в буреломе,
на месте Новьиных цветов
пробился маленький, зелёный
с душою девушки росток.
Так Новья лиственницей стала
в тиши родного уголка,
одушевленьем засияла
и потянулась к облакам.

Виктор Медведев

Золотой журавль

по мотивам белорусских народных сказок

Обходя холмы и взгорья
Голубого Лукоморья,
Брел с котомкой старичок
С виду – вылитый сверчок.
Вот уже и солнце низко,
Вот уже и вечер близко,
Бесконечен жизни путь...
Надо сесть, передохнуть,
«Что мне, – думает, – спешить?
Надо вот, рукав зашить,
Перебрать свою котомку
Да одежду просушить.
Сяду, лапти развяжу,
Все пожитки разложу
И какой-нибудь улитке
Свою сказку расскажу –
Про скупого воробья,
Про слепого муравья,
Только вот все забываю
Рассказать про журавля...»

Так, не жалуясь на долю,
Ест луковицу с солью,
Отгоняет сонных мух
И рассказывает вслух.
Жили в деревне дед да баба.
Хозяйство – дом да ограда.
Ни собака, ни кошки,
Только ветер в лукошке!
Ни детей у них, ни родни.
Так и жили весь век одни.

Если квас есть, то хлеба нет,
А если и кваса нет, идет по миру дед.
Кому телегу починит,
Кому скосит рожь,
Кто даст сухарик,
Кто медный грош.

Как-то утром старушке просто,
Взяв последнюю горстку проса,
Захотела сварить пшено,
Да просыпала за окно.
– Вот разиня, – горюет дед –
Воробьям отдала обед.

Скоро вышел во двор старик,
Видит – стриж над землей парит,
Ворон каркает в вышине
Белка цокает на сосне.
Все как раньше, но перед ним
Что-то стало совсем другим –
Там, где высыпалась пшено,
Как во сне, проросло оно.
Не успел разгореться день,
А ростки заплели плетень.
Дед старуху зовет – смотри,
Что ты сделала, говори!
Бабка в слезы – ты дед, чего,
В сказке может быть волшебство!
Раз мы в сказке живем с тобой,
Сказка стала для нас судьбой,
Здесь хоть каждые полчаса
Могут к нам придти чудеса!
Дед, подумал, рукой махнул,
Сел на лавочку, да заснул.

Так и стали они, как бояре, жить,
 И не надо им ни о чем тужить.
 Только скосит дед во дворе бурьян,
 Да посеет там решето семян,
 А уже пора собирать вершки,
 Молотить в избе, засыпать в мешки,
 А потом неси хоть в торговый ряд –
 Подходи народ, покупай подряд,
 В узелках, в мешках, это все одно,
 Разбирай скорей, нипочем пшено.

Как-то вышла во поле бабка,
 Да смутила ее загадка –
 Невесть кем потоптано просо
 За три дня до покоса!
 Долго бабка на поле ахала,
 По соседям ходила, плакала.
 Вот спешит на подмогу дед,
 А злодея – то в поле нет.
 – Ну, – он думает, – вот те раз
 Нужен в поле здесь глаз да глаз.
 И сырые дрова загораются,
 Если враг хитер – зря старается,
 Пусть я сед и стар, пусть я стар и сед,
 Коли враг пришел –
 Я найду ответ.
 Чай, и порох есть,
 Вот и ружьецо,
 Спрячусь на ночь здесь,
 Под свое крыльцо.

В полночь свет блеснул, осветилась даль
И слетел из туч золотой журавль,
Из алмаза клюв, из агата глаз,
Да попал сюда он не в добрый час.
И пополз к нему дед по траве тишком,
Да накрыл всего потайным мешком,
Обвязал ему крылья поясом,
А потом сказал грозным голосом:
Стой, не двигайся!
Ну, – красив ты, тать!
Хоть купцу продать, хоть царю отдать,
Службой царь меня наградит не зря,
Буду жить теперь во дворце царя,
Журавля стеречь, журавля кормить
Из хрустальных чаш буду есть да пить!

А журавль ему тихо молвит:
«Отпусти ты меня на волю,
Я не зря через горы летел сюда,
Без волшебного проса у нас беда.
Журавлям колосок был волшебный дан,
Да унес его ветер из дальних стран.
Жить без проса не может моя семья,
Дай вернуть нам пшено в родные края.
Если ветер все просо занес к тебе,
Ты верни его, старче, ведь мы в беде».

«Вот опять колдовство, – отвечает дед –
Эка невидаль вдруг на весь белый свет,
Чудеса в решете на любой версте –
Все сорока несет на своем хвосте.
Только как же нам с бабкой прожить потом,
Вновь нужда на порог, а потом и в дом.

Только надо, по правде, спасти вас всех,
Ведь чужое брать – это все же грех.
Отпущу я тебя, журавушка,
Не нужна мне худая славушка
Но прощу тебя впредь не вольничать,
Не злодействовать,
Не разбойничать».

Отпустил журавушку старый дед,
Ну, а тот говорит ему громко вслед:
«За твою доброту помогу тебе –
Возьми мой кошель да открой в избе.
Чтобы больше вам судьбу не корить –
Будет вас кошель поить и кормить».
Усмехнулся дед: «Мол, кошель пустой»
А ему журавль: «Не спеши, стой,
Надо знать слова, ты запомни их,
Все кошель вам даст, все исполнит в миг».
Ты скажи:
«Кошель, твой хозяин здесь,
Накрывай на стол, чтобы всем поесть!
Ну, а коли будешь ты, дед, в беде
Я на первый зов прилечу к тебе».
Старику кошель передал журавль,
Просо в клюв собрал и умчался вдаль.

Дед вернулся в дом, где и дал приказ:
«Я хозяин твой, накорми-ка нас»
Не успел со старухой на лавку сесть,
А уже на столе – за три дня не съесть –
И свекольный борщ,
И жареный ерш,
И квас, и пирог, и зеленый горох.
А на запах уже, будто черный клоп,
Сапожищами грязными топ да топ,
Сам судья идет, озирается,
Верно, пану служить старается.

Старики его поскорее к столу,
Посадили в красном углу.
Ну, а гость не дурак – с аппетитом ест,
Чуть не все подмел за один присест.
Все похваливает,
Да подкладывает,
Да подмигивает,
Да выпытывает.
Все узнал судья, да набил живот,
И от зависти больше ни ест, ни пьет:
«Как такое богатство прибрать к рукам?
Этим должен владеть настоящий пан!»

И пошел он к писарю в тот же час,
Чтобы тот поскорей написал указ –
Пан подпишет, а деда тогда взащей...
И зачем старикам на селе кошель?
Пусть едят лебеду, им привычно есть,
А кошель даже пану окажет честь»
И скорее к писарю, старый плут,
Ну а тот, пожалуйста, тут как тут.

Ходит писарь по селу,
Все зовут его к столу,
Он готов отведать кашу,
Можно даже пастилу.
Если дело допечет –
Сразу писарю почет,
Он одним письмом напишет,
А другим указ прочтет.
Писарь в грамоте мастак,
Хоть на вид совсем простак,
Но за денежки напишет
Хочешь – эдак,
Хочешь – так!

Говорит ему судья:
«Все на свете знаю я,
Все законы, наизусть,
Чем, естественно, горжусь.
А для всяких хитрых дел,
Есть, конечно, беспредел,
Надо деда за решетку,
Чтобы там он попотел.
Как отдаст он кошелек –
Пусть по-прежнему живет,
Я в своем судейском деле
Абсолютно не жесток.
Ты пиши такой указ,
Чтобы пан на этот раз
Вольнодумничать не начал,
А не то – беда для нас.
Деда – в панскую тюрьму,
Пусть кошель отдаст ему,
Да и скажет заклинанье,
Чтобы знали, что к чему.
Старику достался клад,
Он теперь как пан, богат,
Надо так искусно сделать,
Чтобы стал он сам не рад.
Ты запутаешь его,
Пусть отдаст нам волшебство,
Мол указ такой – и точка,
Знать не знаем ничего.
Ты смекнул? Указ пиши,
Хватит нам считать гроши,
Пусть подпишет пан – и точка!
В общем, дело порешим.

Пан, конечно, не дурак,
И старик ему не враг,
Только ты соври, где надо,
Кошелек мол – не пустяк.
Посидит дед на цепи,
Что поделаешь – терпи,
Сдашь кошель – ступай на паперть,
Да копеечки копи».

По указу, старика
Слуги взяли за бока,
Молча бросили в темницу,
Пусть подумает пока.
Пусть он вспомнит наяву,
Что журавль сказал ему,
Ведь сейчас, без заклинанья,
Кошелек нам ни к чему.

Бедный дед в тюрьме сидит,
На журавушку сердит,
Мол зову его, а птица
На подмогу не летит.
Ну, а писарь, вот хитрец,
Вот разведчик, вот подлец,
Шел выманивать у бабки
Заклинанья, наконец.
Бабка так себе – стара,
Надо делать на ура,
Чай, она не Василиса,
Не принцесса, не мудра.
Я запутаю ее,
А потом возьму свое,
Пан, я знаю, мне отдарит
На питье и на житье.

В каменном склепе вечная ночь,
 Деду никто не спешит помочь
 Уже и о смерти подумал дед –
 Да бабка одна на старости лет.
 Коль у нее отберут кошель,
 Бабка не сварит обычных щей,
 Кто ей под зиму наколет дров,
 Да и починит наш ветхий кров?
 Значит, нельзя сейчас умирать,
 Надо с костлявой в прятки сыграть,
 А там, быть может,
 Журавль поможет
 Обидчиков наказать.

Только солнце взошло,
 Уж гудит село,
 К пану идут крестьяне –
 За что старику наказанье?
 И вот на панский совет
 Зовут писаря в кабинет.
 Пан говорит: «Сослужи-ка службу,
 Что там, разведай, холопам нужно?
 Деда пора уже отпустить,
 Да и кошель его не упустить.
 Чтобы кошель этот был у нас,
 Слышишь,
 Даю тебе ровно час»

Прячет бабка кошель за тыном,
 Видит – писарь проходит мимо,
 Бабка к нему посреди дороги,
 В горьких слезах
 Повалилась в ноги:
 «Мол помоги, заступись, выручай,
 Я вот к тебе, как к родному, чай»
 Писарь, что ж, – провел по усам,
 Дверь в избу отворяет сам:

«Ну-ка, давай, не держи секрет,
Или будешь держать ответ.
Дед твой напрасно
Прячет здесь яства,
Да только для пана такой обед.
Слышишь? Мне кошелек неси,
А уж тогда хоть о чем проси»
Бабка в слезы: «А как же мы?
Деда хоть выпусти из тюрьмы»
Все обещает старухе писарь,
Мечет слова – как жемчужный бисер,
Вызнал секреты, да был таков,
Нет ему дела до стариков.

Вот из тюрьмы возвратился дед,
Видит – а в доме ни крошки нет.
Смотрит старуха с тоской в поля,
Ждет волшебного журавля.
Дед давай ее утешать:
«Как бы нам снова не оплошать,
Мы же с тобой распускали слухи,
А в жизни так –
Где мед, там и мухи,
Надо теперь лебеду косить,
Ждать журавля, да подмогу просить»

Только сказал о подмоге,
А журавль уже здесь, на пороге.
«Что у вас, – говорит, – за нужда?»
А дед ему в ноги: «Беда!
Унес твой кошель
Панский кощей,
А взамен нам оставил
Клопов да вшей».

Молча журавль достает рожок –
«Спрячь, – говорит, – поскорее в мешок,
Завяжи как можно потуже,
Да к пану зайди на ужин,
Если будут грозиться –
Ты дуй в рожок
Хотят не хотят, а вернут должок».

У стариков на глазах
Исчез журавль в облаках...
Дед и надел мундир,
Ношенный – ну до дыр.
Снял со стены мешок,
Сунул туда рожок,
Смело расправил грудь
И поскорее в путь.

В этот час в гостях у пана
Генералы и уланы,
Как обычно, собрались, –
Вот и танцы начались,
Дед идет, не унывает,
Ведь мундир-то помогает
Ведь на страже здесь солдат,
А солдат солдату брат.

Но смутились генералы –
Это кто такой удалый?
На груди его горят
Ордена, за рядом ряд.
Смолк и пан – да что здесь скажешь,
Как такого не уважишь?
Пан не помнил стариков
И спросил: «Ты кто таков?
Может быть, ты воин славный,
Награжден в боях державой?
Так представься, кто ты есть?
Может нам окажешь честь?»

Дед стоит в углу, спокоен:
«Ваша правда! Был я воин,
Дрался с турками не раз
Защищал от них Кавказ.
За успех в боях суровых
Награждал меня Суворов.
И в огне я и в дыму
Побеждал врага в Крыму.
И теперь здесь, ваша милость,
В бой идут за справедливость,
Объясню простую суть:
Свой кашель хочу вернуть!»
Пан вскочил: «Да что ж такое?
Мне от деда нет покоя.
Надо дерзость наказать,
Деда тот час повязать!
Как посмел, обидчик старый
Разводить здесь тары-бары!
Что попрятались в углы?
Принесите кандалы!»
Дед ни слова – взял рожок
И сказал: «Верни должок»
Тотчас, словно ниоткуда,
Видят все, явилось чудо –
Два отменных молодца
Гордеца и храбреца.
Сняли с плеч они дубины
И давай – им все едино –
Тузить пана и гостей
Просто, больно, без затей.

Все заохали, взмолились,
Перед дедом повинились,
Шляпы сняли с головы,
Не боясь лихой молвы.
А старик стоит, как главный,
Говорит им: «Вот и славно!»
Свой рожок упрятал вновь,
Взял кошель и был таков.

Мы про деда не забыли,
Но пора, в другие были!
Там волшебники нас ждут
Нити хитрые плетут,
Вечно путают героев,
Что мосты и замки строят,
Мчатся в битву на коне
В русской кованой броне.

Там сказитель наш, Овсей,
Любит баловать гостей,
Он принес из Лукоморья,
Да из крепости Копорье
Новых сказок полмешка,
Да историй три вершка
Вы, друзья, не прозевайте, –
Он опять расскажет байки,
Ведь волшебная страна
В сказках вовсе не одна!

Эльза Попова

Верблюжонок

*Закипит в котле заварка,
Соль и сахар добавляй,
Молоко верблюжье, масло,
ВЫ мешай калмыцкий чай.*

Разморило степь от зноя. Беркут в облаках парит.
Из тюльпанов, набивное, поле-полотно лежит.
Неприметная дорога вьется по глухим местам.
А от пенья горлового* предаётся мир мечтам.

Над кибиткой** небольшою дым идёт от очага.
Крыга белою кошмою, она издали видна.
Здесь живут старик и внучка. На тагане - чугунок.
Шкаф обычный для продуктов,
крытый тканью сундучок.

В нем одежда, украшенья, пол застеленный ковром.
Снизошло благовоенье с лика Будды в добрый дом.
Козы, стриженные овцы, громко блеют из оград.
А на привязи, под солнцем, две верблюдицы стоят.

Рядом с ними верблюжонок, появившийся на днях.
Неуклюжий двухгорбёнок, в рыжих мягеньких кудрях.
Временами непоседа к шее матери прильнёт,
А потом бежит разведать: кто и как в степи живёт.

Мать без видимой причины хриплым голосом ворчит.
Отвечает тот визгливо: все в порядке, - говорит.
Так всегда перекликаясь, друг у друга на виду,
Чтобы вовремя заметить волка - отвести беду.

А верблюдица другая построптивее, буйна.
В ожидании потомства пребывала и она.
Только людям подчинялась с неохотой, всё рвалась
Где-нибудь уединиться, вдалеке от глаз паслась.

К приближению отёла норовила вырвать столб
И уйти в пески готова, где никто найти б не смог.
Тут сплетена верёвка стариковского узла
И откладывать рождение matka больше не могла.

Рог на небе золочёный, проиграла ночь турнир.
Мокрый белый верблюжонок наконец явился в мир.
Он лежит и обсыхает. Травы нюхает, цветы,
Взять их пробует губами... к матери пора идти.

На дрожащих слабых ножках дотянуться нелегко,
Вымя ищет... почему-то мать отбросила его...
Вновь подвел старик, хлопчет уговаривая мать.
Та шарахается. Хочет вырваться и убежать.

Отвязали, отпустили. Верблюжонок шёл за ней,
Он не знал, что в близком сердце поселился суховой.
По солончакам скитался, быстро выбился из сил,
Жалобно кричал и сдался. Жжёный мятлик приютил.

Закурил старик. Расстроен. Злобный дух окутал мать.
Девушка... домбру*** настроив, стала медленно
играть.
Раздавались её струны из невысказанных молеб,
Где тоскующие луны вырывали злую боль.

Песню дева подхватила своим тонким голоском
И верблюдица застыла, проглотить не смея ком.
Всё ровнее, звонче, строже... заговор звучал сильней,
Беркут небо растревожил и откликнулся ручей.

Ворвались аккорды в стужу. Плачет старая домбра.
Стон с укором не заглушит эта древняя земля.

Не пересохнет родник.
 Не пожелтеют луга,
 Остёр в ночи волчий клык,
 А верблюжонок твой мал.
 И губы слишком слабы.
 С уздою он не знаком.
 На свои гребни-горбы
 Не брал поклаж с ездоком.
 Не пересохнет родник
 И не обманет чутьё.
 Услышь отчаянный крик -
 Прими дитя ты своё.****

От мелодии печальной покати́лась с глаз слеза...
 Подвели вновь верблюжо́нка - мать стояла,
 как скала.
 Песен-заговоров этих смы́сл строк неприхотлив.
 Они действую́т поны́не, мать с дитя соединив.

*Горловое пение — техника пения с необычной артикуляцией в гортани, характерная для традиционной (особенно культовой) музыки.

**Калмыцкая кибитка - сборно-разборное жилище кочевников (юрта)

***Домбра — излюбленный инструмент калмыков, который в настоящее время распространен в быту.

**** Данный текст приблизительный. В скотоводческих культурах заговоры имеют важную роль для сохранения приплода домашних животных, они исполняются при отказе самок домашнего скота от кормления новорожденных детенышей.

У калмыков пели заговоры трем животным: верблюдице, овце, корове.

В текстах заговоров содержатся призывы к самке не бросать детеныша.

Обереги

У обрядов на Руси множество заветов
И один из них - шитьё кукол-оберегов.
По поверью, талисман, защитит хозяев,
Забирая на себя бремя испытаний.

Из различных лоскутков ношеной одежды,
Ладно вязанных узлов с верою, надеждой.
Но единственный запрет предков опасались:
Чтобы ножницы с иглой к кукле не касались.

Не особенно хитра лыкова наука,
В деревенском житие для семьи - порука.
Урожай, уход зимы, в свадебной кадрили
Неприменно куклы те дареными были.

Они древности полны и не так пустячны,
Из соломы и золы, глины, всяких всячин.
До рождения дитя, делали «мотанку»
И ложили в колыбель для чертей обманку.

Чтоб малыш спокойно спал, мама отдыхала,
Кукла духов на себя злобных отвлекала.
И уже в двенадцать лет девочка умела
Себе «доню» мастерить. Значит повзрослела.

Замуж рано шли тогда, вместе с коробочком.
Свекор чинно, для игры, выделял часочек.
Плакальщица в сундучке ко слезам внимает.
Если дочери в семье плохо - мать узнает.

Как приедет навестить - куколка «судачит»:
Коли мята и грязна - дочь частенько плачет.
Правду матери сказать может побоится,
Плакальщица в кулачке ей не отмолчится.

А Желанница была девушкам - подружка.
С длинным волосом из пряж - тоже не игрушка.
Чтоб желание сбылось - в косу ей вплетали
Ленту алую, потом исполненья ждали.

Крупеничка - оберег сытости, достатка.
Наполнялась сплошь зерном, гречкой, для задатка.
От кормилицы Земли силы приходили.
Под иконами в углу бережно хранили.

Травница - её травой наполняли разной.
Хвоя, мята, зверобой - служит безотказно.
По избе душистый дух лета разносился
Чабреца, шалфея, в том способ излечиться.

Символ Солнца - Коляда, добрых отношений.
Хлеб да соль для узелка, а за пояс - веник.
Колокольчик - знак вестей старого Валдая,
Три юбочочки на ней, сверху золотая.

Хохотушки по весне - стало быть Веснянки,
Жизнерадостной судьбе верные служанки.
Костромушка - приМанит женщине ребёнка,
Коли не было детей на чужой сторонке.

Пеленашки, Спиридон или Многоручка,
С незапамятных времён с Русью неразлучно.
А традиции храня многовековые
Главная в дому всегда - кукла Берегиня.

Хлопок, лён, шелка, пенька. Без печали в сердце,
С миром на душе, тогда, бралися за дельце
Эту куклу создавать. Да оно не трудно:
Ткань не резать надо - рвать. Что немного чудно.

Полотно в рулон свернув - тулово готово.
Голову узлом стянув, рученьки холщовы.
Юбка, блузка и платок, фартучек нарядный.
Бусы, зеркальце и вот девица отрадна.

Обереги без лица, кажется незримо
Отделят добро от зла неисповедимо.
Сколько вложено любви неприметной, тихой
И защита на века от любого лиха.

Сказки
и басни
для детей

Самые лучшие
сказки создаёт
сама жизнь,
полная
приключений.

© Константин Спасский

Ирина Никитина

Три царства для Даши

Неужели вам бывает скучно?

Даша никогда не скучала, даже если она оставалась одна в своей маленькой комнате, девочка всегда находила что-то очень интересное, о чём бы ей хотелось поразмышлять. Иногда ей казалось, что она знает язык предметов, которые готовы рассказать ей необыкновенные истории.

Вот на диване мама забыла шёлковый шарфик – какая находка! Даша разворачивает яркий лоскуток, кружится с ним, и вдруг он словно уносит её в какую-то никому не известную сказку. И она уже видит волшебную лавку, где старичок-кудесник меняет чудесные шёлковые шарфы и косынки, но не на деньги, а на добрые дела. А приглядевшись, Даша заметила на прилавке ещё какие-то вещи, которые трудно было разглядеть издали.

В это время к старичку подошёл мальчуган и попросил у него косынку в подарок маме. Но продавец строго спросил его: «А что взамен? Совершил ли ты сегодня что-то хорошее?»

Мальчишка опустил голову:

– Кажется, нет! Весь день проказничал!

– Ну-ну! – ободряет его кудесник, давай-ка вспоминай, с самого утра!

Паренёк вздохнул:

– Утром не хотел вставать и зарядку не сделал и кашу не съел ... – мальчик задумался и вдруг улыбнулся:

– Я собирался на прогулку, а пуговица на брюках оторвалась, и я пришил её. Сам! Потом котёнок уро-

нил миску с луком, шелуха разлетелась по всей кухне, и я подмёл пол. Это уже неплохо?

Мальчик повеселел и продолжал вспоминать:

– Потом я гулял во дворе с друзьями. Мы бегали на перегонки, а когда устали, присели на скамейку, чтобы поболтать о своих делах, но это было почти невозможно, так как на соседней скамейке сидела женщина и качала ребёнка в коляске, который надрывался от плача, никак не мог успокоиться. У меня в кармане оказалась игрушка – маленький медвежонок, которого я зачем-то взял с собой. Я подошёл к кричавшему карапузу и показал ему игрушку. Малыш устался на медвежонка и протянул к нему руку. Я даже сам удивился, что смог успокоить его. А потом...

– Достаточно! – сказал продавец шарфов. – Ты уже заслуживешь ма приличный шарфик для мамы.

Даша с удовольствием наблюдала за бойким мальчиком и забавным старичком. Убедившись, что у них всё хорошо закончилось, она подошла поближе. Продавец сразу обратился к ней:

– Здравствуй, девочка! Ты выбрала себе подарок?

Даша пожала плечами:

– Нет, я просто познакомиться хочу. Я – Даша.

– А я продавец волшебных товаров. Мы с тобой находимся в шёлковом царстве. У меня есть для тебя загадки. Вспомни, в каких сказках помогают предметы, которые есть на моём прилавке?

Теперь Даша смогла внимательно разглядеть всё, что было на волшебном прилавке. Все эти предметы могли пригодиться девочкам и их мамам для рукоделия. Тут были разложены иголки и нитки, спицы и клубки, пяльцы, напёрстки и ножницы, ленты и расчёски,

маленькое зеркальце и чудесная брошка в виде цветка. Девочка сразу вспомнила маму – почти все эти вещи можно увидеть в маминой шкатулке, ведь она у Даши такая рукодельница! Конечно, эти предметы должны быть в сказках, ведь и в них есть замечательные девушки – мастерицы, Даша взяла пяльцы и сказала:

– Сказка «Марья-искусница», пяльцы, иголки, нитки – всё из этой сказки.

– Молодец, – похвалил её хозяин необычного магазина, – а ещё что-нибудь узнаёшь?

Даша смелее подошла к прилавку.

– Конечно! Вот такой клубок дала царевичу Баба Яга. Сказка так и называется «Баба Яга и Иван царевич». А волшебный гребень есть в другой сказке про Бабу Ягу.

Старый кудесник даже руки потёр от удовольствия:

– Редко теперь встретишь такую смышлёную девочку. Порадовала ты меня! Иногда не знаешь, как и подсказать своим гостям, чтобы смогли подарки получить. Кроме Смешариков, Лунтика да губки Боба и героев сказочных не знают. Совсем забыли старые добрые сказки! Ты молодец, Даша, выбирай скорее подарок!

Девочка ещё раз взглянула на витрину, и её взгляд сразу остановился на чудесной брошке.

– Я бы выбрала эту брошку для мамы, она похожа на аленький цветочек из сказки!

Получив заветное украшение, Даша снова взмахнула ярким лоскутком-шарфиком, который плавно закружил её и легко перенёс в детскую комнату. И Даша совсем не удивилась, она была уже готова к новому путешествию.

Девочка задумчиво походила по комнате, вспоминая всё, что случилось с ней, и подошла к картине, которая стояла на тумбочке. Это была необычная картина. Дашин папа, когда ещё учился в школе, вырезал её из дерева. Девочка погладила знакомые ёлочки, купол маленькой часовни и летящих чудо-птиц. Она так долго смотрела на замечательных птиц, что ей показалось, что одна из них отделилась от стаи, стала увеличиваться на глазах у Даши и вдруг влетела в её комнату. Птица три раза облетела вокруг девочки и коснулась её своим крылом.

Даша взяла хлеб и протянула его на ладошке своей необычной гостье. Птица приняла угощение и бросила девочке перо, которое легко опустилось прямо в Дашины ладони. На мгновение детская комната словно покрылась туманом, а когда он рассеялся, Даша поняла, что оказалась в новой сказке. Она стояла на полянке у красивого домика, на крыльце которого сидел дедушка. Увидев Дашу, он встал и радостно заговорил:

– Наконец-то у меня гости! Давненько я жду кого-нибудь.

– Здравствуйте, – поздоровалась Даша, – вы, наверное, лесник?

– Нет, не угадала. Я – зодчий. И это – моё деревянное царство. Заходи-ка в мой теремок, ты увидишь в нём многие диковинки.

Даша внимательно оглядела домик и убедилась, что это был самый настоящий сказочный теремок. Она поднялась по ступенькам, придерживаясь за резные перила и удивляясь, как же смог зодчий построить этот чудотеремок. Внутри домика тоже всё было необыкновенным и красивым. Длинные лавки с резными спинками

вдоль стен горницы, старинный сундук ручной работы. Мебель здесь совсем не такая, как у Даши дома, во всём была видна работа мастера. Многие предметы казались старинными, но были почти как новые.

На полках в комнате тоже было много необычных вещей – шкатулочки, вазы, статуэтки – все они были выточены из дерева. На одной из полок расположились матрёшки, а в самом низу большие игрушки – деревянная лошадка, медвежонок, качели, на которых качались два клоуна.

В кухне Даша тоже увидела резную деревянную посуду – и ложки, и лопатки, и какие-то чаши, большие и маленькие. Неужели такими когда-то пользовались люди!

– А это что такое? – в углу стояла большая лоханка, – для чего она нужна?

– Ты не узнала? – Может быть, она что-то напоминает тебе?

– Да! – вдруг засмеялась Даша, – очень похоже на корыто из сказки про Золотую рыбку. Только там оно было старое, разбитое, а у вас все вещи как новенькие.

– Когда вещи сделаны с любовью и бережно хранятся, они долго будут такими. Время быстро идёт в сказочной стране, а тебе надо ещё отгадать загадку. Дедушка привёл Дашу на лужайку. Никогда не видела Даша таких чудес! Со всех сторон её окружали сказочные герои. Все они были вырезаны из дерева и, как на пьедесталах, располагались на аккуратных пенёчках.

– Найди героя, который и в своей сказке сделан из дерева. Только не торопись, – сказал мастер.

Даша переходила от одной фигурки к другой. Какие они все замечательные! Медведь с коробом за плечами,

лисичка-сестричка, девочка в красной шапочке, мальчик в шляпе с длинными полями – конечно, Незнайка, а по соседству с ним Чиполино. Но кто же из дерева? Даша с удовольствием вспоминала героев любимых сказок. Вот Железный дровосек со Страшилой, тоже рядом. А кто же за ними? Да вот же он! Буратино! Конечно, это он, деревянный мальчишка с азбукой в руках.

– Я нашла его! Нашего любимого Буратино! – воскликнула девочка. – Какое интересное ваше деревянное царство!

– На память о нем можешь выбрать себе сувенир, – с улыбкой сказал зодчий.

Они обошли теремок и увидели там неприметную дверь. Открыв её, оказались в небольшой комнате, где на всех стенах было множество полок, на которых стояли разные предметы.

– Это и есть сувениры для моих гостей. Выбирай любой.

У Даши глаза разбежались, так много всего увидела она. Что же выбрать? Может игрушку? Или шкатулочку для мамы? А может чудесный резной пенал для брата Кирилла? Даша задумалась. И вдруг поняла, что попала она сюда благодаря папиной работе, значит, и подарок должен быть для папы. Что же ему подарить? Как трудно выбрать подарок для папы! Чем дольше смотрела Даша на приготовленные сувениры, тем больше начинала расстраиваться. Ведь не привезешь же папе деревянные бусы или шкатулку. И тогда на самом верху в уголке полки она увидела небольшую картинку воина на белом коне. «Пожалуй, воина можно подарить папе», – обрадовалась Даша и сказала об этом зодчему. Он протянул девочке вырезанную картинку и похвалил её:

– Это не простой воин. Когда-нибудь ты обязательно узнаешь о нём, из всех воинов, он самый главный. Очень хорошо, что ты его выбрала.

Даша прижала к себе чудесный сувенир и только хотела проститься с мастером, как какие-то лёгкие крылья подхватили её, на мгновение подняли ввысь и, не дав даже опомниться, опустили в детской комнате.

Девочка присела на диван и задумалась. «Как интересно, оказывается, каждый предмет может рассказать замечательную сказку. Чью бы мне ещё послушать?» Даша решила не торопиться, ведь нужные предметы сами попадались ей на глаза. Девочка вышла на лоджию и выглянула в окно. Прямо под окном росла яблоня, сейчас она была вся в цвету, словно цветущее облако. И это облако было прямо перед Дашей, она зажмурилась от удовольствия. В это время поняла, что она снова оторвалась от пола и опустилась прямо на это облако. А оно проплыло мимо знакомых домов, и не успела Даша понастоящему удивиться, как облако уже оказалось в чудесном яблоневом саду. Симпатичная девушка в зелёном сарафане и белоснежной рубашке собирала яблоки в корзину. Увидев Дашу, она с улыбкой подошла к ней:

– Добро пожаловать в яблочное царство!

– Как интересно! – воскликнула Даша, – и такое тоже бывает?

– А как же! – ответила хозяйка чудесного сада, – разве мало сказок, где встречается яблонька? Посмотри-ка сюда! Узнаёшь этих героев?

Девушка проводила девочку к дальней аллее. Пригладевшись, Даша увидела целые сценки из знакомых сказок.

Вот под деревцем прячутся мальчик и девочка. Даша сразу узнала их:

– Это сказка «Гуси-лебеди». Сестра с братцем прячутся от гусей-лебедей.

Даша внимательно смотрела вокруг и узнала ещё одну сказку.

– А рядом сказка про Хаврошечку. Она угощает яблоком доброго молодца. Отведает он яблочко, а потом и женится на Хаврошечке! Очень счастливый конец!

– Молодец, Даша! Может быть ещё кого-то узнаешь?

– Да, узнала! Царевич охраняет яблоню с золотыми яблоками. Это сказка «Царевич и серый волк».

Даша ещё раз осмотрела сад и вздохнула:

– А другие сказки я ещё не успела прочитать.

Девушка ласково успокоила её:

– У тебя ещё будет время. Я подскажу тебе названия сказок, чтобы тебе было легче их найти. Это сказки: «О серебряном блюдечке и золотом яблочке», «Безручка», «Молодильные яблоки». Но на самом деле таких сказок намного больше, ведь яблоки в сказках – символ молодости, здоровья, процветания. Во все времена оно считалось плодом дерева познания, который может изменить судьбу человека.

– А я и не знала об этом! – удивилась Даша. Я постараюсь прочитать как можно больше сказок про яблоньку и узнать все её секреты!

Хозяйка яблочного царства показала госте накрытый стол под одним из деревьев:

– А теперь я приглашаю тебя на чаепитие.

Маленькая путешественница с удовольствием согласилась. Конечно, все угощения за этим столом имели яблочный вкус: Яблочные пироги, варенье, яблоки пе-

чѐные и мочѐные и просто наливные яблочки, свежие и такие ароматные, что Даше показалось – ничего вкуснее она никогда не пробовала.

– Как же вам удалось вырастить такие вкусные яблоки?

И гостеприимная хозяйка раскрыла ей секрет:

– Мы ухаживаем за ними с большой любовью, в этом и вся премудрость. Мы мечтаем вырастить настоящий райский сад.

– Как славно в вашем яблочном царстве! Я очень рада, что побывала в таком необыкновенном саду! Разрешите мне взять одно яблоко для моего брата, пусть он тоже попробует? Ведь он всегда делится со мной.

– Конечно, возьми! И не одно, а сколько унести сможешь – всех угостишь!

Пока Даша выбирала самые симпатичные яблоки, цветущее облако уже окружило её, чтобы отправиться в обратный путь. И едва успела девочка осторожно погладить ладошкой чудесные цветы, окружавшие её, как оказалась снова на своём балконе. Внизу цвела знакомая яблонька, а за дверью находилась её детская комната. Не успела девочка войти в неё, как услышала голос мамы:

– Даша, иди скорее ужинать!

Девочка бросилась к маме:

– Мамочка, если бы ты знала, где я побывала сегодня!

– А ты Расскажи мне, моя выдумщица!

– Но я, правда, побывала в трёх царствах: шёлковом, деревянном и яблочном. Там так интересно! И везде столько сказок разных! Я вам всем подарки оттуда привезла – и тебе, и папе, и Кириллу, – Даша оглянулась, чтобы показать маме подарки, которые только что были на столе... Но там лежали только три её рисунка.

Евгений Чертовских
Сказка о Джине

Очень давно, в те времена, когда Джинны помогали людям, в большой деревне жила одна семья. Муж, жена и двое детей. Не богатая и не бедная была семья. Жена вела хозяйство, дети помогали, муж целыми днями работал.

Но вот муж заболел. Болел долго и тяжело. За время его болезни достаток в семье упал. Становилось все тяжелей кормить семью.

Вечерами, когда все уже спали, женщина сидела у входа в свое жилище и мечтала. Мечтала о том, как в один прекрасный день к ней явится Джин и исполнит три ее желания, и жизнь опять наладится.

Но проходили дни, а мечта не сбывалась. Жизнь становилась все хуже и хуже. Муж не выздоравливал, еды не хватало, одежда у всех поизносилась, крыша дома прохудилась.

И решила женщина продать что-нибудь из домашней утвари. Попалась ей на глаза старая мятая медная лампа. Она осталась еще от матери. Когда этой лампой пользовались, женщина и не помнит. «Вот ее я и продам», - решила она. Подставив скамейку, женщина достала с полки лампу. Пыль, копоть и паутина покрывали лампу так, что и в руки было брать ее неприятно.

Чтобы придать товарный вид лампе, женщина пошла с ней на речку. Намочив лампу, женщина зачерпнула горсть песка и стала оттирать грязь с меди. И тут... из лампы вырвались клубы дыма, раздался грохот, и перед испуганной женщиной появился Джин. Самый настоящий, огромный, страшный.

- Слушаю и повинуюсь, - прогромыхал Джин, - назови три желанная, я их исполню, и ты отпустишь меня.

«Джин. Настоящий Джин», - крутилось в голове женщины. «Как же я раньше не взяла эту лампу. Ведь она все годы была рядом со мной, а я ее не замечала».

- Назови три желания! – повторил Джин.

- Любые?

- Любые. Мне все доступно.

- И мужу здоровье сможешь вернуть, и детей накормить?

- Смогу, - улыбаясь своей страшной улыбкой, сказал Джин.

- А что я должна буду дать тебе взамен?

- Ты отпустишь меня.

- И все? - недоверчиво спросила женщина.

- Все.

«Не верю я ему. Не может быть так все просто. Он вон, что обещает сделать, а я - просто отпустить. Что-то тут не так»

- А ты не обманешь? - спросила она.

- Джинны никогда не обманывают. Загадывай желанья, - уже угрожающе произнес Джин.

«Вот он злится. Точно от меня что-то потребует взамен. А что я могу ему дать?»

- Женщина, ты будешь загадывать желания? - раздался грозный голос.

- Сейчас. Подожди. Дай подумать.

- Чего думать, у тебя, что ли, нет проблем? Назови, я их решу.

- Да, да. Сейчас, - задумчиво произнесла женщина.

«Что же он хочет от меня? Зачем я ему? Зачем пристал? Как мне от него избавиться? Ведь обманет»

- Ну! – покраснев от ярости, произнес Джин, да так, что из ноздрей ударило пламя.

- Да. Я решила. Я отпускаю тебя, - гордо произнесла женщина.

Казалось, небо расколется от громового смеха Джина.

- Ну, прощай! Оставайся со своими проблемами. Запомни, джины никогда не возвращаются, - сказал Джин; сверкнули молнии, и Джин исчез.

- Вот и хорошо, - с облегчением вздохнула женщина, а потом произнесла, - а как же я?

Говорят, что именно с тех пор джины перестали являться к людям. А зачем? Ведь люди теперь решают свои проблемы сами, и безвозмездной помощи им не надо.

Елена Арс

Упрямый Фома

Богаты волжские леса разной живностью и растительностью: зверем, птицей, грибами, ягодами. Охотно делится природа с людьми своими щедротами. В тяжёлые времена спасает от голода и холода. Но вместе с тем зачастую предупреждает, наказывает тех, кто берёт больше положенного и ведёт себя в лесных угодах по-хозяйски, неподобающе.

Знающий человек никогда не пойдёт в лес в неурочный час. Потому как понимает: потревоженный лесной дух может разгневаться и жестоко наказать не прошенного гостя.

Старые люди, деревенские жители, про то могут рассказать немало удивительных и странных историй, которым больше сотни лет. Бережно сохранённых для нас – потомков. В назидание. И служат нам предупреждением: мол, знай место своё, человек, и помни - с природой шутки плохи! Но это присказка, а сказка будет дальше...

Жил в одной глухой деревеньке, не скажу, какой да это и не важно, парень по имени Фома. Силушки в нём не меряно, а ума ни на грош. Никто ему был не указ. Ещё мальцом* босоногим проявлял своё непослушание и упрямство. Говорит ему мать:

- Отец спозаранок* на покос ушёл. Снеси, Фомушка, ему кваску холодного, покушать вот узелок собрала.

Фома за живот хватается, от мнимой боли морщится:

- Не могу, маманя, брюхо свело!

Мать вздыхает, головой качает. Привыкла к проделкам сына:

- Ох, Фомушка! Единственный сын, вся надежда на тебя. Пожалел бы ты нас хоть чуточку! И когда только за ум возьмёшься?

Фома лишь в ответ постанывает:

- Ох, худо чего-то мне. Брюхо урчит, хлеба просит.

Рассердилась матушка и говорит:

- Так пусть твоё брюхо работать тебя заставит. Кто не работает, тот не ест! – Горестно вздохнув, добавила - Придётся мне в поле идти, отца кормить. А ты в избе приберись, печь растопи. Приду, готовкой займусь.

Возвращается мать, а сыночка след простыл! В избе не прибрано, печь холодная. Фома с ребятами в лес подался за земляникой. Ягоды столько – ешь, не хочу, сама в рот просится. Детвора наелась досыта и домой-полные лукошки насобираала. А Фоме плетёнка в тягость. Знай, одну за другую за щеку закидывать.

С годами упрямяство Фомы только крепчало. Говорят ему постаревшие родители:

- Давеча кузнец приходил, тебя в помощники звал. Сходил бы, Фомушка, посмотрел, что к чему, авось силушке твоей применение достойное найдётся.

А Фоме хочется в душистом сенце поваляться, вздремнуть часок-другой:

- Пусть дураки в кузне работают. В пекле потом исходить, молотом по наковальне настукивать не подряжался.

- Тогда запрягай кобылу, езжай за дровами, печь топить нечем.

Морщится Фома, нет охоты напрягаться да делать нечего. Не отстанут родичи*, так и будут над душой

целый день стоять. Запряг лошаdенку и вон со двора. Знай понукивает:

- Да шевелись, скотина! Еле ноги переставляет...

Отец следом бежит:

- Топор, топор возьми, работник! – Наказывает сыну.
– Ты хорошее деревце-то не тронь, сухостой руби, ва-
лежник на растопку пойдёт.

Фоме отцовские наставления в тягость:

- Не маленький, сам разберусь, что к чему. Отойди, а то зашибу ненароком. Нно, говорю, пошла! – И так хлестнул бедную лошадину, что та, взбрыкнувшись, понесла, не разбирая дороги. Старая телега затряслась, заскрипела на разные лады, вот-вот развалится.

Отец хотел было осадить сына, потом рукой махнул. Шаркая больными ногами, добрёл до вросшей в землю кособоклой лавчонки. Сел, горестно понурил седую голову. Вот ведь как в жизни бывает. Единственный ребя-
тёнок в семье, желанный. Ни в чём отказу ему не было. Растили себе на радость да не знамо, что выросло, эх!

Фома тем временем до леса добрался. С телеги со-
скочил, топорик за пояс заткнул и вглубь подался. Ло-
шадёнку привязывать не стал, лень матушка. Да что
ей сделается? Скотина старая, и телега при ней. Да-
леко не уйдёт. Сухостоя поблизости не было. Надо бы
чуть дальше проехать, за лес завернуть. Но всё та же
лень не пускала. Решил Фома напрямки идти, авось,
что стоящее под топор подвернётся. Но чем дальше
в глубь, тем гуще становился лес. И деревья все, как
на подбор. Одно стройнее другого. Раскинули могучие
ветви. Листьями шелестят, между собой тревожно пе-
реговариваются. Был бы Фома посообразительнее, по-
чувствовал тревогу, повернул бы назад. Ан нет, проди-

рается сквозь чащу, топориком поигрывает. Попалась под ноги ёлка-малолетка, не стал обходить – топориком взмахнул, словно травинку подрезал.

- Батюшки святы! – Фома от удивления рот раскрыл. Набрёл на поляну, на ней яблоня да вся плодами усыпанная! А яблоко на том дереве - каждое с его кулачище. Куснул одно, соком так и брызнуло, вкуса необыкновенного. Вот повезло, так повезло! Натряс Фома ябллок полную запазуху*. Жаль, сюда только пешим ходом можно добраться. На себе много не унести. В базарный день большую выгоду можно поиметь. Да за такую вкуснотищу никаких денег не жалко отдать!

Трясёт Фома бедную яблоньку, а сам в уме прибиль подсчитывает. Надрывно скрипит дерево, просит пощады. Ещё тревожнее затрепыхались на ветру листья, заверещали невидимые глазу птицы. А потом разом всё смолкло. Словно по чей-то властной указке. По земле вдруг, откуда ни возьмись, туман закрубился.

Почувствовал тут Фома неладное, на себе чей-то взгляд тяжёлый, а повернуться не может. Словно ноги в землю вросли. Руки безвольно вниз соскользнули. Во рту надкушенное яблоко застряло. Хочет парень его выплюнуть, да не может, на месте неподвижно застыл. Заправленный в штаны край рубахи сам собой выдержулся, все яблоки по земле раскатились.

Тишина в лесу такая, что в голове звон поднялся. Не простой. Похоронный. Жуть неимоверная. Пот прошиб Фому от макушки до пяток. Словно на него ушат* холодной воды опрокинули.

Понял тут Фома, кто у него за спиной стоит, взглядом удерживает. Не иначе как угораздило его «лешовкой» угоститься. Слыхал он ещё мальцом, будто Леший

выращивает для себя в лесу дикие яблоны. Оттого и прозвали те самые яблоны «лешовками». Не верил Фома в рассказы. Да выходит, не вдали старики.

- Ну, что, сын человеческий, понравились мои яблоны? – Просипел незнакомец. Усмехнувшись, добавил:

- Не тобою посажено, не тобою и съедено. Сказано было тебе: не тронь дерево. Пошто отца послушался? Ёлка-то чем тебе помешала? Не захотел в кузне работать, у меня на подхвате будешь. Пока в сто крат не отработаете ущеиб мне причинённый и ума не наберешь-ся, домой не отпущу, так и знай. И долг свой сыновний перед стариками заставляю выполнить. Сполна...

Прошло немало времени, как сгинул в лесу парень. Всякое болтали люди. Одни говорили, что ушёл Фома счастье по белу свету искать. Другие- что медведь в лесу задрал.

Первые возражали вторым: мол, Фому просто так не одолеть и опять же топорик при нём было. Значит, любой зверь Фоме, при его силе не страшен.

- Значит, Лешак забрал! – Не унимались вторые. – А это хуже смерти. Обрато уж точно не отпустит. Странно, что лошадь домой, как ни в чём не бывало, вернулась, с полной телегой дров. Будто кто невидимый под уздцы её вёл. Шла себе степенным шагом, прямёхонько к своему родному стойлу.

Со временем разговоры поутихли, а потом и вовсе прекратились. Только родители всё ждали своего непутёвого Фому, не верили в его гибель. Родительское сердце не обманешь. Верно оно подсказывало.

Как бы то ни было, дождались старики сына. С первыми петухами домой вернулся. Обнял родителей и заплакал. Где был, что делал – не говорит, всё больше

молчком. Людей стал сторониться. Из дома ни на шаг. Слова от него лишнего не дождёшься. Зато руки всегда работой заняты. Избёнку Фома подправил, крышу заново перестелил. Лавку новую перед домишком сделал. Наконец-то зажили старики спокойной жизнью. Под сыновним заботливым приглядом достойно жизнь свою завершили.

Что с Фомой потом стало, об этом не известно. Поговаривают, будто бы после кончины родителей покинул тот родную деревню. Быть может, за лучшей долей на чужбину подался, подальше от острых языков и въедливого взгляда. А может и обратно в лес ушёл, к Лешему в услужение. Должно быть, привык за столько лет к лесной, одинокой жизни.

Или с Лешим подружился, тот решил оставить у себя Фому. А что? Хорошие работники во всяком деле нужны. Если к нему человек с должным уважением и почтением, так и обида у лесного духа недолгая. Каждый любит хорошее, внимательное обхождение и уважение к себе. И природа – не исключение. Будь то зверь или птица. Да хоть травинка, букашка мелкая – все должны сосуществовать в согласии и мире.

*малец -простонародное слово, означает: «мальчик», «подросток».

*спозаранок -рано утром.

*родичи – родители.

*запазуха – пространство между грудью и прилегающей к ней рубахой (одеждой).

*ушат – по толковому словарю Т.Ф. Ефремова: деревянная кадка с двумя выступающими друг против друга боковыми дощечками –ушками,с прорезанными в них круглыми отверстиями.

Роман Чекмачев

Четыре брата

Жили-были на белом свете четверо братьев: Зима, Весна, Лето и Осень.

Жили бы они себе дружно, пока не затеяли они между собой спор.

- Нет на свете сильней меня. Я напускаю холодные ветра, реки покрываются льдом, лесные жители спят непробудным сном. Нет меня сильнее!

- Ох, ошибаешься, Зима. Сильней на свете нет меня. Я землю от сна пробуждаю, всё вокруг оживает после долгого-долгого сна; птички поют, трава зеленее, солнышко светит ярко-ярко. Всё, всё, всё оживает, преобразается. Нет меня сильнее на свете!

Тут в разговор вступает Лето:

- Позвольте, братья, я скажу. Моя пора прекрасней всех! Природа ожила от сна, бегут вдаль горизонта реки, туманы видишь ты в лесу, зверей и птиц, закаты и восходы солнца, и небо видишь голубое, и насекомых разных, и цветы. Пора любви и вдохновенья. Сильней меня и не ищи!

- Послушай, брат. А как же я? В мою пору это отмирает; деревья сбрасывают листья, идут дожди, печально небо, солнце тоже; земля сыра, холодный ветер, а птицы улететь спешат на юг; крестьянин убирает хлеб, готовит пашни. Сильней меня ты не найдешь.

Уж сколько б братья не спорили, а понять так и не сумели, что каждый силён по-своему.

Семечка

Жило-было в одной стране, в широком поле, у матушки-реки одно растение.

День ото дня его согревали тёплые лучи летнего солнца; оно утоляло жажду от проливных дождей; ветер ласково обдувал его. Пришло время и оно расцвело - стало ещё красивее и прекрасней. Каждый день к ней прилетали осы и пчёлы, чтобы собирать чудесный нектар.

И вот на свет появились маленькие-маленькие семена. Подул сильный ветер, и они разлетелись в разные стороны. Первое семечко попало в ямку, которую затопила дождевая вода – оно погибло. Другое семечко упало на растрескавшуюся землю – от жарких лучей солнца оно погибло. Третье семечко зацепилось за ветку куста, которое съела корова. А другое семечко упало на землю, где каждый день светило яркое солнце, дул тёплый ветер. Проливалась вода с небес. И вскоре на этом месте вырос чудесный куст: когда пришло время, на нём появились красивые цветы и маленькие-маленькие семена, которое очень скоро разлетелись во все стороны.

И повторилось всё опять.

Надежда Бакина

Зерцало

Жило-было Зерцало. Понятное дело, жило оно в комнате, на столе, и к нему постоянно подходили, так что оно не скучало, вроде.

-Вроде? Не скучало? Да лучше бы я скучало! – Зерцало ворчливо поскрипывало, качаясь на высокой металлической ножке. – Ладно там, еще, скажем, волосы поправить, сережки надеть, просто полюбоваться собой – убедиться, что на лице все в порядке,- это я готово. Это всегда пожалуйста, вот оно я. Смотришь, мне ж не жалко...

-Еще бы, «не жалко»,- зашептались Расчески в корзинке,- оно ж для этого тут и стоит.

-Да, не жалко, смотрите, поправляйте, надевайте, любуйтесь. Моя поверхность идеально ровная и гладкая, ни царапинки, ни пятнышка, в-общем, зеркало на славу.

-На чью, интересно?- захихикали Пилочки для ногтей, выглядывая из косметички на столе.

-На мою славу,- упрямо повторило Зерцало.-Смотритесь в меня, пожалуйста. Но ведь нет, каждый второй смотрит и бормочет под нос: «свет мой, зеркальце...» - а какой же я свет? Вон, в Лампе восемь лампочек, она – свет. А я вовсе не свет, я Зерцало. Я – отражение света. Неужели так трудно понять физические процессы? Взрослые же все люди, ну почти взрослые и почти все, в школу ходили, помню их по утрам с заспанными глазами и в школьной форме, кривовато надетой с утра. Или еще вот это: «я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?». Нет! Во-первых, сначала определись,

румянее или блее хочешь быть? А во-вторых: нет. Не милее. У одной прыщ на лбу, другого кошка поцарапала, третий и вовсе, как к зеркалу подойдет – начинает рожи корчить. Его это веселит.

-Тебя тоже,- напомнили маникюрные Ножницы.

-Да, меня тоже. Он забавный. Но какое отношение это имеет к «всех милее»? Тем более, что я не видело этих «всех». Как я могу сравнить?

-Зеркало, ты слишком серьезно подходишь к жизни. Что тебе стоит чуть-чуть приукрасить действительность и сделать приятное, сказать то, что от тебя хотят услышать? Прыщ пройдет, царапина заживет.

-Вот когда прыщ пройдет, тогда пусть и спрашивает. Я же – Зеркало! Я говорю и показываю то, что есть.

Эти разговоры сильно расстраивали Зеркало. Оно-то всегда гордилось своим точным отражением, своей честностью и прямоотой. Но...А вдруг, все они правы?

И Зеркало потихоньку начало искажать правду. Отражать слегка замутненное изображение, чтобы прыщ был не виден, а челка казалась пышнее. В затемненном отражении не были видны пятна на одежде и морщинки на лице. К Зеркалу подходили чаще и охотнее, и оно поверило, что все делает правильно. Люди улыбались Зеркалу, смотрели в него с удовольствием и удовлетворением, и Зеркало, тоже получало от этого удовольствие.

Пока однажды не услышало:

-А Зеркало-то совсем завралось, окривело от неправды! Смотрите, смотрите, как в нем отражается комната! И разве у меня такая длинная шея? И маленькие глазки?

-Да это – Кривое зеркало!

-Ему не место на столе. Как я смогу надеть сережки, если в Зеркале не отражаются мои уши? А нос, наоборот, занимает половину лица?

И было принято решение купить другое Зеркало, которое не будет врать. А наше Зеркало отнесли на помойку.

-Какая неблагодарность,- сочувственно шептали Сережки и Бусы.

Там его нашли дети и долго играли с ним, смеясь над собой и друг над другом, разглядывая смешные рожи, которые показывало им Зеркало, с невообразимыми ртами, перекошенными глазами и вытянутыми носами. Наигравшись, дети засобирались домой. А Зеркало?

-Я устрою комнату смеха,- решил один мальчик. И забрал Зеркало домой.

Ладодя Ляля Зуборева

Сказы о колдуне. Мальчища серый домишко

Жил-был на краю леса добрый дед-колдун. Внешне он ничем не отличался от простого человека. Но волосы его были необычно огненно-рыжего цвета, словно лучики Солнца в игривых завитушках, и такого же цвета борода. А глаза его, как весенняя листва, зеленые при зеленые. Собирал он травы и ягоды на полях, варил зелье, улыбался дождю и солнцу, танцевал с ветрами и осенними листьями. Помогал он добрым путникам найти дорогу домой. То ручеек покажет с живительной водой, то грибные места и ягодные поляны, обратившись невидимкой. А невежам, наоборот, ставил подножки и петлял дорожки. Избушка его стояла на невысоком холмике, усыпанном цветами, а вокруг размашисто рос огромный дуб. Были на то место наложены волшебные чары забвения. Никто не мог добраться до его жилища. Стало ему скучно в своей избушке и решил он отправиться в ближайшую деревушку и посмотреть как живут там люди...

Обратился он в миг в маленькую птичку. И вспорхнул ввысь, как легкое перышко. Прилетел он на оживлённые улицы соседней деревеньки. Домики были выкрашены яркой краской и один краше другого. С резными ставнями и заборами. Только в самом конце улицы стоял старый, серенький, неприметный домик. И жил в том домике мальчик-сиротка, лет 6-7, со своей бабушкой. Звали его Яшка. Маленький, худощавый светловолосый мальчик. Жили они бедно и ему во всем

приходилось ей помогать. Рос он хорошим и послушным мальчиком, но друзей у него не было. Соседские дети не любили его и постоянно дразнили. «Мальчишка - серый домишко». Но был у Яшки верный пес, по кличке Волчок. Он был такой же серый как его домишко. Яшка нашел его ещё совсем щенком в лесу в капкане. У него сильно была повреждена лапа. И с тех пор пес всегда хромял. Яшка и Волчок стали лучшими друзьями. Всегда вместе друг за дружку.

Недалеко от деревеньки располагался сельский рынок. Куда и отправлялся мальчик по поручению бабушки.

Набрала она ему в корзинку самых спелых яблок и велела их продать и купить хлеба на вырученные деньги. А то дома осталась одна краюшка на двоих.

В это утро погода выдалась ясная, ничто не предвещало дождя и ветра. Волшебник-птичка был похож на маленький оранжевый фонарик и на Солнце переживался как играющий огонек. Взлетел он на самую высокую ветку и оттуда стал наблюдать за детворой. Мальчишки сбивали камнями из рогатки установленныена забор старые игрушки. И вдруг, из-за угла, появился Яшка со своим серым другом. Налетела на него детвора и давай дразнить и задираТЬ.

- Мальчишка - серый домишка, мальчишка - серый домишка...

Был среди этой группы забияк самый задиристый хулиган. Звали его Петька. Он был высокого роста с оттопыренными ушами. На нём была зеленая панама, носил он шорты на подтяжках и высокие гольфы и один постоянно сползал. Был он достаточно упитан. Самый главный из них. Приказал он двум другим, Митьке и

Женьке, держать Яшку, а корзину отобрать. Выставили яблоки вместо кукол и начали стрелять по ним.

Удар, другой и яблоки разлетались в разные стороны.

Не понравилось это волшебной птичке. Подлетела она и клюнула мальчишку в зеленой панаме прямо в макушку и вспорхнула в небо. Зарычал на них Волчок, оскалился, поднялся на дыбы. И разбежались мальчишки кто куда. Пригорюнился Яшка, яблоки были испорчены и их было теперь не продать. Как возвращаться домой без хлеба? Что я скажу бабушке. Сел он по ту сторону забора и горько заплакал, а Волчек свернулся клубочком у него на коленях, уткнулся мокрым носом ему в бок и жалобно завопил.

А те самые хулиганы решили изловить птичку, похожую на огонек. Пташка сидела на высокой ветке и любовалась ярким солнышком.

Сплели они из веревки ловушку и насыпали в неё самых ароматных зернышек. Начали заманивать птичку в силки, а сами спрятались в кусты, держа за веревочку. Подлетел волшебник, и начал клевать зерно. Лапка его попала в ловушку. И ни выбраться, ни улететь. Окружили его хулиганы и начали хохотать и показывать пальцем.

Попалась птичка, кричали они. Опалили ей крылышки и решили подразнить соседского кота Ваську. Спрятались в кусты, а кот, тут как тут. Только он приблизится, а они дергают за веревочку и смеются. Потом надоела им эта забава и они пошли играть в футбол.

Облизнулся Васька, и выпустил коготки. И все ближе подбирается к маленькой птичке. Не может она опять стать волшебником, заклинание действует три дня и

три ночи. Завопила птаха жалобным криком, захлопала опалёнными крыльями. Услыхал это мальчишка серый домишко и побежал на помощь вместе со своим псом. Увидел Васька серого и бегом в кусты и забыл про свою добычу.

Подобрал Яшка птичку, развязал веревку и отнес домой. Пташка была очень слаба, но мальчик усердно за ней ухаживал. Жили они с бабушкой не богато и денег порой не всегда хватало на хлеб. Но мальчик не пожалел и отдал весь свой кусочек раненой птичке и напоил ключевой водицей. Она встрепенулась и как по волшебству её крылышки мгновенно стали отрастать и засияли оранжевым пламенем.

Вдруг, птичка заговорила человеческим голосом: «Благодарю тебя, мой спаситель.

Ты очень смелый и добрый мальчик! Я дарю тебе своё перышко. Когда тебе будет нужна помощь, оно приведет тебя ко мне. Дивится Яшка. Птица-то волшебная. Махнула она крыльями три раза и на столе появился самый ароматный и вкусный хлеб.

- Ну, а теперь мне пора. Промолвила птичка, расправила крылья и вылетела в окно. Полетела над домами деревушки и оказалась в родном лесу. Добралась до волшебной поляны и обернулась рыжим стариком-колдуном.

Разозлился старик-волшебник на эту деревушку и наслал на неё серые тучи, гром и молнию. Не восходит больше над селом солнце ясное. Уж очень рассерчал на них старик. Позабыл он, что в этой самой деревушке живёт Яшка с бабушкой, который его спас. Захворала старая женщина. Лежит, не встает. Ничего Яшке не остаётся, как идти в лес за волшебными ягодами, что

лечат все болезни. Взял он своего друга Волчонка и отправился в путь. Долго в темноте бродил он по полянкам, промок весь до нитки. Но ничего не видно кругом. Хоть глаз выколи. Вдруг увидел мальчик, как в его кармане что-то начало светиться как огонек. Приоткрыл он пуговицу и перышко взлетело в верх. Побрел Яшка в след за ним. И откуда не возьмись, показалась избушка, а из окон яркий свет. Обрадовался мальчик, подошел к дому, постучал, и ему отворил двери тот самый дед-волшебник.

Узнал колдун своих спасителей. Пригласил в дом, обогрел, накормил и налил горячий отвар. Рассказал мальчик, что за беды обрушились на его деревушку. И затряс колдун рыжей головой. Сказал он Яшке: «Ты ляг, поспи, отдохни. А на утро все наладится. Знаю я, где растет волшебный куст с ягодами целебными. Утро вечера мудренее. Обрадовался мальчик и уснул сладким сном в обнимку с Волчком.

Лишь только пропели петухи, Яшка уже открыл глаза. Сквозь окно он увидел как пробивается утренняя зорька. Понял он, что день сегодня будет ясный и светлый. И приятное тепло разлилось по всему телу. По всей избе был слышан аромат трав и свежеприготовленной каши из печи. Дедушка уже с утра был на ногах и встретил его добрым и ласковым взглядом зеленых глаз.

Рассказал он Яшке, что он старик - волшебник. И это он был той самой птичкой, которую спас мальчик. Яшка от удивления только рот и открыл, а Волчек удивленно тявкнул. Дал колдун Яшке целебный отвар для бабушки, и ещё подарил горшочек с волшебной золой и одно золотое зернышко. И сказал посадить его в горшок, когда тот вернется домой.

- Поливай и приговаривай:»Расти новый урожай, золотого приумножай! «

А волшебную золу разбросай по участку вокруг дома. И у вас всегда будет рождаться самый вкусный и богатый урожай.

Но все равно старику хотелось проучить тех мальчишек. Дал он Яшке две большие корзины. Одна с грибами, другая с ягодами. Поблагодарил мальчишка - серый домишко дедушку и отправился обратно в деревушку...

Когда Яшка проходил по знакомым улочкам, во дворе было оживленно. И все увидели гостинцы мальчика. И такая зависть их охватила. И решили эти мальчишки быстрее пойти в лес по грибы, по ягоды. Пока мальчишка - серый домишка все не собрал. Денек был солнечный и ясный. Они взяли лукошки и отправились в путь....

А Яшка, вернувшись, сразу же напоил волшебным напитком свою бабушку. И она ожила и помолодела. Рассказал ей мальчик, что с ним приключилось. А она только охала и разводила руками.

Посадил он зернышко, все как велел колдун. А волшебную золу рассыпал во дворе.

Тем временем хулиганы с корзинками и лукошками все дальше заходили в лес. Перед ними открылись ягодные поляны и лесные тропки, все дальше уводя их от дома, в самую гущу. А они от жадности разбрелись кто куда и уже стали набивать себе карманы. Смотрит на это дед-колдун и усмехается. Хлопнул он три раза в ладоши и Солнце погасло, тьма стоит черным вороном. Заголосили ребятишки в один голос.

Всколыхнулась деревня, пошли искать детвору с фонарями и факелами. Весь лес обошли, плач слышат, А

найти не могут. Что за чертовщина? Вернулись домой без детей. Пригорюнились родители.

Понял Яшка с бабушкой чьих это рук дело. И решил пойти к волшебнику и попросить отпустить их домой. Взял Волчка и волшебное оранжевое перышко. Оно его и привело к избушке деда колдуна. Постучал он в дверь, отворил ему старик.

- Знал я, Яшка, что ты придешь. «Попросил мальчишка-серый домишка» отпустить ребят домой. Старик противиться не стал. Сердце у него было доброе, он только хотел проучить проказников и на утро отпустить домой. Хлопнул он в ладоши три раза и опять на поляне все озарилось светом.

Собрал Яшка перепуганных хулиганов и вывел из леса. А корзины и карманы у них полностью были набиты сухими листьями. Вернулся мальчика-серый домишко» с Волчком к своей бабушке. А зернышко его уже проклюнулось и сияло таким же золотым цветом. И начал Яшка его бережно поливать и приговаривать:»Расти урожай, золото приумножай.» И росток встрепенулся, поднялся и заколосился ввысь. И стали распускаться на нём в разные стороны веточки. И появились на деревце золотые монетки.

И зажили они с Волчком и бабушкой хорошо и весело. В достатке и сытости. И никто больше не смел дразнить его «мальчишка - серый домишко.

Вера Дмитриева

СНЕЖ и СНЕЖКА

Главы из сказки

«Снеж и Снежка» - сказка о приключениях двух славных снежков, вылепленных двумя маленькими друзьями - девочкой и мальчиком. В сказке снежки проживают день и всю жизнь в одном дворе, огромном, как мир. Они теряют друг друга, ищут и находят. Им помогает веселый пес Тимка, и снежки тоже во время своих поисков помогают другим. Это и люди, и животные, и птицы, и даже... варежка. И вот, когда Тимка помогал Снежке найти ее друга, то вез ее по двору на... хвосте. И тогда...

Варежка Варечки

Пес пытался поднять хвост повыше, но снежок был увесистым, и хвост тащился по снегу. Ох, и трясло бедную Снежку, и мотало из стороны в сторону. У нее все кружилось в глазах, а потом вдруг стало совсем темно, как будто сразу наступила ночь.

- Что случилось, - закричала Снежка, - Тимофей, куда мы попали?

Пес удивленно оглянулся и увидел странную картину. На кончике его хвоста топорщилось что-то большое и красное с цветочком посередине. От неожиданности он подпрыгнул и сел на свой хвост. Хвост шевельнулся, и с него съехало это большое, красное и очень страшное.

- Ты кто, - взвыв перепуганный пес, - Ты откуда взялась?

- Это я, - пискнуло что-то большое и красное, - я, Снежка.

- А почему ты стала красной и совсем на себя не похожей?

- Я не знаю. А как ты догадался, что я стала красной? Ведь здесь очень темно, ничего не видно.

- Почему темно? - Тимка осторожно понюхал большое, красное. Да, пахнет Снежкой, но почему-то она не снежная, а шерстяная.. . Пес потрогал большой комок лапой, и тот вдруг сразу как-то сдулся, словно воздушный шарик, и из него выкатилась настоящая Снежка.

- Ой, вскрикнула она, - правда светло. Утро наступило!

И тут они оба увидели, что рядом со Снежкой лежит шерстяная красная варежка с белым цветочком посередине. Это в нее на большой скорости въехала Снежка на Тимкином хвосте. «Извините», - одновременно сказали Снежка и Варежка и улыбнулись друг другу.

- Что вы здесь делаете совсем одна, в снегу? - удивился пес, отряхивая новую знакомую.

- Я была не одна, нас всегда было двое. Мы варежки, я на правую руку, а сестричка – на левую. Мы поссорились, споря, кого наша маленькая хозяйка больше любит. Спорили, спорили... А сестричка мне и говорит: «Послушай, ты заметила, что Варежка, - так зовут нашу хозяйку, - на улице никогда не снимает меня – левую варежку, а тебя постоянно сдергивает. Значит, она со мной не хочет ни на минуту расставаться. А ты очень часто в кармане лежишь». Я задумалась, и правда, так часто бывает. Не любит меня хозяйка. Ну и пусть, пусть остается с сестричкой – левой варежкой, раз я им не нужна. Взяла и вывалилась из кармана, не

буду им мешать». Рассказывала это варежка, и слезы утирала, так горько ей было, так обидно.

- Да что ж ты наделала, - подкатилась к ней Снежка, как же ты не понимаешь, хозяйка тебя снимала чаще, потому что правой рукой больше делала, то на снегу пальцем что-то нарисует, то в автобусе окошко протает, чтобы лучше видеть, то птичкам хлебных крошек насыплет, и все правой рукой. А потом, чуть рука замерзнет, она тебя наденет и согреется. А теперь что? Тебя нет, и сестричка твоя ей не нужна. Тебя она потеряла, а ее выбросит, это еще обидней. Что ты наделала! Надо искать твою хозяйку и сестричку, пока не поздно. Тимка, беги, ищи Варечку и левую варежку. Она пахнет, так же как и правая, понюхай.

И пес стал усиленно нюхать. Пахло теплом, овечьей шерстью и манной кашей. Редкое сочетание ароматов, можно и поискать. Тимка уткнул нос в снег и пошел по следу, как заправская ищейка. А грустная варежка огорчалась уже не из-за того, что хозяйка ее чаще снимала, чем сестрицу, а из-за своей глупости, которая могла испортить жизнь и ей, и сестрице. Какой смысл носить одну варежку? Конечно, хозяйке теперь дадут новую пару варежек, которые будут дружить, и никогда не будут спорить о том, кто кого больше любит. Любовь не бывает больше или меньше, она либо есть, либо ее нет. Но она есть, есть! Снежка обняла Варечку и поцеловала ее. И они не стали ждать, а двинулись по собачьим следам. А следы кружили и петляли, они, то уходили к самому дому, то тянулись почти до самого въезда во двор. А день уже подходил к вечеру и тени становились все длиннее. И одна из таких длинных-длинных теней скоро накрыла их. Тень двигалась на-

встречу им долго-долго, пока, наконец, вся кончилась, и за ней обнаружился знакомый кожаный нос.

- Ну, вот вы где, все лапы истоптал, пока сначала маленькую хозяйку нашел, а потом вас.

Пес схватил варешку в зубы. А Снежка привычно уселась к нему на хвост. «Поехали!». И Тимка, весело трясая ушами, помчался по двору.

Ворона и воробей

А тем временем Снеж маялся у песочницы, хотя зимой она больше была похожа на «снежницу».

- Ну, нет этого глупого пса, и все тут. Убежал, и, наверное, уже не вернется, придется самому начинать поиски. И пошел, покатился, попрыгал Снеж на поиски Снежки. И вдруг на ходу уткнулся во что-то мягкое. Это мягкое дрожало и всхлипывало. Посмотрел Снеж, а это воробей, маленький нахохлившийся, очень обиженный.

- Не хнычь, - велел ему снежок, - Что случилось? Кто тебя обидел?

Воробей перестал шмыгать клювом и с надеждой взглянул на Снежа.

- Большие птицы обидели. Сначала голуби, а потом ворона. Она такая страшная, черная, как каркнет.... А начиналось все так хорошо. Девочка Варечка вынесла во двор хлебные ломтики, и стала крошить их нам, воробьям. Только мы начали клевать, как налетели голуби и все крошки подобрали, а один самый важный с кольцом на лапке, хвост распушил, голову пригнул, и к воробьям. Все улетели, а я не успел, так он меня как клюнет. Тут Варечка перестала крошить хлеб, закричала на голубя, руками замахала и отогнала его от меня.

А сама, прямо к моему носу стала крошки сыпать, но пальчики у нее замерзли и плохо двигались, хлеб сыпался большими кусками. Варечка хотела варежку надеть, чтобы пальчики согреть, глядь, а ее нет. Та, которая на левой руке осталась, а которая на правую надо надеть - исчезла. И Варечка побежала варежку искать. А я только собрался поклевать, как вдруг огромная ворона опустилась рядом. Посмотрела на меня круглым глазом, и как каркнет. Я очень испугался и улетел, а там еще так много крошек!

И воробей снова захныкал: «Как есть хочется!».

Снеж расправил плечи, или щеки, или... что там у снежков бывает? В общем, стал он в два раза больше, и такой сердитый, что даже воробей в испуге попятился. А Снеж покатился туда, где по-хозяйски разгуливала ворона. Докатился до крошек и стал по ним кататься. Катался-катался, пока все крошки к нему на бока ни прилипли. А ворона так и осталась стоять с открытым клювом. Хотела крикнуть «Кар-рр», да это «кар» у нее в горле застряло. Прикатился снежок к воробышку, и стал ему бока подставлять, а тот, знай, склевывает с них крошки, да похваливает: «Ай, да Снеж, ай да смельчак, не побоялся такой страшной вороны, и меня накормил. Спасибо тебе». И воробей, переваливаясь, пошел пешком по снегу, оставляя на нем легкие следы. Он так наелся, что просто не мог взлететь. И Снеж остался один, но ненадолго. «Кар-р-р», гаркнуло у него над ухом, - «кар-р-р», и круглый черный глаз сунулся к самому носу Снежа. Это была та самая ворона, у которой из-под носа он укатил все хлебные крошки. Она только сейчас пришла в себя от изумления и догнала обидчика. Теперь она смотрела на него и думала: «Надо

клюнуть наглеца посильней, чтобы пополам расколоть, вдруг у него крошки хлеба не только снаружи были, но и внутри». И взъерошив перья, ворона грозно стала надвигаться на Снежа. Тот откатился, ворона за ним. Снеж бросился наутек со всех ног, или боков, или... что там у снежков? А страшный, как будто стальной, клюв был все ближе и ближе. Снеж, конечно, очень смелый, но уж очень страшный был вороний клюв. Задом, задом отступал снежок и вдруг услышал знакомый голос: «Сюда, сюда!». Это звал его воробей. Снежок не видел птичку, но скакнул на голос, и почувствовал, что попал в какую-то щель. Это была щель между двумя гаражами, которые стояли в конце двора близко-близко друг к другу. Но все же между ними было крохотное расстояние, куда вытянувшись и обдирая бока, забился Снежик и почувствовал под боком мягкий бок воробьишки. Ворона сунулась было в щель, но пролез только клюв, а что может сделать один клюв без самой вороны? Поцелкал он, поцелкал и все. Так ворона и улетела ни с чем. Взъерошенный воробей выбрался из укрытия и понял, что уже может взлететь, а Снеж так и остался в спасительной щели и замер там, чтобы перевести дыхание.

Варечка и две варежки

А тем временем Тимка добежал до Варечки, которая грустно сидела на скамейке возле дома, разглядывая одинокую варежку на левую руку:

- А я и не замечала раньше, - думала Варечка, - какой красивый цветочек вышит не ней. А на правой варежке был еще лучше. И как хорошо они смотрелись вместе, но теперь одна потерялась! Вот, мама огорчится, это ведь она связала мне такие красивые варежки ко дню рождения. Что я ей теперь скажу!?

И она заплакала, утирая слезы оставшейся левой варежкой. И левая варежка была такая печальная, и цветочек на ней выглядел совсем никчемным. Если бы нашлась ее сестричка, то она бы больше никогда не сказала ей, что хозяйка любит ее - левую варежку - больше, чем правую. Это не так, ведь поодиночке они никому не нужны. И вдруг в левую варежку уткнулся чей-то кожаный нос и стал ее обнюхивать. «Ай», - вскрикнули одновременно Варечка и варежка. И тут прямо возле рук Варечки появилась лобастая собачья голова, а из ее пасти высовывалась такая знакомая правая варежка. «Фыр-р-р!», сказала голова и разжала пасть, и из нее выпала такая родная правая варежка. Как тут все обрадовались. Правая и левая варежка так обнялись, что их еле-еле расцепили. Все смеялись и плакали, а Варечка тут же одела обе варежки на замерзшие руки.

Олеся Голикова

Бабушка Зелёная Шапочка

На лесной опушке, в небольшой избушке жила бабушка. Все вокруг называли её Зелёная Шапочка, так как она очень заботилась о природе леса, о всех его жителях: от маленького муравья до огромного медведя.

Каждое утро старушки начиналось с обхода лесных тропок, которые она знала наизусть. Зелёная Шапочка приветствовала каждый листочек на дереве, каждую травку, и, казалось, все лесные обитатели радовались встрече с ней. Бабушка очень гордилась, когда в своей избушке встречала разных животных, которые приходили к ней за помощью или советом. Зелёная Шапочка знала язык животных и легко общалась с каждым лесным жителем.

Недалеко от леса протекала небольшая река с кристально чистой водой, смотря в которую, видно было дно и плавающих золотых рыбок, тоже знающих добрую старушку. Ведь она заботилась и о чистоте воды в реке.

Так бы и жили все счастливо, горя не зная. Но однажды случилась беда. В верховьях этой речки злые волшебники построили завод, отходы которого вытекали прямо в реку. Это очень обеспокоило бабушку, ведь она видела, как тревожно стали жить её друзья - золотые рыбки. Им нечем было дышать, они задыхались и выбрасывались на берег в надежде, что кто-нибудь им поможет.

Зелёная Шапочка не знала, что делать и собрала всех лесных жителей у себя на опушке. Каждый, начиная от муравья, пытался высказать своё мнение. Даже трусишка-зайчишка, став на пенёк, уговаривал всех спло-

титься и пойти против волшебников, чары которых все больше распространялись на лес.

И вот, выслушав каждого, старушка решила действовать. Она очень редко пользовалась своими магическими способностями. И, наверно, в этот момент она поняла, что медлить нельзя. Зайдя в свою избушку, Зелёная Шапочка открыла волшебный сундук, в котором лежало омолаживающее зелье. Бабушка выпила пару глотков и превратилась в прекрасную молодую красавицу, от которой невозможно было отвести глаз. Также она напоила всех лесных жителей другим своим зельем, дающим силу и выносливость.

И вот, собравшись все вместе, они отправились к злым волшебникам, чтобы убедить их закрыть завод, из-за которого гибнет природа.

Проехав длинный путь, Зелёная Шапочка с друзьями оказались во владениях волшебников. Они были поражены, что здесь нет ни одного деревца, ни одной травинки, не поют и не летают птицы. Всё было серым и унылым. Из больших труб завода выходил чёрный дым, окутывающий всё кругом.

Старушка в образе красавицы постучалась в ворота, слуги проводили бабушку и её сопровождающих к злым волшебникам, которые были уже насыщены о визите прекрасной незнакомки.

Зелёная Шапочка, усевшись за один стол с волшебниками, попросила угостить её кружечкой чая. Но вместе с ней должны были выпить также и хозяева завода. Пока они отвернулись на минутку, красавица налила в их чайные кружки волшебное зелье, делающее всех добрыми и милыми.

Волшебники, выпив чай, тот час были поражены тем, в каких неприглядных условиях они живут, где всё мрачно и пасмурно. Они попросили Зелёную Шапочку дать им совет, как всё исправить. И бабуля помогла им.

Волшебники на то и волшебники, чтобы благодаря своим магическим способностям быстро решать проблемы. Закрыв на миг глаза, Зелёная Шапочка и её лесные обитатели увидели, как огромный завод со своими зданиями и башнями поднялся ввысь и улетел, как огромная птица, за высокие горы. А на его месте образовалось голубое озеро с чистой и прозрачной водой, окружённое молодыми берёзками.

Все были счастливы: и волшебники, подобревшие к этому времени, и Зелёная Шапочка, превратившаяся опять в замечательную старушку, и могучие лесные жители, ставшие обратно неугомными зверятами.

Вот так, благодаря находчивости и волшебству, был спасён красивый зелёный лесной уголок. А нам, жителям огромной земли, очень бережно нужно относиться к природе, которая даёт силы, здоровье, а порой и вдохновение к чему-то прекрасному и новому.

Роман Чекмачев

Лягушца и лев

сказка-басня

До Льва, царя зверей, дошли такие слухи,
Что Лягушонок-вор!
«Подумал он, что мы, владыки, глупы!»
Взревел наш Лев. Каков тут спор!
«За ним скорей послать!»
Нашли Лягушку. В цепи заковали.
«В палаты привести» - Так страже приказали.
Царь смотрит на него, а тот, как лист, дрожит.
«Правда, то, что ты воруюешь?
Коль правду скажешь – будешь жить,
А если нет – умрёшь!»
«Я прямо Вам скажу, – ответил, осмелев. –
Я не ворую. Всё клевета князей твоих.
Лишить они любого могут жизни!»
«Князей винить?! Казнить!!!»
«Казнить! Казнить! Казнить!» – Со всех сторон...
Услышал бедолага приговор.
Как сказано – тому и быть.

Страшны нам не цари, что могут жизнь отнять.
Страшнее языки близ царского престола.

Сказки для всей семьи

*Человек, который
верит в сказку,
однажды в ней
попадает, потому
что у него есть
сердце...*

© Сергей Королев

Сергей Зеньков

Господин Огонь и кузнец Мирон

- Папа, а я знаю почему когда костер горит, то так пахнет от него невкусно...

- Почему, доченька?!

- А потому что огонь водичкой не моется!!!

(глава «Открытия Екатерины 3-й»)

Обиделись раз люди на огонь, и давай его ругать: «...По что он в воскресенье Смоляной околоток за Козьей речкой скупал?!... По что народ без домов оставил, жить у соседей заставил?!...» Уж они его кляли, ругали, поношения свои не унимали. Обиделся Огонь-батюшка светлый господин, да и ушёл. Пропал, как будто в тех краях и не бывал. С огнём жить надо осторожно, а без огню-то и совсем невозможно!... Вот люди-то и призадумались; в хатах к вечеру темно и холодно. В печках огоньшко не стрекочет, не поёт не танцует, свечёй - лучиной в горницах не светит... Опомнились люди, да поздно, уж огонёчка-дружочка и свет простыл и след остыл! Помёрзли люди, сырое пожевали, да и бегом в кузню к ковалю Мирону. Входят, а коваль-то не работает, не спит, не дремлет, не стучит, просто так у наковальни сидит, бороною пол подметает, что делать дальше не знает. Подходили к нему старцы седые, кланялись до земли! Мужички удалые челом били, парни золочёный пояс дарили, бабы хлеб-соль подносили, девы молодые подчевали медами, а пигалицы на главу клали веночек с полевымицвитами. Сидит Мирон кузнец и слово молвит твердое, аки молотом выкованное:

- По что пришли ко мне, люди? Что ещё вам надобно?!А прогнали вы в далёки края, не токмо друга моего близкого, ни только пламень, что в печи моей пылал, не свет, что кузню мою осветлял искрою, а прогнали вы жар души моей, пыл и рвение сердцу милые!... Потому как огоньмне не просто друг, он мне кровный брат, а делам моим он отец родной! Так по что жвы меня , люди, мучите, по что теперь пришли ко мне?! Коли отняли у меня всё чем я живу?!...

Пали старцы на колени некрепкия, поклонилися мужи удалыя, согнули спины парни русыя, зарыдали бабы дородныя, девы младые слезу пустили, пигалицы-поскакушки приуныли... Просят все кузнеца колено-приклонено, возвернуть огонь неприменно!

Встал тут Мирон, да и рассказывает:

- Не гоже вам, люди гордые, унижаться!!! А мне пора в путь-дорогу снаряжаться. Не близок , видать, будет путь, огонь надобно возвернуть!!!

Кладёт он в суму хлеб-соль, в золочёной фляге медовый настой, всякого съестного - всего понемногу... Поклонился людям и пустился в дорогу.

Долгий ли короткий ли путь прошёл кузнец, однако стоит у дороги дворец. Не то чтобы дворец, а вроде как деревянныя хоромы, шесть окон , дверь, крыша крыта соломой, вокруг - хлев, конюшня да дырявый забор!... Дворец, не дворец, а всё ж таки постоялый двор. Есть путнику где остановиться, поесть, выпить, поспать и даже умыться!... Заходит кузнец с поклоном в хату, поглядел на печь - чуть не ругнулся матом!А в печке русской во щах капуста, на сковородке шкварчит мяско, в чугуне томится колбаска.... И всё горяченькое, руками не тронь..., и в топке урчит огонь. Обернулся тут

кузнец к хозяину дома словом сдержанным, добрым:

- Ты дозвожь мне, хозяин, взять с собой домой, не щи капустные - страсть какия вкусныя, не жарёное парное мяско, ни сочныя свинныя колбаски... А дозвожь мне взять с собой домой, огонёчек - уголёчек маленькой- небольшой!!!

Молвил хозяин ласковый:

- А ты отведай-ка, путник, щей, мяска, колбаски, горячих кренделей, из самовара крепкого чаю...А вот как с огнём быть, яи не знаю!... Потому как мы его здесь уж очень уважаем, кормим и за труды награждаем!!!...Разговаривать с ним нам нипо чинам, так что обращайся к господину-огню сам...

Призадумался кузнец, за столом подкрепился, набрался духу и к огню в печи обратился:

- Друже мой хороший, пан-господин пригожий, жаркая душенька, ты меня послушей-ка... Я твой друг, кузнец!... Сват я матушке- пламени, кум я тётке-наковальне, хозяин я зычному молоту и крепкому слову своему ковану! Не гневайся ты на моих и не злись, ты прости нас и в кузню вернись! Не было у нас такого с роду, не прожить без тебя народу!

А Огонёчек из печи отвечает, язычками светлячками польхает:

Не меня ты обидел, а моего брата родного, не сыскать в свете другого такого!... А коль брата обидел к нему и ступай и мне парить кухарить не мешай! У меня своей работы достаёт, каждый день расписан на сто лет вперёд!

Взяла тут кузнеца кручина, знамо дело усё ж сурьёзная причина. Не может он сместа сойти, сам молвит:

- Как брата тваво найти?! Где яво теперича искать?! Кто знает?

- Евоная мать!

- А кто ж у вас матушка?!

- А матушка наша Красно Солнышко!!! В ясный день по небу гуляет, Землю- кормилицу освещает, согревает!!!

Новая теперь у кузнеца забота, это как сказать работа, не работа!!! Потому как на дворе дождь и пасмурно, жди-сиди дня светлого, ясного! В четверг с утра красная заря занимается, наш кузнец тут как тут, челом бьёт, к Солнцу обращается:

- Царица всех светил, великое ярило!.. Нет пяди на земле, куда б ты не ступила!.. Молю тебя, скажи, где мой огонь живёт?!... Без сына твоего погибнет мой народ!!!

Поярче прежнего вдруг Солнце засияло и тихо кузнецу сии слова шептало:

- Почём я знаю, где твой прячется огонь... По пустякам таким меня не тронь!... Огням - моим сынам по свету нету счёта!... Смотреть за ними не моя забота! Спроси про то мою сестру меньшую, красунью Молнию плясунью удалую!!!

Горше прежнегоу кузнеца задача, ну как сказать... без нежностей телячьих!... Потому как за околицею день светлый ясный, а яму подавай с Молнией- егозой, ненастный!!!

Вот день проходит, два... Наш кузнец грохота с небес дождался, бежит, спешит, бедняга запыхался. И тучи чёрные на небе одеялом, а Молнии дая пляски места мало.

- Постой, касатушка!- кричит кузнец,- скажи на милость... Танцовщицы такой мне зреть не приходилось... За дерзость такову меня прошу не тронь, ищу я мной обиженный огонь!... Узнать хочу где он теперь живет! Без этого огня погибнет мой народ!...

Сверкнула Молния и громогласно отвечала, во всей красе пред кузнецом предстала:

- Я видела его сегодня рано! Он у отца в гостях..., у грозного Вулкана!

- А как дворец Вулкана мне найти?!!

- За этой тучей по следам дождя идти!!!...

Осенил себя Мирон кузнец крестным знамением и пошёл за тучей чумазой с огромным нетерпением... Долго, коротко ли шёл, про то не знает никто... Какими дорогами, тропками, отрогами - однако пришёл кузнец к царю Вулкану в гости... Жар, копоть, дым, а всё ж таки милости просим! Стоит кузнец от страха ни живой ни мёртвый, от пекла такого красная морда, борода в саже, неудобно даже... Одних только огоньков, огней и огнищ, на пальцах не счесть, мильён тыщ... Увидел гостя царь Вулкан и грозно так спрашивает:

- Чего это ты железная рука, седая борода, да у меня в царстве делаешь?! По что меня беспокоишь?!

Собрал Мирон всю свою смелость в кулак, да и говорит во весь голос... Так, мол, и так!... Ищу, мол, обиженный мною огонь, что, мол, он у тебя здесь проживает, а без него народ погибает.

А как выскочил тут к кузнецу огонь, яркий, юркий... Да как схватил его за усы -бороду и давай Мирона трепать приговаривать:

- А по что меня вы обидели?! За что словом поганым бранили?!!!.. А я вас разве печами не согревал?!

- Согревал, батюшка-господин!

- А я вам супы-каши не варевал?!

- Варил, косатик, добрый молодец!!!

- А разве в горницах в темени не светил?!

- Ой, светил, ясный соколик!!!

- А разве я вам рыбу да мясо не коптил?!!!
 - Коптил, золотил!!!
 - Разве ж я руду рыжу в слиточки не сливал?
 - Ой, сливал-заливал!!!
 - А разве я с тобой, Мирон, железо не ковал?!!
 - Ой, ковал, формовал, выгибал!!! Ты прости нас, Огонёчек - дружок... По глупости -то своей с тобой мы рассорились... А что уж скушал ты Смоляной околоток за Козьей речкой, так то ж Ванятка Крапивкин виноват. Энто он заслонку в печи с раницы не затворил... А уж мы тебя молодца-удальца ждём не дождёмся. Дровишек тебе сухоньких напилили, накололи, бересты берёзовой надрали, щепы нарезали, торфу заготовили, уголька навозили... Только ты уж дружок сердешный вернись!... Кушай в сласть, урчи, дыми, копти, вари... Словом за дело берись!!! А уж мы тебе окажем уважение, будешь ты у нас на особом положении!...

Услыхалэти слова Огонёчек-дружок, почесал ядрёный животик, на столе у Вулкана не густо, а у Мирона в кузне уголёчек больно вкусный, дубовы дровишки, да еловы шишки!

Забыл обиду Огонь и вернулся с кузнецом Мироном домой. С той поры люди в тех местах Огонь уж очень уважают, почитают, берегут, угощают!!!

А ежели где кто по скудному уму своему вдруг не окажет Огню-батъкеуважения или почёта, там враз у пожарной команды появляется работа...

Два брата

Жили на свете два брата-близнеца, славных молодца... А похожи они как две капли водицы, как нос твой да в серебряном плоском блюде на доньшке отразится, как литерка «Веди» парюю из под одного пера вышедши, одной рученькой выведена. Такие вот братья... У обоих-то силушки, как ежели даже на половиночку-то разделить и то ведь в аккурат на целый свет хватит. Сыновья они Молнии-ягозы, да свирепого седого Вулкана-батюшки. Оба красны ликом, сильны телом, светлы взором, да горячи норовом. Два брата Огонёчка-дружочка... Вроде одинаковы они, да не очень... Братец первый всё норовит укусить да лизнуть кого, прожорливый да жадный, всё делает с лихим умыслом. То из печи норовит в солому юркнуть, то из костра в муравейник заберётся и бежать по полям да деревьям, а то и просто по бесшабашности и лютости характера своего возьмёт да и сожжёт сараяшку или дом, деревеньку, а то и целый город разом. А то ещё подрядился бесенёнок пушкам да бомбам, мушкетам да пиццалам фитили поджигать...

Брат другой был умом побогаче да характером поупорнее. Он смотрел за собою, ел в меру, согревал да пособлял людишкам дело то делать. По-первое, кухарить любил; ущицу сварить, да сальца поджарить, свеклу запарить, да мяска запечь... По второму, дюже нравилось ему из руды рыжей да металлы плавить, а из металлов тех всякую утварь да вещицы разныя ладить лепить. Всё изловчился делать; от иглы для швей-мастерицы, до колокола огромного, что на срубе высоком церковном во всё княжество вещает благовестом святым.

Не любили и боялись люди брата первого, уважали да почитали брата второго... Проклинали они брата первого, да боролись с ним всеми силами: водами речными, брызгами ручейными, струями ключевыми, влагами колодезными, песками золотыми, землями черными, бранными словами да смелыми делами. Уважали они брата второго, угощали его аки гостя дорогого; дубом-богатырём да клёном-кобзарём, берёзкой-княжной да толстухой ольхой, торфом болотным да углём дородным. «Кушай, батюшка, кормилец- работничек...! Не тебе ли сказывать спасибо?!... за тепло в хатке да за горячие оладки, за прозрачную чарочку да за смачную шкварочку, за брюкву варёную да рыбку копчёную...»

А как братья-то встретятся, как радоваться-то давай, зачнут плясать-танцевать, по щепкам да поленам трещать... Тут уж и веселье и опаска..., на том кончается наша сказка!!! А ужо какой из братьев к вам в гости-то придёт, это от вас, господари мои, зависит... Как гостя встретите, как уважите, как смотреть да ухаживать за гостем будете, как угостите дружочка. Однако ж все равно наготове с водицей держите бочку.. Потому как братья-то наши на рожи-то схожи, а кто из них кто -мы и сами не ведаем тоже! Знаем только, что с одним из них надо очень уж осторожно... Знать надо, господари вы мои, чего нельзя, а чего можно!!!... Завсегда знать!!!

Как Кикиморка огонёчек нашла

или почему все кикиморки не топят печей даже зимой

Шла как-то в буден день рыжая Кикиморка из гостей, с Гнилого болота к себе на Поганую топь, глядит, а на тропочке-дороженьке Огонёчек-уголёчек лежит. Маханькай такой, лежит и жалостливо так пищит, словно комаришко- лесной житель. Ежели по правде, то Кикиморка сперва-то подумала, что это болотна ягода клюковка-кислявица, а клюкву-то кикиморки страсть как любят...А Огонёчек-уголёчек ещё жалостливее запищал:

- Помоги ты мне, Кикиморка... Я здесь в болотянке, да на ветру сгину, пропадом пропаду!

Пожалела Кикиморка Огонёчек-уголёчек, взяла его да и в норку-коморку свою принесла. Усадила его посреди стола на серебряном блюде с голубою-бирюзовой каймою. А гость Огонёчек-уголёчек вроде как повеселел даже, и тихо так просит хозяйошку попотчевать его с дороженьки, чем одарил Боженька. Поставила Кикиморка перед ним рядком кувшин-гладышку с парным молоком, ягодку малинку полную карзинку, чернику-черноглазку, гречневу кашку, клюкву-здравницу каждому к лицу, да лоханку мёду дикого роду, ядрёных груздей-грибков, да сушёных рыжиков да сморчков.

- Я этого не ем...!- вдруг загорелся Огонёчек-уголёчек,- Мне бы чего другого...

Поставила тогда хозяйошка-стряпуха болотная на стол дубовый перед гостем кренделей сушёных, яблочек мочёных, рыбки вяленой, репки пареной, капустного салату со сметанкою и с мятой.

- Не ем я этого!!! -ещё пуще загорелся, зашипел гостюшко.

Принесла тогда Кикиморка из кладовочки корешков сладких, семечек гладких, пшеничных зёрен что собрала в поле, смолы сливовой, да коры дубовой.

- Кушай, гость дорогой, с чистой душой!!!

Насупился Огонёчек-уголёчек однако ж тоненькую свою рученьку к коре дубовой потянул., и давай её кушать, и давай её глотать. Знай, себе уминает и бурчит, и урчит, искорками играет...

А Кикиморка стоит смотрит не нарадуется, угодила-таки дорогому гостю. А Огонёчек-уголёчек вроде как вырос, стал ярче и даже как-то ещё веселее.

-Ещё, - говорит, - мне коры давай! Да посуше, да побольше!

Обрадовалась Кикиморка и в кладовую бегом, принесла коры дубовой целую охапку, подала гостю, и сама села за стол на табурет-триножку и любитесь на гостя дорогого, это значит, с каким аппетитом он кору уминает-кушает.

Огонёчек-уголёчек вроде как ещё вырос, стал выше и шире, загудел, затрещал, языком облизывается, по сторонам глазками так и сверкает:

-Ещё давай коры, хозяйка!

- Так ведь нету боле, всё ты, голубчик, скушал, гостюшко! – растерялась рыженькая Кикиморка,- А друтого чего вкусного, ты, мил дружок, не хочешь!.. Я и не знаю чем тебя подчевать!

- А ты дай мне табуреточку-триножку, а сама постой на своих ножках!!!

- Да разве вкусна она табуретка-то?!

- Ой, вкусна, матушка, ой, вкусна, хозяйюшка..!

Давно я такого деревца не едал, давно такого сухонького не лизал!..

Отдала Кикиморка Огонёчку-уголёчку табурет-триножку.

А гость пущепрежнего разошёлся, кричит:

- Подавай-ка мне, хозяйюшка, на второе, стол дубовый, резной, с точёными ножками, да буфетик, что в углу у тебя створками скрипит, да кроватьку что за занавесочкой стоит. Давно я такого деревца не едал, давно такого сухонького не лизал...

Смекнула тут Кикиморка что за гость в её дом попал, поняла что это сам Огонь-пламень прикинулся Огоньком-угольком. Вот и говорит она тогда:

-Ой, ты гостюшко дорогой, ой, ты, гостюшко званный-желанный... А зачем тебе стол резной дубовый кушать, а зачем тебе буфет без конфет лизать, а зачем тебе кроватька, крива да шатка?!... Есть у меня для тебя угощеньице – в десять пудов деревце... Вот я сейчас в сени-то пойду, да бревно это тебе найду!!! А ты пока отдышись, отдохни, барюшка, а уж я тебе угожу, а уж я тебя угощу!!!

Вышла Кикиморка в сени, да из сеней во двор, да со двора за забор. Да за забором соседа её комора, дядьки Лешего пешего хата,.. что для любого человека низковата. Вышел тут сосед, ни чёрен, вроде, ни сед, бородалопата зелена как болотная ряска, а в глазах нито злоба . ни то ласка. Тут Кикиморка Лешему, не хромому, не седому , но пешему, возьми и пожалуйся на гостюшку-то своего.

Усмехнулся старый Леший, обернулся, да молвит Кикиморке хитро словцо, трёт бороду о крыльцо.

- Ты гостюшку к себе пригласила?

- Пригласила.

- Ты гостюшку к себе приносила?

- Приносила.
- Ты гостюшку своего за стол усадила?
- Усадила.
- Ты гостюшку своего обхаживала?
- Обхаживала.
- Ты гостюшке своему доброе слово сказывала?
- Сказывала.
- Ты гостюшку своего кормила?
- Кормила.

- Отчего ж ты его сладкою студёною водою живою не поила? Напой ты его до отвала, досыта. А не то быть тебе, соседушка, убитой. И хозяйство своё разоришь. Как пить дать, в огне-пламени сгоришь.

Поклонилась Кикиморка соседу, да бежать горе-беду предупредить. Со двора-то соседского за забор, по грядкам да к себе во двор. Забежала в сени и без всякой лени, взяла студёной водицы кадушку, приоткрыла дверь в хату и наострила ушки.

А гость-то совсем утерял терпение, рычит, трещит, требует сухих поленьев.

Заходит тут Кикиморка в дом, с большойкадушкой аки с бревном. Молвит ласковые слова, а сама глядит как бы водицы не пролила:

- Я, гостюшко, тебя пригласила?
- Пригласила.
- Я, гостюшко, тебя приносила?
- Приносила.
- Я, гостюшко, тебя за стол усадила?
- Усадила.
- Не я ли, гостюшко, тебя обхаживала?
- Обхаживала.
- Не я ли тебя, Огонёчек- уголёчек, доброе слово ска-

зывала?

- Ну, сказывала.

- Не я ли тебя кормила?

- Ну, кормила...

- Отчего же, скажи тогда, я тебя сладкою водою студёной не поила?!

Подняла тут Кикиморка кадушку и давай поливать Огню-пламени макушку.

Зашипел Огонь-пламень, затих и угас...

И на этом и мы закончим свой рассказ.

А кикиморки все с той поры не топят печей и в лесу тушат костры.

Амбар

Философская сказка

Действующие лица:

Сторож - тучный, седой, высокий, крепкий мужик преклонных лет, с широким лицом и огромными ладонями. Он в просторной льняной рубахе до пят.

Красный чёртик - маленький, лохматый, с рожками и хвостом.

Парень в белом.

Мельник - очень худой старик. В черном бархатном костюме и белых перчатках. В его облике есть нечто страшное, но, впрочем, его лицо не лишено привлекательности.

Внутренняя часть большого бревенчатого амбара без крыши. Сверху падает теплый свет. Слева вход без двери. Над ним мраморная табличка, на ней золотом: «№ 4168». Пол покрыт белым пушистым ковром с высоким ворсом, на котором хлопьями лежит пух. По всему амбару беспорядочно, как кажется на первый взгляд, стоят открытые мешки с зерном. Мешки стоят не только на полу, но и на белых пушистых подушках разной величины, по форме напоминающих облака. На всех мешках латки. На двух-трех мешках дыры, из которых, когда в мешках движение, сыплется зерно. В центре, на первом плане, черным пятном угли от костра. Над ними висит котелок, полный воды. Справа в куче белых пушистых подушек, весь в пуху, спит Сторож. В амбар беззвучно входит Красный Чертик, несет в ладонях пылающие угли. Бросает угли под котелок, дует на них. Костер разгорается. Чертик на цыпочках

подходит к одному из дырявых мешков. Просовывает руку в дыру, берет жменю зерен.

Сторож. *(не открывая глаз)* Положи на место.

Чертик. *(бросает зерно в мешок)* Костер я раздул. Счастливо оставаться. *(Хочет уйти.)*

Сторож поворачивается на другой бок.

Сторож. Стоять! *(Чертик замер)* Антонио Збраджа.

Чертик. Я все вернул. *(Собирает с пола упавшие зерна, сыплет в мешок.)*

Сторож. *(открывает один глаз)* Год рождения – 1957-й.

Чертик. Где? *(Скачет на месте.)* Я все вернул!

Сторож. День рождения – 24 января. *(Открывает второй глаз.)*

Чертик. *(Машет руками, будто плывет кролем.)* У меня нет ничего!

Сторож. *(Садится, отмахивается от пуха.)* Место рождения – городок Империя.

Чертик. *(Падает на спину, дрыгает ногами.)* Где?

Сторож. *(медленно встает)* Все сам! Везде сам! *(Чертику)* Куда лезешь свиным рылом?!

Чертик. *(Вскакивает на ноги, отряхивается как собака, которая вышла из речки.)* Я не брал!

Сторож. Новенький?

Чертик. Новенький.

Сторож. Ну-ка, подь сюда. *(Чертик подходит. Сторож измеряет его взглядом.)* Чего ж ты такой лохматый? мех, между прочим, нужно чистить и расчесывать.

Чертик. Мне зачем? *(Закрывает глаза от страха.)*
Я не брал!

Сторож. Чтоб я тебе так верил.

Чертик. *(Еще больше зажмурился.)* Я больше не буду.

Сторож. Пузо выставь. *(Чертик выставляет вперед живот. Сторож двумя пальцами достает из шерсти на животе Чёртика зернышко.)* Национальность – итальянец. *(Сильно бьет Чертика кулаком в живот.)* Свободен. *(Идет к мешкам.)*

И скажи, чтобы тебя больше не присылали ко мне. *(Бросает зернышко в мешок. Чертик тем временем уплзает вон.)* Надобно латку нашить. *(Сторож идет к своей постели, ложится, зарывается в пух.)*

Пауза. В мешках происходит какое-то движение, слышен шепот, бока мешков то и дело меняют форму. Из мешков с дырами сыплется зерно. Входит Парень в белом. Шум в мешках затихает. Вошедший несет перед собой большой, полный свежего зерна, медный таз.

Парень. *(Громко.)* Все храпишь?!

Сторож. *(Не открывая глаз.)* Тише говори.

Парень. *(Так же громко.)* Я зерно принес.

Сторож. Сам принес, сам и сортируй.

Парень. *(Берет из таза зерна, рассовывает по мешкам. Таким образом, он в каждый мешок насыпает по горсти, а куда и две, куда и три. В некоторые мешки он бросает пол жмени, а куда и четверть.)* Так и лежишь целый день бревном. Встряхнись, помоги зерно разложить! *(Молчание.)* Увалень. Удивляюсь твоему спокойствию... Ты посмотри вокруг, что творится!..

Страсти какие!.. Взлеты, падения, трагедии, войны, стихийные бедствия!.. А он лежит себе камнем на облаке. Сколько лет тебя знаю!.. Все вокруг меняется, а ты – нет! Слово-то урони!!!.. *(Молчание.)* А вот я не буду зерно по мешкам фасовать!.. Что тогда? *(Молчание.)* На пол вот сейчас высыплю!.. *(Пауза.)* Так ведь завтра приду, так оно на полу и будет горкой!..

Сторож. А что ему делается? Авось не пропадет.

Парень. Железное у тебя сердце.

Сторож. Список принес?

Парень. Вот. *(Подает свиток Сторожу.)*

Сторож. А я уж думал – забыл снова. *(Не открывая глаз, берет свиток.)*

Парень. Это когда было-то... Это 172 года назад было... А ты все поминаешь...

Сторож. Так ведь было, вот и поминаю.

Парень. Не человек ты, язва!

Сторож. Торопишься ты слишком, страстями живешь. А это в нашем деле никак нельзя. Оттого и ходишь до сих пор с медным тазом.

Парень. Я к доброму стремлюсь большими шагами.

Сторож. К доброте идут тихой поступью, а не бегут борзой собакой.

Парень. У всякого свое понятие.

Сторож. Погодь, не сыпь. Эту жменю надо туда, в тот мешок. *(Не открывая глаз, указывает.)*

Парень. *(Смотрит на мешки)* А, да, точно. *(Сылет.)*

Сторож. Торопишься, потому и внимания не имеешь. *(Повернулся на другой бок.)*

Парень. *(Мечтательно.)* Эх, мне б твою память, мне б твои таланты... Я бы у-у-у-у... *(Смотрит вверх.)* Я бы... здесь не лежал. Я бы у-у-у-у...

Сторож. Зерно раскидал?

Парень. *(Быстро разбрасывает зерно по мешкам.)*
Да, все.

Сторож. *(Поворачивается на другой бок.)* Тогда бывай.

Парень. Пока. *(Уходит.)*

Сторож. *(Открывает один глаз, достает луну. Разворачивает свиток, быстро читает. Такое ощущение, что он просто просматривает свиток, который оказывается очень длинным, в рост человека. Где-то в середине списка останавливается...)* Лон... Лон... Английский... Лонгсмит *(longsmith)* Тьфу... еле прочел. *(Дочитал список.)* Итого за сегодняшний день... *(Свистит.)* Урожайный денек. *(Закрывает глаз, прячет луну. Бросает свиток в костер. Зарывается в пух.)*

Пауза.

В мешках движение и шепот. Один из мешков падает, поднимая пух. Мешок разорвался, зерно сыплется на пол.

Сторож. Ничто не вечно. *(Открывает глаза.)* Сколько времени прошу привезти мне новые мешки. Теперь вот... *(Достает катушку ниток, вдвигает нитку в иглу. Встает. Поднимает упавший мешок, пытается зашить. Но мешок расходится.)* Я и шить-то толком не умею. Так... разве что латку присобачить... *(Прекращает шить, ставит мешок на прежнее место, собирает зерно ладонями, сыплет в соседний мешок.)* Вот и хорошо. *(Ложится на подушки, засыпает.)*

Пауза. Движение и шепот в мешках. Вдруг все стихает. Входит Мельникс небольшим черным бархатным мешком под мышкой. Кашляет.

Сторож. Пришел?

Мельник. Давай зерно. *(Собирает единичные зерна на полу.)*

Сторож. Много надо-то?

Мельник. Вчера больше было. *(Бросает свиток Сторожу.)*

Сторож. *(Достает лупу, открывает один глаз, быстро читает. Прочел.)* Нормально. *(Закрывает глаз, ложится в пух.)* Сыпь! *(Бросает свиток в костер.)*

Мельник берет из каждого мешка зерно совком, сыплет в свой мешок. Из каждого мешка он берет по-разному. Из одного мешка он высыпает четверть содержимого.

Сторож. *(Открывает один глаз.)* Куда гребешь?!

Мельник. Пандемия в Китае.

Сторож. А! *(Закрывает глаз.)*

Мельник. *(Подходит к костру, бросает из своего мешка в котелок четыре жмени зерен.)* Это тебе.

Сторож. Что... так грешны?!

Мельник. Ой, грешны! *(Хочет уйти.)*

Сторож. *(Встает, размешивает ложкой содержимое котелка.)* Соли не будет?

Мельник. Я мельник, а не повар. *(Идет к выходу.)*

Сторож острым концом ложки пробивает дырку в мешке Мельника.

Сторож. *(Смотрит вследходящему.)* Пусть зерна падают на Землю и прорастают! *(Смотрит в котелок, мешает кашу, достает из кармана кисет с солью, со-*

лит.) Грехи наши тяжкие. (Ложится в пух. Смотрит на котелок.) Вздремну пока. (Большая пауза. Переваливается с бока на бок. Ерзает. Садится, трясет головой. Из левого уха выпадает зернышко. Сторож поднимает это зерно.) Зеньков Сергей Николаевич. Год рождения – 1969-й. День рождения – 19 марта. Место рождения... (достаёт лупу, смотрит на зерно) город Гомель. (Уронил зерно, которое падает ему за ворот. Сторож шарит рукой под рубашкой. Машет рукой.) Ай, ладно. Потом найду... (Ложится, зарывается в пух. Тихо.) Национальность – белорус. (Засыпает.)

В котелке булькает каша.

ЗАНАВЕС

Эллен Риз

Мудрость предков

Тихо в Ямальской тундре зимой. Первые зимние морозы приходят задолго до наступления календарной зимы. Земля и растения быстро сковываются морозом. Так быстро, что большая часть растений остаются стоять с замёрзшими листьями и со зрелыми плодами. Маленький оленёнок Авка любил есть ягель. Ягеля много в тундре. Один олень съедает до десяти килограммов за день. Зимой ягель находится глубоко под снегом, иногда на глубине одного метра, и в таком случае даже взрослому оленю тяжело добыть его. Но Авка – ручной олень, он рано остался без матери. Люди привели его в чум, привязали, напоили молоком, дали имя, и за ним стали ухаживать все обитатели чума. Скоро Авка вырастет, разовьёт силу и выносливость, но навсегда сохранит привязанность к своим хозяевам.

Тундра уже скрылась под снегом. Полярный день сменился круглосуточной полярной ночью. Авка любил снежную тундру, здесь всё было открыто и естественно. Бескрайние просторы давали особые внутренние ощущения – спокойствия, уверенности и свободы. И, если в первые месяцы жизни тундра казалась Авке незнакомой и чужой, то позже все места, все ложбинки и холмы стали узнаваемыми, родными, и Авка стал уходить от чума всё дальше и дальше, не боясь заблудиться. Но однажды, возвращаясь с небольшой утренней прогулки, Авка неожиданно быстро оказался в молочно-белой туманной пелене. Туман в тундре бывал часто, но в этот раз он был особенно плотным и

густым. Оленёнку стало страшно, ведь когда не видно горизонта и солнца, пропадает чувство ориентации. Правильнее было бы переждать пару часов, тогда туман постепенно бы рассеялся, но Авка боялся надолго остаться без людей и тёплого чума. Маленький оленёнок опустил на землю и заплакал от бессилия и страха. Тихину туманной пелены разрезал рёв оленя. Это был взрослый сильный ездовой олень, который бежал к Авке на помощь. Позже Авка узнал, что это - его дедушка, отец его погибшей матери. Теперь Авка понимал, что у него есть близкий друг и помощник.

У Авки и дедушки появилось любимое место для созерцания окружающей природы. Это был дальний холм, откуда открывался вид на ледовые просторы Обской губы - с одной стороны, и тундровые просторы - с другой. Стоя на вершине холма, Авка вдыхал полной грудью чистый воздух свободы и гармонии с природой, наблюдал неспешную жизнь тундровых обитателей и слушал, как дедушка рассказывал ему о людях, собаках, оленях - рассказывал всё то, что знал сам, учил тому, что видел.

Вот и сейчас дедушка рассказывал Авке, что стойбище людей-ненцев - состоит из одного или нескольких чумов. При каждой перекочёвке чум разбирают и собирают вновь на новом месте. Устройство чума довольно простое - несколько длинных шестов расставляют по кругу и связывают вместе в верхней части, образуя подобие конуса. Летом чум укрывают брезентом, зимой - шкурами. Внутри чума по центру расположена маленькая железная печка с выведенной наружу через вершину чума трубой-дымоходом. Печка обогревает жилище, на ней же готовят пищу.

- Дедушка, я знаю про чум! – нетерпеливо перебил дедушку Авка. - В чуме территория разделена на две половины: справа от очага – мужская, слева – женская и детская. Маленьких детей нередко привязывают веревкой к шесту чума, чтобы не убежали далеко и не потерялись. И меня сначала тоже привязывали! Дедушка, расскажи, что там, далеко-далеко за чумом!

- Молодец, Авка, много знаешь! – похвалил дедушка своего нетерпеливого, очень любопытного внука и неспешно продолжил. - Возле чума стоят сани с ненужными сезонными пожитками, палочные стойки для сушки одежды и рыболовных сетей. Неподаляку от чума стоит современная техника – бензиновый генератор и снегоход.

- Да, я однажды очень испугался громкого рычания снегохода... - смущённо пробормотал Авка.

- Ничего страшного, - приободрил его дедушка. – Ты еще вертолёт не видел! В тундру регулярно прилетает вертолёт и забирает детей в поселковые интернаты на учебу. Детям ненцев обеспечено бесплатное образование, проживание и питание в интернатах. С родной семьёй дети встречаются лишь изредка, в каникулы. Дети ненцев проходят перед учёбой этап подготовки к жизни в условиях цивилизации – обучаются элементарным вещам, например, как правильно пользоваться зубной щёткой. Однако, довольно быстро дети осваивают всё новые и непривычные для них предметы. По окончании школы многие выпускники поступают в учебные заведения и остаются жить в цивилизации. Лишь единицы возвращаются в тундру, чтобы продолжать дело своих предков – пасти оленей, промышлять охотой и рыбалкой.

- Дедушка, но ведь Эдейко – сын хозяина - вернулся!

- Да, Авка. Эдейко получил профессию «оленовод» и сейчас работает в родовом стаде. Вон он, стоит недалеко от нас. Его легко узнать, потому что на Эдейко надета очень удобная и тёплая меховая ненецкая одежда. При пошиве меховой одежды ненцы используют олени шкуры. Мы, северные олени, превосходно приспособлены к зимним условиям обитания в тундре. Наш зимний мех длинный, плотный и тёплый. Полье волоски, из которых состоит наш зимний мех, создают отличный теплоизоляционный слой.

- Дедушка, я видел, как долгими зимними вечерами хозяйка чума шьёт одежду себе и всей своей семье! – опять не выдержал Авка и даже вскочил на ножки от волнения, что опять перебил дедушку.

- Мужская и женская одежда, как правило, сшита по одному фасону, но различается между собой, - полукрыв глаза, спокойно продолжал дедушка. - Традиционной мужской одеждой является малица с капюшоном – это просторная длинная рубаха, сшитая из оленьих шкур мехом внутрь. Пришитый к рубахе капюшон с меховой опушкой заменяет ненцу шапку. К рукавам малицы пришиваются рукавицы из оленьих шкурок мехом наружу. Малица украшается декоративными полосками сукна и меха. Чтобы малица меньше загрязнялась, поверх неё ненцы надевают маличную рубаху из плотной ткани. Женская верхняя одежда – ягушка – отличается от мужской разрезом спереди и более нарядным декоративным орнаментом. К рукавам ягушки также пришиваются меховые рукавицы с отверстиями для вынимания рук. Особое внимание ненцы уделяют изготовлению меховой обуви. Для неё

используют тщательно выделанные шкурки с ног оленя – камус, с более прочным и износостойким мехом.

- Дедушка! Ты много интересного рассказал мне, многому научил. Спасибо! Но когда ты расскажешь мне про то, что ты видел в дальних поездках: про Карское море, посёлки, фактории, - ведь мне всё интересно, а я пока нигде не бывал?

- Ты ещё мал, Авка. Но пройдёт время, дни станут длиннее и теплее, и ты станешь взрослым и сильным оленем. Хозяин запряжёт тебя вместе со мной в упряжку, и мы повезём его в ближайший посёлок. Там ты сам всё увидишь.

Авка улёгся около дедушки и задумчиво спросил:

- А как же там, в поселке, мне себя вести? Ведь я же ничего не знаю про дальние места?

- Я буду рядом, Авка. Буду направлять тебя и подсказывать!

Голос дедушки звучал сильно и уверенно. Маленький оленёнок закрыл глаза и задремал. Ему снилась первая поездка в качестве ездового оленя. Авке не хотелось покидать родную тундру, но и не терпелось увидеть такой далёкий интересный и неизведанный мир. Авку и дедушку хозяин запряг в лёгкую нарту вместе с двумя сильными оленями и сел в неё. Хозяин поднял специальный длинный шест – хорей – и задел им оленей слева. Олени поняли условный знак и побежали. Авка гордо и смело бежал рядом с дедушкой и чувствовал силу и мудрость предков! Быстро разгоняя легкую нарту, олени устремились в небо...

Анна Чернова

Две Снегурочки

Декабрь уж на дворе. Скоро Новый год. В воздухе чувствуется магия волшебства и исполнения желаний.

Дед Мороз, как всегда, в своей резиденции. Письма от детишек стали приходить примерно за месяц до праздника. Он с трепетом разглядывал их, с удивлением думая, что дети все еще помнят о нем и верят в чудо. Так приятно и радостно на душе! Скоро Снегурочка должна приехать, его надежная помощница.

- Здравствуй, Дед, - услышал он голос.

- О, внученька моя хорошая, ты приехала, я ждал тебя. Смотри, сколько писем пришло.

- Да уж. Запросы у детей, - пробурчала Снегурочка, разглядывая письма детей.

- Да что ты, внученька, это ж дети! Они верят в чудо. Поэтому и просят то, что более всего желают! - радостно ответил Дед Мороз.

- Ну ничего, пора с этим заканчивать, - чуть слышно прошептала она.

Вдруг дверь отворилась, и на пороге появилась Снегурочка, ещё одна.

- Здравствуй, бабушка... А это кто? - удивлённо спросила вторая Снегурочка.

Дед Мороз потерял дар речи, смотрит на обеих с выпученными глазами. Две Снегурочки - две внучки. Как такое возможно?

- Что происходит? У меня вроде бы одна внучка... - растерянно произнес Дед.

- Вот и я хотела бы узнать, кто это такая? Что она здесь делает? - раздраженно сказала первая Снегурочка.

- Дедушка, это я, внучка твоя. А эту девочку я вижу впервые, - обижено произнесла вторая Снегурочка.

- Ещё чего? Самозванка! Я настоящая внучка деда! А ты иди прочь отсюда!

- Как же так? Я добиралась столько дней. Дедушка, неужели ты меня не узнаешь? - чуть не плача спросила вторая Снегурочка.

Дед Мороз посмотрел на обеих - они как две капли воды похожи друг на друга. Как же понять, кто настоящая.

Первая Снегурочка нарушила тишину:

- А давай устроим проверку. Кто докажет, что настоящая, та и останется с тобой.

- Хорошо. Но как я проверю это? - спросил Дед.

- Очень просто! - вскрикнула первая Снегурочка. - Мы создадим свои странички в социальных сетях. А дети и их родители выберут, кого они считают настоящей. Дед, тебе профиль тоже откроем, чтобы ты мог контролировать, как проходит голосование.

- Что ж, давайте попробуем.

Первая Снегурочка быстро создала профили, сделала фото: свое, Деда Мороза и второй Снегурочки. Загрузила их на аватарки, показала Деду, как пользоваться приложением на телефоне.

- А ты сама разберешься - не маленькая, - раздраженно сказала первая Снегурочка второй.

И засели наши герои в социальных сетях. День сидят, два сидят. На третий день Дед Мороз не выдержал:

- У меня уже глаза болят! Я жду подписчиков, а они все не приходят.

- Дед, так нужно сторис выкладывать, лайкать, комментарии оставлять, - непринужденно ответила первая Снегурочка.

Вторая Снегурочка молча тычет пальчиком на экране смартфона.

- Ладно. Притомилась я тут у вас. Пойду прогуляюсь по лесу. Бывайте! - хлопнула дверью первая Снегурочка.

Дедушка Мороз и вторая Снегурочка переглянулись и снова уткнулись в свои телефоны.

А тем временем первая Снегурочка целенаправленно шла через лес к избушке Бабы Яги. Подошла и кричит:

- А ну, изба, к лесу задом, а ко мне передом!

Избушка встрепенулась, покряхтела, поскрипела и еле-еле передвигая своими куриными ногами, развернулась к Снегурочке.

- Это кто тут меня решил потревожить? В печи зажарю, съем и косточек не оставлю!.. А, это ты? Че надо? Вспомнила про родственницу? Что на этот раз? Если ступа нужна - напрасно шла, сломалась она, уж три года как не летает.

- Нет. Я по другому поводу. Поколдовать немного надо. Ты ж меня не научила, вот и приходится к тебе бегать.

- А просто так родственницу навестить никак?

- Некогда мне! Дел невпроворот! Если тебе надо, сама приходи.

- Так ступа сломалась, а сама я не доковыляю. Ведь просила твою мать в ремонт отдать, а она тоже занятая! Все по салонам и конкурсам красоты бегает.

- Ну бабка, ты даёшь, она ещё молодая. Ей всего-то сто двадцать лет.

- Че те там надо наколдовать. ПрЫнца что ли?

- Да кому нужны эти принцы - мне подписчики нужны, и чем больше, тем лучше!

- Так для этого магия не нужна. Позови этих, как их там, блогеров.

- Так, бабуля, хватит рассуждать! Доставай свое магическое стекло.

Баба Яга поковыляла к большому сундуку.

- Давненько я его не доставала, батарейка уж, наверное, разрядилась, - пробурчала она.

- Ой, проблема! Возьми аккумулятор!

Яга открыла сундук:

- Ох, ти - ядрены копти, тут леший ногу сломит!

- Молчи лучше! А то сейчас ещё и этот припрется. В прошлый раз еле выгнали, наглый какой, пока все плюшки не съел, не ушёл. Кстати, бабуль, что там у тебя сегодня на ужин?

- Мышинные хвосты! Хочешь?

- Нет. Я уже отвыкла от таких деликатесов. А что-нибудь попроще есть?

- Могу предложить пюре из тараканов.

- Фу, лучше бы я тебя не спрашивала. Так и придётся сегодня сникерсами питаться, которые у двух малявок отняла.

Баба Яга ковырялась в своем сундуке, доставала вещи, рассматривала и кидала в угол избы. Сундук большой, и что-то откопать в нем - это целая история.

- О, вот оно, на самом дне! - Яга потянулась, перевесилась через край сундука и свалилась в него. - Ооой, ооох! Помогите!

- Вот старая развалина, - прошипела Снегурочка, подошла к сундуку, вытащила бабуку за ноги и сама достала круглое стекло.

Снегурочка взяла волшебную вещицу и с волнением пропела:

- Мое счастье в моих руках!

- Какое счастье? Что ты хочешь? - обиженно сказала Яга, потирая помятые бока.

- Ну, иди уже скорее, старая. Давай колдуй! Нет у меня времени вести с тобой беседы. Делай, как говорю, и все!

Яга, еле передвигая ногами, подошла к столу, села на свой любимый скрипучий стул. Взяла волшебное стекло, плюнула на него, вытерла рукавом и присмотрелась. Увидела в стекле отражение, поморщилась и поправила пряди волос, которые выбились из-под цветастого платка, скрывающего седину. Подмигнула изображению и расплылась в улыбке, показывая два зуба.

- Ну что ты там? Кого увидела? - раздраженно произнесла Снегурочка.

- А ты глянь!

Снегурочка подошла и увидела в стекле красивую молодую женщину в такой же платке, как у Яги. Посмотрела на бабку, снова на изображение.

- Не может быть!

- Почему же?

- Я думала, ты всегда страшная была? А тут, оказывается, такая красота! Что же с тобой жизнь сделала?

- Вот будет тебе триста пятьдесят, как мне... Хочешь покажу?

Яга повернула стекло в сторону Снегурочки, и та увидела свое отражение, которое менялось на глазах - перед ней беззубая старуха с тремя волосинами на голове.

- Убери это! - взбесилась Снегурочка. - Не бывать этому! Я всегда буду молодой и красивой! А ты мне

в этом поможешь, но позже. Сейчас я за другим пришла. Мне нужно привлечь в мой аккаунт как можно больше подписчиков со всего света. Наколдуй!

- О, сейчас налетят, словно мухи на что-то ароматное! Ха-ха. Сейчас, погоди.

Бага Яга взяла с печи котелок, в котором что-то кипело и дымилось, мешочки с травами, баночки с сушеными тараканами, пауками и мышинными хвостами. Поставила котелок перед волшебным стеклом и начала читать заклинания, при этом подкидывая различные ингредиенты из мешочков и баночек.

- Верчу-кручу, всех запутать хочу. Подписчики всех стран собирайтесь: блогеры и хейтеры, геймеры и спамеры...

- Нееееет, зачем мне спам? Убирай!

- А это я так для рифмы.

- Я те щас дам, старая, для рифмы. Спам - это такое зло, похуже хейтеров будет.

- Неблагодарная...

-Смотри, нужно сделать так, чтобы они все на меня подписались, а хейтеров и троллей направь на аккаунт Снегурочки. Мне нужно успеть до Нового года занять её место. И там уж разгуляюсь! Я свои порядки заведу: на праздник все будут мне подарки дарить, а не этим капризным детям. МОИ желания будут исполняться. Вот я заживу тогда!

Баба Яга почитала ещё заклинания:

- Все готово! Они твои!

- Ты уверена?

- Да. Загляни в свой аккаунт.

- Ладно. Я по дороге посмотрю. Бывай.

Снегурочка выбежала из избушки, не попрощавшись с родственницей, а Яга стояла и смотрела ей вслед и вздыхала:

- Кого я воспитала? Вот неблагодарная.

Первая Снегурочка возвращалась в дом Деда Мороза счастливая, на ходу делая селфи и тут же публикуя в своем аккаунте.

Подойдя к дому, она прислушалась, что там происходит без нее. Заглянула в окно. Дед Мороз, как сидел в своем кресле с телефоном, так и сидит. А вторая Снегурочка подошла к нему, стоит, смотрит на него и плачет.

- Дедушка, я твоя настоящая внучка. Почему ты мне не веришь? Я не знаю, кто эти люди и почему они нападают на меня, оставляют такие комментарии.

Первая Снегурочка вошла в избу, громко хлопнув дверью.

- Ну что? Как дела? Вы видели? Сколько у меня подписчиков, и они голосуют за меня, это я настоящая, а вот ты самозванка! - крикнула первая Снегурочка, показывая на вторую.

Вторая Снегурочка схватила свою шубку и со слезами выбежала из избы. От обиды и отчаяния она не понимала, что все дальше уходит в лес.

В какой-то момент вторая Снегурочка очутилась возле избушки Бабы Яги. Она никогда не видела, но много слышала об этом.

Вдруг избушка закрипела и начала разворачиваться к ней. Снегурочка замерла от неожиданности.

Дверь избушки открылась и через порог шагнула Баба Яга.

- А, это ты? - совсем не удивившись, сказала Баба Яга.

- Здравствуйте, вы так говорите, как будто знали, что я приду.

- Не знала. Но и не удивлена.

- Почему?

- Да, знаю я, что моя внучка учудила. И я ей помогла. Но ты не переживай. Скоро магия закончится, и она получит сполна.

- Почему вы так говорите? Она же ваша внучка.

- Внучка... неблагодарная. Моя дочь оставила мне ее на воспитание, а сама занялась своей жизнью. Вот я избаловала ее. Думала, будет помощница. А она ничего не хочет. Даже колдовство ей неинтересно. Кому свой опыт мне передавать? Никому я не нужна. Приходит ко мне, когда ей что-то нужно. Ей плевать на меня, так же, как и дочери я не нужна.

- И вы решили ее проучить?

- Да. Теперь она получит свое сполна. Я наколдвала ей подписчиков, но не просто так. Теперь они начнут требовать от нее оплату. Вот придётся ей побегать. Иди сюда, покажу.

Баба Яга достала свое волшебное стекло.

- Смотри, вон, уже начинают ей сообщения с угрозами присылать. А я сейчас укажу адрес, где ее искать. Придется ей бежать отсюда подальше. И хорошо. Видеть ее больше не хочу! Противная девчонка!

- Но как же, вы совсем одна останетесь?

- Да.

- А колдовать и вредничать ещё будете?

- Нет. Времена не те. На мою хитрость попадаются одни и те же персонажи. И я уже наперед знаю, как они будут выкручиваться. Неинтересно.

- Бабушка, я знаю, что вы не всегда были такой вредной. Когда-то в молодости вы были красавицей. Вы помогали людям в момент их смерти переходить из этого мира в потусторонний. Но потом люди решили, что вы виновны в самом факте смерти человека. Стали вас бояться и нападать. Вы защищались. И так привыкли к этому, что не заметили, как непроизвольно стали делать только гадости людям.

- Откуда ты все это знаешь?

- В Интернете читала.

- О как? Там про меня пишут?

- Да. А что вас удивляет? Я придумала! А давайте, вы сами будете блогером! И будете рассказывать миру о своих талантах, делиться опытом. Будете учить, как лечить болезни, правильные травки заваривать. Сказки рассказывать. Вы же все это делали, пока люди вас не обижали.

- Кто ж меня слушать будет?

- Поверьте! Будут! Сейчас в тренде всякая нечисть! Ой, извините. Я не то хотела сказать. Разная там магия, колдовство - все это интересно не только взрослым, но и молодёжи.

- А что, хорошая идея! Засиделась я тут! Заработаю денег, новую избу построю - не в моде нынче куриные ноги.

- Только, бабушка, мне сначала нужно помочь Деду Морозу с подарками для ребятшек к Новому году. А потом я к тебе вернусь и помогу все организовать.

- Да. Конечно. Беги к Деду. Там моя внучка уже собирается удирать за границу, прятаться от блогеров. Так что никто вам не будет мешать.

- Спасибо, бабушка, я за вами на санях с Дедом Морозом приеду, и мы вместе встретим Новый год! До свидания!

Баба Яга смотрела ей вслед. На душе стало как-то легко. Она ещё может приносить кому-то пользу и нужна этому миру. Энергия жизни наполняла ее. Яга даже не заметила, как немного выпрямила спину. Лицо посветлело и помолодело лет на двести.

Игорь Юркевич

Векша

Было это очень давно. Но уже после манифеста царя о воле. Жил на Таврической улице недалеко от нас лесник Матвей Мороз. Хозяин был крепкий. Хозяйство большое вёл: две коровы, лошадь, овцы, птица домашняя. Работал лесником от завода. Жена управлялась по дому. В старые годы не принято было бабе где-то робить. Сиди дома, рожай детей, воспитывай. Трое детей подрастало у Матвея. Старшенький Александр, кличка Большак. Высокий, статный, косая сажень в плечах, кудрявый, улыбчивый, очень добрый и обходительный. Мухи не обидит. В свободное время уходил с ружьем в леса. А еще больше любил помогать отцу в его лесных работах.

Матвей Мороз в то время занимался посадкой сосны за лугами на берегу Камы. Сашка, его сын, был у Матвея первым помощником. Отстоит с утра смену на мартене, у огненной печи, и скорей к отцу в лес. Не одну тыщу деревьев посадил он вместе с отцом.

Однажды принес Александр из леса белку больную, всю израненную. Видно, куница или рысь её трепали, а задавить не смогли. Убегла векша от них.

И прозвали эту белку Векшей. К весне она поправилась, окрепла, раздобрела, привыкла к людям, особенно к Сашке и Алене. Зверь, а понимает, что о нем забота есть: и с рук охотно все ела. И по голове и плечам Сашки бегает, с ним играет. Подоспело время, и Сашка отнес зверюшку обратно в лес. В этот год только уже поздней осенью по снегу пошел Александр в сосновый бор с ружьишком. Долго ходил он по бору, устал, при-

сел на пенечек под сосной и задумался. И прилетает ему сосновая шишка в лоб. Оглянулся, вверх посмотрел. На ветке белка сидит и шишку луштит.

- Векша, Векша, - позвал Сашка белку и положил кусочек шанежки на ладонь.

Она спустилась и принялась за еду. Съела белка гостинец, потом отбежала прыжками на край поляны, сидит у елки и верещит. Звал, звал охотник Векшу – не идет. Дай посмотрю, что она там нашла? Подходит и видит: огромная нора ведет под корни вглубь дерева. Белка скрылась в норе и опять верещит. Любопытно стало Сашке, куда его белка зовет? Слышал от стариков про клады, про Лешего, про добрых и злых колдунов, которые богатство охраняют. А вдруг клад?

Оставил ружье на траве, и полез в темную нору. Белка впереди, он за ней. И попал вскорости парень в большую земляную комнату. Огляделся, видит железную дверь, в скважине ключик. А где белка? Нет ее – исчезла! У Сашки, конечно, руки, ноги задрожали. Клад! Батюшки – светы! Неужели счастье привалило? Осенил он себя крестным знаменем, открыл дверь и вошел. Смотрит большая комната, сверху струится голубоватый свет, посреди комнаты стол, заставленный всякими украшениями, а у стен лари дубовые. Подошел он к первому – там деньги медные, заглянул во второй – рубли серебряные, к третьему ларю бросился – Господи! Одни золотые монеты старой чеканки. Что делать, как быть? И решил Сашка: возьму монеты золотые, набью карманы, сколь влезет. Размечтался: ружье себе куплю бельгийское, бате лошадь чистокровных кровей, оденусь, остальные деньги на новый дом.

Стал выходить, толкнул дверь, а она закрыта, и ключика нет! Полчаса целых бился парень с дверью – ни туда, ни сюда, ни вперед, ни назад! Струхнул тут Сашка. Нечистая сила не выпускает! Как подумал, что ему навеки не выйти, волосы на голове дыбом, мороз по коже продрал, ноги подкосились – не идут! Руки машинально крестное знамение кладут, а губы шепчут молитовку.

- Что-то ты быстро приуныл, - слышит он сзади девичий звонкий голос. Обернулся. Стоит перед ним стройная красивая девушка в черном сарафане, на голове корона блестит, на плечах богатая беличья шуба. В руках она держит поднос.

- Клад этот в подземелье завещан знаменитым разбойником Бусаем. Он тому в руки дастся, кто поклянется богатство его употребить на общее дело. Читай молитву и твори клятву!

Пообещал Сашка деньги взятые употребить на строительство церкви. Как раз в это время у нас, под горой, ее закладывали.

Улыбнулась красная девица:

- Добро, так и будет! А теперь искушай пива моего лесного и закуси.

И подает ему кружку пенного пива и пироги из брусники. Выпил, закусил и промолвил Сашка:

- Спасибо за все.

- Помни, что клятву дал, - сказала девушка.

- От себя дарю сосновую веточку с шишкою. Прими дар от чистого сердца.

Взял Сашка подарок – оглянуться не успел, как опять в лесу оказался, на том пенечке, под той самой сосной. Сидит и размышляет: сон это был или не сон? В

руках у него ветка сосновая, спохватился, руки в карманы сунул. Золото! Значит, был он наяву в подземелье и клад нашел. А кто же эта девушка? Потом уже до него дошло: белка Векша, им спасенная. А как перешагнув порог дома, ветка, волшебницей дареная, в раз потяжелела. Глядит парнице – в руках ветка из чистого серебра, а сосновая шишка чистым золотом сверкает. Вот такая история с ним приключилась.

Алиса Дейна

Один день в эльфийской деревне

Путешествуя по стране Лесных стражей, торговка зельями Натали остановилась в маленькой эльфийской деревне на отшибе чащи. Местные жители показали юной девушке дорогу до ближайшей таверны. Путь пролегал по извилистой тропинке среди зеленых дубов, тех самых деревьев, которые были так почитаемы местным народом.

Деревня представляла собой лесное селение кожевников и травников, со временем, превратившимся в оживленное торговое место, для друидов, магов, эльфов и дриад.

Дорога Натали была долгой, за несколько лет она побывала во многих деревнях и городах. В горных долинах и в рудниках с самоцветами. И вот дорога привела ее сюда.

В своем путешествии ей помогала гнедая лошадь, купленная в поселении кентавров, за пять золотых монет. Иронично, но никто не разбирается так хорошо в лошадях как кентавры. Натали долго не знала, как назвать молодую кобылку, пока та не вытащила из сумки корень экзотического цветка протеи. На вкус корень оказался горек и потому милая воровка, выплюнула его прямо на свою хозяйку. С тех пор Натали зовет ее Протея, каждый раз вспоминая этот случай и то, как лишилась лучшей хлопковой туники из-за желтого несмываемого пятна.

Протея упорно везла за собой деревянный старый домик с соломенной кровлей, чем-то напоминающий кибитку. Домик стоял на четырех больших колесах. Под кровлей находилась табличка с надписью «Лавоч-

ка зелий». Этот домик являлся маленьким магазинчиком на колесах, а так же временным жильем. Иногда Натали могла себе позволить переночевать в тавернах, однако не всегда удавалась такая возможность из-за длинной дороги между городами.

Внутри магазинчика зелий пахло лавандой и яблоками. Всюду стояли бутылочки с разноцветными жидкостями и висели сухие травы под потолком.

В самом углу домика находился книжный шкаф сплошь забитый различными записями. На верхних полках лежали связанные свитки из морских водорослей. Свитки содержали тайные рецепты зелий, полученные в дар за помощь от мудреца племени троллей. Ниже располагались записные книжки из кожи, украшенные разноцветными самоцветами, купленные у друида на огненном фестивале. Внутри, подчерком с завитушками, были записи обо всех рецептах зелий, которые удалось собрать Натали. Молодая торговка собирала их по всему свету, куда только могли пойти ее ноги. В самом низу книжного шкафа, лежали нарисованные от руки карты мест, где она когда-либо побывала.

Натали управляла Протеей с помощью вожжей и размышляла о цели своего визита в эту деревню, а именно, пополнить убывающие запасы трав для зелий. А лучшего места, чтобы это сделать, найти было сложно. Эльфы, друиды и дриады, лучшие травники которых видывал свет.

Подъехав к деревянной таверне навстречу Натали, вышел молодой человек с длинными светло-рыжими волосами заплетенных в несколько кос. Три косы были собраны деревянной заколкой на макушке голо-

вы, а четвертая коса болталась до поясницы. Россыпь веснушек озаряло лицо парня, создавая ощущения солнечных бликов. Одет он был в льняную тунику с золотой вышивкой и темно-коричневые брюки до колен. На руках болтались кожаные браслеты с синими камнями.

- Куфархион чужестранка – произнес молодой человек, что в переводе с местного языка обозначало приветствие, по одному только слову девушке стало ясно, что перед ней стоит друид.

- Куфархион. Меня зовут Натали, и я ищу кров на одну ночь.

- Меня зовут Лаврий, я владелец этой таверны. Есть несколько свободных комнат для ночлега, а так же запеченная индейка и золотистый сидр.

Натали разглядывала добродушного друида и не могла отвести глаза от его лучезарной улыбки. Вся его внешность была ослепительно красивой, тонкие губы, изящный ровный нос, широкие голубые глаза. На мгновение она смутилась, но друид этого не заметил или сделал вид.

- Я ищу местных торговцев травами, мне нужно пополнить запасы для своих зелий – произнесла Натали, стараясь больше не рассматривать «поцелованного солнцем» так внимательно.

- В чаще леса живет эльфийка Фрея, у нее самая большая коллекция трав в стране Лестных стражей. Только путь к ней сложный для прохождения коня с повозкой – на секунду Лаврий посмотрел на магазинчик за спиной у Натали – но я могу присмотреть за твоим домиком за пару серебряников.

- По рукам – Натали достала из кармана мешочек со

звенящими монетками и положила парочку на ладонь друида.

- Тебе следует идти по этой дороге – парень показал рукой на вытоптанную узкую дорожку, ведущую в лес – когда дойдешь до знака поверни направо, и иди по тропинке, не сворачивая, ее дом ты не сможешь пропустить, она живет в стволе гигантского дуба.

- Хорошо, благодарю тебя.

Дав яблоко Протеи и собрав маленькую дорожную сумку со всем необходимым Натали двинулась в путь по дорожке. Совсем скоро она прибыла к гигантскому дубу, около которого бегал малыш эльф в светлой льняной рубашке с рунической вышивкой. Маленькие острые ушки проглядывали через густые светлые волосы, заплетенные в косу с бусинкой на конце. Мальчишка игрался с деревянным луком, стреляя самодельными стрелами по нарисованным мишеням на камнях.

- Свет с нами – эта фраза для эльфов была неким приветствием – меня зовут Натали, я ищу Фрею, она тут живет?

Голубоглазый малыш поклонился, сведя руки к низу.

- Это моя матушка, она в саду – произнес малыш, совершенно не удивившись моему визиту, отведя глаза, эльф натянул тетиву лука и выстрелил в деревянный пень напротив, затем произнес – меня Лукас зовут.

Натали кивнула, однако, не успев задать еще один вопрос, услышала мягкий женский голос, который издавался из окна дома.

- Лукас, помоги мне.

- Иду, мама, к тебе тут гостья.

Лукас положил стрелу в колчан за спиной и вприпрыжку двинулся в дом.

На пороге появилась беловолосая эльфийка в светло-голубом платье, ее волосы так же были заплетены в косу. Руки девушки были покрыты кожаными и золотыми браслетами, а кончики пальцев были испачканы землей.

- Свет с нами, чем я могу вам помочь? – Фрея посмотрела на Натали лиловыми глазами и стряхивая землю с пальцев мило улыбнулась.

Натали проделала тот же жест, что и Лукас во время приветствия.

- Меня зовут Натали и я продавец кочующей лавки с зельем. Дорога привела меня в вашу деревню, где по слухам живут лучшие травники страны Лестных стражей.

Фрея улыбнулась еще шире и жестом пригласила в дом.

- Вам не соврали. На наших землях растет много редких и экзотических трав. Что вас интересует? Мандрагора? Белладонна? Физалис? А может быть белена?

- Хорошие травы, пожалуй, я куплю по несколько семян и корень мандрагоры. А так же все что написано в этом списке – Натали протянула эльфийке клочок пергамента с названиями трав.

Пока девушка разглядывала гостиную, Фрея уже завернула заказ с травами в льняной мешочек и пригласила Натали на семейный ужин.

- Думаю, это будет неудобно – произнесла девушка.

- Что вы, наша семья очень любит гостей, не так часто мы видим чужестранцев. Мой муж Ахес будет так же рад вам, как и я. И нам бы очень хотелось послушать истории из вашего путешествия.

Натали согласилась на ужин и за овощным рагу рассказала несколько историй, которые произошли с ней во время поездки в горную долину в деревню каменных фей.

Легкая беседа за ужином продолжалась несколько часов. Темы сменяли друг друга так же быстро, как и разнообразные вкусы на столе.

- Как-то раз мне попалась очень неприятная фея, которая после покупки зелья от вредности произнесла «кёхея», я как человек, желающий хоть немного понимать, о чем они говорят, подумала, что это слово благодарности. А потом, узнав перевод, до меня дошло осознание, почему же местные жители на меня так удивленно смотрели. Кёхея - ругательное слово, а я каждый раз говорила его каждому покупателю, да и еще мило улыбалась. Так глупо я себя давно не чувствовала – когда Натали договорила, она покраснела как вишня и потупила свой взгляд на глиняную чашку – какой милый у вас чайный наборчик.

Фрея перестав смеяться, потеряла щеки, что бы скулы не так сильно сводило от смеха. Ахес лишь изредка улыбался и поедал яблочный пирог.

- Это набор моей матери, она занималась лепкой из глины. К сожалению, большая часть ее творений утеряна или разбита. Этот набор и пару горшков все что осталось.

Натали почувствовала себя неловко, но это было ненадолго, так как Фрея решила показать свою теплицу с растениями.

Теплица была недалеко от дома, сделанная из дерева и разноцветного стекла. Можно было только представить, как красиво переливаются блики от витражей.

Но к вечеру свет был приглушенный и потому, увидеть радуго в маленькой комнатке не удалось.

Фрея рассказывала о том, как она ухаживает за этими чудными растениями, и показала парочку приемов сбора, чтобы растение не пострадало.

Внезапно эльфийка побледнела и, сев на пол, стала разглядывать черепки глиняного горшка.

- Лукас?! Ахес?! – на последнем слогe голос сорвался.

Мальчишка и глава семейства, как ошпаренные выбежали из дома и прибежали в теплицу.

- Ты нас звала? – спросил Ахес, почесывая макушку. При этом свете его волосы казались более золотистыми, чем было ранее. Пока он стоял на пороге теплицы Натали хорошенько его рассмотрела. Светло-голубые глаза закрывала скошенная на правый бок челка. Хлопковая рубашка, расшитая узорами друидов закрывала накаченное тело эльфа. На груди висела серебряная руна, предположительно обозначающая защиту семейного очага.

- Скажите, кто разбил мой горшок?

Лукас вздохнул, посмотрел в стеклянную крышу, затем снова опустил глаза на Фрею произнес.

- Мама, это был я. Прости, я случайно разбил его, задев колчаном.

Фрея встала с пола и подошла к сыну. Она рассматривала его лицо, а затем обняла. Щеки ее пылали, а ноздри шумно втягивали воздух. Вспоминая историю с чайным набором и то, что глиняных изделий осталось очень мало, Натали забеспокоилась. Возможно, горшок был частью памяти о матушки Фрей и потеря крупинки важного воспоминания разозлило эльфийку.

Натали сделала шаг вперед, однако застыла как вкопанная, когда Фрея присела на колени около сына и крепко прижала его к себе.

- Дай я обниму тебя сын, ты мог рассказать мне все сразу, я не стала бы ругаться.

- Матушка. Я... Я боялся сказать, горшок важен для тебя.

- Ты сделал отважный поступок, сказав мне правду и твоя правда дороже мне тысячи глиняных горшков.

Натали была крайне удивлена реакцией Фреи, но в то же время обратила внимание на отважный поступок Лукаса, сказав правду не смотря на возможное наказание.

- А теперь Лукас, иди спать, время уже позднее – произнесла Фрея, отпуская сына.

- Да матушка – Лукас угрюмо посмотрел на разбитый глиняный горшок, еще раз вздохнул и вышел из теплицы.

- Натали, а оставайтесь у нас сегодня на ночь, на улице уже совсем темно – сказал Ахес, разглядывая стеклянный потолок.

- Ой, что вы! Ваша семья и так выручила меня ужином. А еще, я оставила магазинчик у Лаврия, он меня ждет.

- Лаврий хороший друид, знающий нас, думаю, он приглядит за магазинчиком до твоего прихода.

Натали потупила свой взгляд. С одной стороны она переживала за Протею и лавочку зелий, а с другой стороны ей бы хотелось еще чуть-чуть пообщаться с этими эльфами.

- Хорошо, я останусь у вас на ночь – ответила Натали, выходя из теплицы.

- Чудно, тогда я заварю еще ромашкового чая – произнесла Фрея, закрывая теплицу и двигаясь в сторону дома.

В гостиной трещал камин, пахло свежей ромашкой и сладкой выпечкой. Натали сидела с чашечкой чая, разглядывая интерьер комнаты. Фрея трепетала на кухне, принося новые вкусности на стол в гостиную. Ахес сонно наблюдал за тлением бревен в камине.

- Скажите, Ахес, а чем вы занимаетесь? – спросила Натали отхлебывая чай.

- Я работаю на местном руднике. Добываю самоцветы для кожевников и ювелирных дел мастеров.

- Ого, это очень сложная работа.

- За то очень прибыльная.

На пороге гостиной снова появилась Фрея, на этот раз с корзиной яблок. И сев за стол налила себе немного чая из глиняного чайника.

- Но как я погляжу, вы не сильно нуждаетесь в деньгах. Тогда зачем выбирать такую работу? – произнесла Натали, вопросительно посмотрев на Ахеса.

- Вы правы, в деньгах мы не нуждаемся. Однако, я очень хочу осуществить мечту своего сына. Отправится с Лукасом в страну Огненных стражей, и купить ему пламенный лук, который по слухам, выкован в жерле вулкана – улыбаясь, ответил Ахес.

- А вы, Натали, бывали в этой стране? – спросила Фрея.

- Да, и не раз. Совсем недавно я была там, на ежегодном огненном фестивале. Местные жрецы и друиды из племени Гестии лучшие покупатели зелий.

- А куда же вы направляетесь теперь? – Спросил Ахес, потирая яблоко.

- Пока не решила. Хочу добраться до страны Стражей воды, однако там слишком холодно, не думаю, что смогу задержатся там надолго.

Натали задумалась. Ее путешествие продолжается несколько лет, но за это время она побывала лишь в Центральном городе и двух странах Огненных и Лестных стражей. А вот для стран Стражей воды и воздуха она была совершенно не готова.

Страна Стражей воды покрыта бескрайним льдом и представляет собой ледяное царство, в котором властвовал Хёд и его верные асы. Растения в этой стране не водятся, потому зелья готовят из разных магических артефактах. Именно тайны варки зелий без трав, так интересовали Натали.

- Неплохое желание, уверена у вас все получится – улыбаясь, произнесла Фрея – уже поздно, думаю нам всем пора отдохнуть. Натали я постелила вам в комнате для гостей, это за той дверью – Фрея показала маленькую деревянную дверцу в углу гостиной.

- Спасибо, вы правы, пора спать.

Комнатка для гостей была очень маленькой, но уютной. В углу стояло маленькое кресло, на котором лежал шерстяной плед. Маленькое окно, пропускало лунный свет, который озарял комнату голубоватым цветом. Около кресла, прямо под окном стоял книжный столик, на нем стоял цветочный горшок, в котором росло чудное растение эхеверия. Этот цветок представляет собой жесткое растение из сочных и мясистых пластин, собранных в виде розочки. По левую сторону от книжного столика находилась деревянная кровать заправленная таким же шерстяным пледом, что и на кресле. Натали обрушилась на кровать и не долетая до подушки, погрузилась в сладкий сон.

Наутро ее разбудила Фрея, пригласив на завтрак. Ахес уже отправился на рудники, а Лукас воевал с куском бекона, который не поддавался ножу.

После завтрака Натали поблагодарила семью эльфов за гостеприимство и отправилась за Протеей в деревню.

- Натали, подожди! – крикнул Лукас как только Натали зашла в лес – я хочу подарить тебе свою стрелу. Лучшую из тех, что я сделал.

Лукас протянул Натали деревянную стрелу с каменным наконечником и синим оперением. На деревянной основе были вырезаны маленькие руны, а на хвостике висела металлическая бусинка.

- Отец скоро купит мне пламенный лук и мне не придется стрелять деревянными стрелами. Но это моя лучшая работа, я хотел бы подарить ее тебе. Ты хорошая. Слышал, ты собираешься в страну Стражей воды, уверен эта стрела тебе пригодится.

- Подслушивать взрослых не хорошо – произнесла Натали, подставляя указательный палец к губам. Эльфенок немного смутившись улыбнулся и отвел глаза.

- Никто не делал мне таких чудных подарков, Лукас. Спасибо тебе. У меня для тебя тоже кое-что есть.

Натали сняла с руки кожаный браслет украшенный янтарем и протянула его мальчику.

- Его я купила на огненном фестивале, думаю, он подойдет к твоему пламенному луку.

Лукас улыбнулся, надел браслет на руку и попрощавшись в последний раз, побежал к матери домой. Натали убрав стрелу в дорожную сумку, отправилась в деревню забирать Протею и двигаться дальше

Историю о лучнике Лукасе и его смелом поступке она будет рассказывать другим жителям соседних городов и стран и с особой теплотой вспоминать тот день, проведенный в деревне эльфов.

Григорий Марковцев
Аркаша и Гриша

Заблудились

Как-то пошли Аркаша и Гриша в лес на охоту. Долго шли, много зверя взяли, но заблудились. Не знают теперь где дом, в какой стороне?

- Что делать будем ? – спросил Гриша.

- Даже не знаю, давай залезем на высокий кедр и увидим оттуда наш дом и выйдем к нему – предложил Аркаша.

Полез Гриша на высокий кедр, лезет, кедр клонится но не ломается. Залез на самую верхушку – не видно оттуда дома.

- Нет Аркаша, так мы дом не найдём.

- Давай тогда стрелять, нас наверное уже ищут и сразу услышат наши выстрелы – предложил смекалистый Гриша.

Долго стрелял Аркаша в воздух, во все стороны, во все направления. Ничего не произошло, не появился ни вертолёт, ни спасательная команда.

- Видно не заметили нас, стреляй Аркаша ещё – не унывал Гриша.

- Не могу больше стрелять, стрелы кончились. – огорчился Аркаша.

Долго сидели Гриша и Аркаша у костра и думали, пока мимо пролетающий вертолет не заметил дым от костра и не сообщил о находке.

Морж

Как-то пошли Аркаша и Гриша к океану на рыбалку. Долго рыбачили и добыли моржа. Хорошего такого моржа с большими бивнями.

- Молодцы мы с тобой Аркаша, какого хорошего моржа взяли – обрадовался Гриша.

- Да, Гриша, надолго нам его хватит – улыбался Аркаша.

Делать нечего, надо добычу домой тащить. Взяли его за хвост и тащут. Далека дорога к дому, тяжёл жирный морж ещё и бивнями постоянно за землю цепляется.

- Устал я уже – приуныл Аркаша.

- И я устал – вытирая пот со лба подтвердил Гриша.

Идёт им навстречу геолог.

- Здравствуйте Гриша и Аркаша, что с вами, лица на вас нет ?

- Да вот взяли моржа, но тащить устали, постоянно бивнями за корни цепляется, тяжело.

- Ребята, так вы возьмите его за бивни, вам и тащить будет легче – посоветовал геолог.

Аркаша и Гриша так и сделали. Тащат моржа за бивни, Аркаша и говорит:

- Молодец геолог, сразу тащить стало легче, ничем морж не цепляется.

- Дурак твой геолог – отвечает Гриша – смотри опять к океану пришли.

Долго сидели Гриша и Аркаша на берегу океана у костра и думали о тяжести неподъемного груза.

Река

Как-то поплыл Аркаша по Оби с женой на лодке. Долго плывут. Красивая и мощная река Обь. Тяжело плыть против течения по такой реке. Много думал об этом Аркаша сидя на носу лодки и куря трубку. Три дня плывут, много трубок скурил Аркаша.

- Хорошо тебе жена. Гребь себе вёслами да гребь. А мне вот думать надо... - огорчился Аркаша.

Хороша Обь. Мощная река.

Колдун

Как-то пошли Аркаша и Гриша в лес. Идут и разговаривают, а день хороший такой, солнечный. Брусника алая гроздьями висит, шишки кедровые огромные, смолистые, сами с кедров падают. Зверь всякий без счёту бегают. Хорошо идти по тайге с другом.

Аркаша спрашивает Гришу:

- Слушай Гриша, отгадаешь сколько у меня оленей, обоих отдам.

Гриша думал, думал и говорит неуверенно:

- Два...

- Колдун, ай колдун ты Гриша –расстроился Аркаша.

Долго потом думал Аркаша о неограниченных возможностях человеческого мозга.

Стрижка

Как-то пошли Аркаша и Гриша в парикмахерскую. Долго шли по посёлку. Весь посёлок обошли, нет у них парикмахерской.

- Что делать будем ? – расстроился Аркаша.

- Не будем тогда стричься Аркаша – приободрил его Гриша.

- Мне надо подстричься – говорит Аркаша – у жены день рождения, я ей весы подарю, обрадуется наверное.

- Наверное обрадуется – отвечает Гриша – мне моя жена линейку подарила, тоже хороший подарок.

- Тогда ты меня подстриги – придумал Аркаша.

Делать нечего, пришли друзья к Грише домой, выпили чаю с брусничным листом, капустными пирожками и хворостом. Хорошо.

- Как ты стричь умеешь ? – спросил у друга Аркаша.

- Я две только стрижки знаю – говорит Гриша – полубокс и налысо.

- Полубокс, это я не знаю что такое – размышляет Аркаша – давай налысо.

Очень старался Гриша подстригая друга. Хорошая стрижка получилась. Блестит лысина как морж жирный на берегу океана.

Но не рад Аркаша:

- Не нравится мне налысо, меня жена совсем не узнает, давай лучше полубокс.

Долго сидели Аркаша и Гриша, и думали как совместить желаемое с действительным.

Червяк

Как-то пошли Аркаша и Гриша на рыбалку. Только решили друзья моржа больше не брать, потому что его до дома не дотащить ни как, а наловить рыбы небольшой но побольше. Плывут по Оби. Сильна Обь, красивая река. Стоит по берегам лес красивейший, зверя в том лесу немеряно, рыбы в Оби не сосчитать. Хорошо друзьям.

- Хорошо – говорит Аркаша.

- Хорошо !!! – улыбается Гриша.

- Тебя жена пилит ? – спрашивает Аркаша.

- Нет – говорит Гриша – некогда ей.

- А я своей, чтоб не пилила, написал на бумажке с каждой стороны «смотри сзади», она её до сих пор вертит, а я на рыбалку поехал. – рассказывает Аркаша.

Плывут. Хорошо друзьям.

- Хорошо ? – спрашивает Гриша.

- Хорошо !!! – отвечает Аркаша.

Делать нечего, рыбачить надо. Сели один на носу, другой на корме лодки. Удочки закинули, рыбачат. Вдруг слышит Аркаша громкий всплеск позади. Обращивается, нет друга. Расстроился Аркаша, что делать не знает. Вдруг через 6 минут – Ух ! Выныривает Гриша.

- Ты где был ? – спрашивает Аркаша – Я испугался уже.

- Чего же ты пугаешься, дурак – говорит Гриша – Я червяка менял.

Долго думал потом Аркаша о том как найти лёгкий путь в тайге.

Ольга Ермакова

Молодец

В одном селении, у самого берега моря жила женщина с тремя детьми. Бедно жила эта семья, впроголодь. Старший сын женщины Атвук силён был и плечист не по годам. Очень любил юноша мать и сестрёнку с братом, жалел их, а потому во всём помогал матери. Вставал он рано, колол дрова, воду носил, рыбачил, младших кормил и шёл по селу в поисках работы. В селении Атвука все знали, хоть и было ему всего четырнадцать лет от роду, да умел он многое, всему селу помогал. Кому поможет землю вспахать, кому дров наколоть, а кому и дом подлатать подсобить мог. За это люди его благодарили, чем могли, то рыбой, то с огорода чего, то и просто добрым словом да полезным советом.

Появился однажды в том селении старик, много лет и зим он прожил, многое видел, и многое он умел, да только здоровье его стало подводить, и поспрашивал он у людей себе помощника удалого, молодого да умелого. Рассказали люди старому про Атвука, что есть у них такой молодец, силой да сердцем добрым не обделённый. С тех пор и стал Атвук старику помогать.

Трудился юноша не покладая рук, всё делал, что просил старик, очень доволен был старец и в награду доставал он из погреба подарки: блюда расписные, шкуры зверей разных и отрез ткани белой и давал наказ:

— Ты бери эти дары, молодец, матери их отдай, пусть она их на дичь да рыбу выменяет, а отрез ткани белой бережёт и каждый месяц шьёт тебе новую рубаху, ты

её носи, когда будешь ко мне приходить, будет мне отрада.

Заработанное честным трудом молодец относил матери, а та меняла всё на дичь да рыбу, чтобы кормить семью, оставляла только отрез ткани белой и каждый месяц сыну новую рубаху шила. Так прошло несколько месяцев, Атвук всё также помогал старику по хозяйству, а старик всё также дарами юношу одаривал, доставал их из погреба, а погреб запирали и строго настрого запрещал юноше туда спускаться.

Уснул как-то старый, а Атвук доделав все дела по хозяйству, решил тихонько в погреб спуститься да посмотреть что там. Спускается он в погреб и видит добра столько, что не описать, не рассказать, а если и расскажешь, то и не поверит никто. Разглядывает юноша богатства дивные, любитесь, да не заметил, как старик проснулся и тайком за ним наблюдает. Ничего не взял юноша из погреба того, подивился только, да красть не стал, закрыл дверь погреба, будто и не отпирали ее. Старик же сделал вид, что только проснулся, пошёл в погреб и достал подарки: блюда расписные, шкуры зверей разных и отрез ткани белой и давал наказ:

– Ты бери эти дары, молодец, матери их отдай, пусть она их на дичь да рыбу выменяет, а из отреза ткани белой сошьёт тебе ещё одну новую рубаху, ты её в следующий раз надень, как ко мне соберешься, будет мне отрада.

Шло время, молодец старику помогал. Хорошо помогал, не ленился, да только погреб с богатствами всё покоя Атвуку не давал. Мысли всякие голову юноши посещали. И вот как-то уснул старый и Атвук вновь

в погреб спустился, стоит на богатства загляделся, да не заметил, как старик проснулся и тайком за ним наблюдает. В этот раз не удержался Атвук, решил, что старый не обеднеет, да и не заметит пропажи, если совсем немного дивных вещей пропадёт. И вот берёт юноша блюдо расписное, а оно в старую лохань превращается да в щепки рассыпается, глядит молодец, а богатства все в щепки обернулись. Испугался Атвук, закрыл дверь погреба, будто и не отпирал её, да только старик его тут как тут поджидал, посмотрел старик на рубаху юноши и говорит:

—Я тебя полюбил как сына и зла тебе не желал. За службу хорошую, я тебя дарами щедрыми одаривал. Блюда расписные да шкуры зверей разных я для матери твоей давал, чтобы вы есть могли досыта, а отрезки ткани белой давал, чтобы мать тебе рубахи шила новые. Эти рубахи тебя силой да здоровьем питали. Только видишь, Атвук, ослушался ты меня, из погреба моего украсть захотел. А раз ты моё добро так принял, то и принимай свою награду.

Хотел юноша хоть слово за себя вымолвить, да только будто нем стал, взглянул на руки свои, а они перьями покрываются ...

В одном селении, у самого берега моря, жила женщина с двумя детьми, над домом их летал белоплечий орлан. Время от времени он им то рыбу подкидывал, то зайца, а то и песка пушистого.

Нита Ларская

Драко́нья башня

– Как же, не смогли они подходящего рыцаря найти, – я безо всякого смущения бурчала себе под нос, бросая в зачарованный мешок колбы с разноцветными зельями. Широкий чёрный рукав мантии то и дело цеплялся за ручку небольшого котелка, заставляя его опасно раскачиваться на краю стола. Хмыкнув, я подхватила ёмкость с булькающим внутри ярким малиновым зельем и, слегка прищурившись, разлила получившуюся жидкость в несколько пустых мензурок. – Вот прямо никого-то у них нет на примете, чтоб в этот замок съездить! Подвиг же совершить можно, обычно желающих всегда полным полно, что ж сейчас-то случилось? И почему мне слабо в простое рыцарское нежелание верится?

У входа что-то зашуршало, потом упало, а возле толстой ножки лабораторного стола мелькнул длинный тёмный хвост, обладатель которого тут же вскарабкался наверх. Я ласково улыбнулась примостившейся рядом маленькой белодушке, которую много лет назад нашла в лесу совсем маленькой, а потом забрала к себе, назвав Диксом. Королевский посланник вряд ли станет ждать долго, так что я продолжила сборы.

– Так, что ещё забыла? Зелья все по списку взяла, походный котелок взяла, ложку, миску, нож тоже, сменную одежду... Как же хорошо, что я давным-давно зачаровала этот мешок, а! Клади в него всё, что в горловину пролезет, а весить он станет только как первое, что в него попало. Ловко, да? – улыбнувшись, почесала кунцу за округлым пушистым ухом и подставила ей локоть. Ловкий зверёк привычно вскочил на плечо. В

последний раз осмотрев комнату, я прищёлкнула пальцами, погружая её во тьму.

За забором, отгораживавшим небольшой палисадник перед домом от пышно разросшихся репьев и лопухов на опушке, стоял немолодой мужчина в форме королевской стражи. Нетерпеливо постукивая пальцами по рукояти меча, он то и дело косился на дверь и окна, явно мечтая поскорее покинуть ведьмино подворье. Пара пофыркивающих и переступающих с ноги на ногу флегматичных коней очевидно не разделяла его желания, сильно заинтересовавшись лопухами.

– Лэоли Таюри, ну наконец-то! Солнце уж за полдень, а нам ещё до дворца добираться!

– Ну так едем, чего терять время!

Дорога не была долгой: ещё с середины весны весь королевский двор перебрался в одну из летних резиденций на берегу огромного озера в часе езды от ближайшего городка. А невдалеке от моего дома пролегла тропа, ведущая на широкий тракт, что пересекал полстраны и оканчивался как раз в нём. Так что уже к вечеру мы въезжали в ворота дворца.

– Лэоли, вы опаздываете, поторопитесь, король уже ждёт вас в своём кабинете! – едва мы спешили, как откуда-то сбоку подскочил расторопный лакей, кивнул сопровождавшему стражнику и чуть склонил голову передо мной. – Пойдёмте, я вас провожу.

– Буду благодарна, лэол, – я мягко улыбнулась своему проводнику. Мой временный спутник уже уводил наших лошадей в сторону конюшни, так что прощания не получилось. Пожав плечами, я направилась вслед за суетливым лакеем.

Небольшой кабинет, обставленный мебелью тёмного дерева, выглядел крайне сдержанным и даже строгим. Быстро окинув взглядом комнату, я опустила свой мешок на один из стоявших у стены стульев, а сама села за стол, чуть смутившись под изучающим взглядом короля.

– Рад вас видеть у себя во дворце, лэоли Таюри, – поскольку я говорит ничего пока не собиралась, монарх начал разговор сам.

– Добрый вечер, Ваше Величество, я счастлива быть здесь, – протокольные фразы сухо срывались с губ будто заученные. Впрочем, это действительно было так, когда-то давно я действительно учила наизусть всё, что могло помочь во время пребывания во дворце. Короткий взгляд на короля. Не поверил. Усмехнулся.

– Вижу я, как вы счастливы. Впрочем, это пустое. Давайте без церемоний, лэоли, – что ж, пришлось кивнуть. От такого обычно не отказываются, да мне сейчас и не с руки это делать. – Мне нужно, чтобы вы спасли мою дочь из замка дракона.

Ничего удивительного в этой просьбе – или приказе? – для меня не было: причина вызова ко двору вполне чётко была обозначена в переданном стражником свитке. Меня больше интересовали детали.

– Ваше Величество...

– Лэол Эйгель.

– Кгхм... Хорошо, лэол Эйгель, почему я? – Прямой пытливый взгляд напоролся на такой же встречный.

– Потому что больше некому, – мужчина нарочито просто пожал плечами. Я недоверчиво прищурилась. – И не надо так на меня смотреть. Действительно некому.

– Лэол Эйгель, у вас что, кончились преданные рыцари?

– Увы, болеют. Или ушли в поход. Или, что ещё хуже, женаты. А по традиции, спасённую принцессу надо выдать замуж за спасителя, вы же помните, лэоли ведьма.

Я кивнула. Действительно, этому обычаю было уже очень много лет. Дракон похищал принцессу и уносил в свой замок, безутешный отец-король отправлял доблестного рыцаря, тот побеждал нахального дракона и женился на принцессе, чтобы спустя годы стать новым королём. В какой-то момент с драконами стали заключать сделки. Принцессы быстрее выскакивали замуж, а рыцари, совершив подвиг, могли надеяться на королевскую награду или титул повыше. А ещё дракон становился проверкой. Ведь каждый знал, что похищают они только невинных девиц.

Вновь взглянула на короля, откинувшегося на спинку кресла и слегка устало поглядывающего на меня. Знает, о чём думаю. Здесь ведь тоже явно имела место сделка. Вот только куда делся будущий счастливый спаситель?

– Лэоли, вы не поверите, но он разорвал наш с ним договор, женился на одной из фрейлин Авиль и, кажется, совершенно счастлив! – серые глаза монарха заискрились смехом, смягчая напускное возмущение. – Вот так и выходит, что кроме вас, лэоли, – между прочим, сильнейшей ведьмы королевства, я прекрасно об этом помню, – отправить в драконью башню и некого. Не армию ж туда посылать.

Я согласно хмыкнула. Действительно, снаряжать войско ради возвращения принцессы от дракона, который признаёт, как и все его соплеменники, только бой

с рыцарем или бой с магом, смысла не было никакого. Пожалуй, я даже признавала правоту короля. Хорошая ведьма быстрее сладит с чудовищем, если того потребуют обстоятельства.

С рассветом я выехала на северный тракт. Дикс то прятался в притороченных к седлу мешках, то гордо сидел у меня на плече, что-то потявкивая и глядя вперёд, то спрыгивал и гнался за мной, перепрыгивая с ветки на ветку. Я лишь улыбалась, глядя на развлекающегося фамильяра: лес вокруг нашего домика куница изучила давным-давно.

Спустя несколько дней дорога раздвоилась. Мне нужно было на восток, так что, потянув за повод, я направила лошадь, взятую с королевской конюшни, на Старый Северный тракт. В незапамятные времена чуть дальше пролегла граница королевства, за века сдвинувшаяся далеко на север. А название у тракта осталось. Он шёл вдоль старой границы к берегам Восточного моря, что было мне на руку. Именно туда, к развалинам древнего королевского замка, как сообщил король Эйгель, и лежал мой путь.

Миновала неделя, прежде чем я услышала вдалеке шум прибоя. Тёмным миражом впереди маячила громада замка. Он был величественен, прекрасен и... совершенно мёртв. Люди не селились в его стенах уже много сотен лет, и древние камни одряхтели, покрылись мхом, источились дождями и влажными морскими ветрами. Но ещё стояли. Живой казалась лишь сторожевая башня, что первой встречала гостей, выехавших из леса по старому тракту.

У подножия тёмной серой башни возлежал немалых размеров дракон. По его чешуе яркого зелёного цвета

пробегали серебристые искры магии. Казалось, зверь спал. Бока мерно вздымались и опадали, демонстрируя ровное дыхание.

Я спешила и, прищурившись, посмотрела на открывшуюся картину магическим зрением. Как и предполагала, дракон только делал вид, что спал, потихоньку подбираясь ко мне еле заметной мерцающей нитью обездвиживающего заклинания. Я слегка нахмурилась, прошептала под нос пару слов, вызывая щит, и решительно шагнула на опушку: к чему сразу бросаться в бой, если можно выяснить нечто интересное?

– Поговорим?

Облачко дыма, вырвавшееся из ноздрей дракона стало мне ответом. Серебристые нити исчезли, будто их и не было, а на меня внимательно взглянули глубокие изумрудные глаза. Совершенно, кстати, не сонные!

– Что ж, поговорим, ведьма, раз так желаешь, – бархатный глубокий баритон звучал словно внутри моей головы. Этот голос хотелось слушать и слушать... Стоп, что?! Ах ты!..

Зверь расхохотался. Слабая магия очарования присутствовала у всех без исключения драконов, превращая их врагов если не в друзей, то хотя бы в знакомых. Вот и меня, похоже, попыталась... Ну, зараза чешуйчатая, погоди.

– Хальмир, – отсмеявшись, дракон наконец представился. – Пришла вызволять принцессу?

– Таюри. Именно. По личной просьбе её отца.

– У вас что, кончились преданные рыцари?

– Не поверишь, Хальмир, но именно это я и спросила у короля с декаду назад. Приличнее меня, как оказалось, никого не нашли, – проводила взглядом но-

вое облачко дыма, вспорхнувшее к крыше сторожевой башни, и продолжила. – Так отпустишь? Зачем тебе принцесса?

– Неа, – лениво протянул зелёный дракон. – Не отпущу. Да и сама не пойдёт.

– Почему это не пойдёт?

– А ты у неё самой спроси, Таюри. Вон она, уже идёт.

Среди деревьев мелькнул светлый силуэт, постепенно превратившийся в фигуру девушки с большой корзиной. Я не видела принцессу Авиль уже много лет, но не узнать фамильные черты было невозможно. Перекинутая через плечо тёмная коса кончиком задевала ручку плетёной корзины, полной каких-то трав. Насторожённый взгляд фамильных серых глаз то и дело перебегал с меня на окончательно переставшего изображать сон дракона. Узкая бледная ладонь потянулась к висящему на тонком шнурке амулету.

– Не дури, Ави, и иди сюда. Мы с Таюри только тебя и ждём, – пробурчал дракон, укоризненно глядя на свою пленницу. С каждым мгновением здесь становилось всё интереснее и интереснее. Я вспомнила данный себе зарок вначале внимательно присмотреться к происходящему и убедилась, что подумала об этом не зря. Вздогнув, словно не ожидала услышать от своего похитителя нечто подобное, девушка поудобнее перехватила корзину, оставила в покое шнурок и наконец подошла к нам.

– Хальмир, что происходит? Кто это? – голос принцессы становился всё отчаяннее. Я прищурилась, проводив взглядом Дикса, решившего заглянуть в поставленную у наших ног корзину. – Что она тут делает? Я не поеду домой!

– А почему? Ваш отец вас очень ждёт, лэоли Авиль, именно он отправил меня сюда, – я не могла не попытаться выполнить полученный приказ.

– Не поеду! – и спустя мгновение на виду остаётся только подол светлого платья девушки, прячущейся за драконьим хвостом. Очередное облачко драконьего дыма взлетает вверх.

– Авиль, солнце моё, а почему? Расскажи-ка нашей дорогой ведьме. У неё ж приказ, – ощущение, что дракон попросту развлекается, наблюдая за нашим разговором, никак меня не покидало. Ехидная ухмылка на зелёной морде этому тоже никак не способствовала. – Вот возьмёт, усыпит тебя своей магией и увезёт.

– Но ты же меня не отпустишь просто так? Ты же сможешь? – серые глаза, в которых блеснули непролитые слезинки, что-то упорно искали в изумрудных глубинах.

– Я-то помогу, Ави, вот только тогда Таюри может немножко пострадать. Или не немножко. А такой исход меня не устраивает, она мне нравится. Забавная.

– Я безмерно счастлива, что вы нашли подход друг к другу, но, лэоли Авиль, Хальмир, пояснения какие-то будут? У меня ведь действительно приказ, – я решила пропустить мимо ушей ехидство некоторых чешуйчатых.

Девушка ещё раз посмотрела на дракона, растерянно взглянула на меня, вздохнула и наконец решилась:

– Я не хочу замуж, – Категорично, однако. И вот что мне с ней делать? Задача-то спасти принцессу из драконьего плена. А принцессе этот плен по нраву больше, чем собственные покои во дворце. – Отец прочит мне в женихи герцога Вардыйского и не желает слушать никого.

О репутации означенного герцога было наслышано всё королевство. Любитель охоты, балов и южных вин, унаследовавший огромное состояние и пристрастившийся к его растратам. Он был жесток как к своим, так и к чужим, а улыбка вызывала страх. Даже мне было неуютно находиться рядом с ним.

— А мне король сообщил, что все рыцари, которых он мог бы послать спасать вас, принцесса, никак не могут этого сделать.

— Лэоли Таюри, вы думаете, знатные господа сами отправляются спасать своих будущих невест? — горько спросила у меня принцесса.

— Признаться, до недавнего времени я вообще не думала об этом.

— Таюри, всё просто. Вместо лощёных аристократов на драконов отправляются простые воины, их вассалы, которые и должны привезти господину невесту. Ведь не просто ж так они надевают шлемы, закрывающие лица.

— Но лэол Эйгель сообщил, что тот, с кем он заключал договор, внезапно женился на одной из ваших фрейлин, лэоли Авиль. Разве он не имел в виду герцога Вардыйского?

— Может и имел, а может и нет. Договор мог быть заключён и с его вассалом.

В щёку привычно ткнулся маленький чёрный нос, что-то пощекотало подбородок. Дикс зачем-то вытащил из корзинки несколько стебельков собранных девушкой трав и принёс мне. Зверобой, тысячелистник, вербейник, полынь, пастушья сумка... Я снова оглядела девушку, внимательно всматривающуюся в моё лицо в ожидании ответа. Зачем принцессе эти травы? Вернее, почему она вообще пошла их собирать? Обычно

похищенные девицы только и делают, что плачут, ждут прекрасного рыцаря, который обязательно их спасёт, вышивают или читают книги. О любви, конечно. Вот только откуда бы взяться любовным романам в драконьей обители, пускай даже это и бывшая сторожевая башня? Я усмехнулась и, глядя на Авиль, спросила:

– Большая энциклопедия для травников лэоли Та-выиры, первый том?

Зелёный дракон снова расхохотался и слегка ударил по земле хвостом. Принцесса мигом покраснела и смущённо кивнула.

– Но я недавно начала её изучать... Во дворце таких книг мне не дают, отец говорил, что незачем. А здесь мне было нечем заняться, вот и начала читать. Так интересно оказалось, лэоли, я и не думала! Они ещё и светятся по-разному.

– Светятся? Как?

– Вот этот стебелёк – светло-жёлтым, вот этот – малиновым, – девушка осторожно перебирала пучки в своей корзине, каждым словом всё сильнее подтверждая мои наблюдения.

– Ваше высочество, а вас когда-нибудь проверяли на магию?

– Нет, лэоли Таюри, никогда. У отца же нет магии и никогда не было. И у брата ничего не проявилось, когда его проверяли. Вы хотите сказать, что...

– Да, именно. У вас пробудилось магическое зрение, раз уж вы видите, как она наполняет эти растения.

– Но наследственность... Как?

– Значит, ваша мать была ведьмой. Эти способности как раз передаются по женской линии. Вы же никогда не знали её, лэоли?

– Нет, она пропала почти сразу после моего рождения. Я её и не помню ведь. Только как она говорила, что обязательно однажды найдёт меня... Но прошло уже столько лет!

– А других вариантов нет, – я пожала плечами. – Теперь, юная лэоли и не настолько, я подозреваю, юный дракон, давайте-ка решать, что мы будем делать. Между прочим, Хальмир, по предположениям Его величества, мы с тобой тут уже давно должны сражаться не на жизнь, а на смерть, в то время как принцесса – разумеется, крепко запертая вот в этой самой башне – плакать и молить богов, чтобы кровожадное чудовище и её похититель пал от моей руки. У меня ж по-прежнему приказ. Хотя не могу не сказать, что нынешний вариант развития событий мне больше по душе, – маленькая куница, которой надоело трепать выпавшую из закрученного утром пучка прядь волос, вдруг перескочила на плечо принцессы, слегка вздрогнувшей от неожиданности. Дракон вновь ухмыльнулся.

– Таюри, а как, говоришь, звучит твой приказ? Спасти принцессу от дракона, да?

– Именно, мой зелёный и чешуйчатый друг. Спасти принцессу. Вот только что-то я пока не заметила, что её действительно нужно спасти. В то время как обратить внимание на желания самой принцессы я считаю просто необходимым. А вы как считаете, лэоли Авиль?

– Вы знаете, лэоли Таюри, – улыбнувшись, включилась в диалог принцесса. – Мне тоже кажется, что от дракона её спасти вовсе не нужно.

Дикс согласно тьякнул, поддерживая вырисовывающееся решение.

– Таким образом, принцесса Авиль была спасена из логова дракона. Мы уже были невдалеке от Большого Северного тракта, когда её вновь похитили. Мне удалось догнать дракона только на северо-восточной границе. Но когда я добралась до пограничников, они передали мне письмо, запечатанное личным перстнем Её высочества. Можете взглянуть сами, – не поднимая глаз, я передала хмурому лэолу Эйгелю небольшой свиток. – Принцесса успела пересечь границу и стать ученицей одной из сильнейших ведьм мира. Боюсь, принцессу вернуть уже не сможет никто. Сражаться с коллегой, да ещё и на территории чужого государства я не стану, уж извините, Ваше величество. Это просто самоубийственно! – строгий взгляд на короля должен был подчеркнуть серьёзность моих слов. – Кроме того, раз уж я не сумела справиться с заданием и вернуть вашу дочь, то не могу больше пользоваться вашей милостью. Завтра же я уезжаю, – твёрдо встретив холодный серый взгляд, кажется, пытавшийся понять, насколько я уверена в своём решении, встала и, не оглядываясь, вышла из кабинета короля.

Вернее, как вышла? Попыталась. Но меня остановили.

– Лэоли Таюри, я вас услышал, – донеслось из-за спины. – Я понимаю всё вами сказанное и отпускаю вас в дорогу. Хоть и не без сожаления, – криво ухмыльнулся монарх. Я сухо кивнула и направилась к лестнице, краем уха услышав приказ готовить траурные венки.

Выйдя за ограду дворца, я не стала искать глазами извозчика. Ноги сами несли меня к небольшому трактиру, что стоял в нескольких кварталах отсюда. Имен-

но там, в одной из верхних комнат сейчас лежала пара надёжных сундуков, доверху забитых колдовскими пожитками и пара мешков с травами и прочими вещами, скопившимися в моём доме за годы жизни. Сейчас ведьмино обиталище было пустым и тихим, но вскоре, я знала, в него вселится милая травница из ближайшего городка, выкупившая дом.

А меня ждало путешествие в соседнее королевство, чьи земли лежали к северо-востоку от нас. Далеко, но дорога на драконьих крыльях не будет долгой. Особенно когда рядом верные друзья. Там, в другой стране, вновь можно будет обзавестись домом где-нибудь в лесу, снова начать практиковать... и непременно вернуть доверие вновь обретённой дочери.

Юлия Игольникова

В лесной глуши

Возле самого леса деревня стояла. Давно люди здесь обосновались и мест этих славных покидать не собирались, потому как жилось им здесь размеренно и спокойно, и сытно, и достойно. А как же иначе? Ведь все для безбедной и доброй жизни здесь имеется. Все под рукой. Все под боком. В реке — рыба, вода, в лесу — дрова, для охотников добыча. Все чинно, все по порядку. Летом — ягоды, осенью — грибы. Наделал заготовок на зиму и лежи на теплой печи, спи да соленья с вареньями кушай.

Вот и пошли как-то девушки в лес по грибы да по ягоды. Разбрелись все в разные стороны. Поигрались немного. Прятались да аукались. А потом и присмирели, тихой охотой увлеклись. Не заметили, как холодать стало. Солнце уже за елями косматыми скрылось. Вечерело. Они домой стали собираться. Ночью-то в лесу оставаться нельзя. Это каждый знает. А не то леший рассердится, заморочит, закружит да и домой уж не отпустит. Все собрались. Корзинки грибов полные. Только Ксени все нет. Уж они ее звали, искали, а она все не откликается. А тьма все ближе и ближе подкрадывалась, со всех сторон окутывала. Совы вокруг кружили бесшумно и пугали девушек своими криками жуткими, будто прогоняли из леса. Пока сами не заблудились и не пропали, решили из лесной чащи выбираться.

Как пришли в деревню, сразу людей созвали. Да рассказали, что неладное с Ксенею приключилось, а что именно, неизвестно. Только осталась она одна-одиношенька в темном ночном лесу. Не иначе, как леший

распался. Но делать нечего. Ночью в лес идти нельзя. В деревне этой закон тот строго соблюдался. Стало быть, надо ждать утра и уповать на лучшее.

Три дня всем поселением девушку искали. Весь лес прочесали. Под каждый куст заглянули. Все кочки и травинки пересчитали. Ничего не нашли. Ни намека, ни следа, что девица здесь проходила. К концу третьего дня поиски решено было прекратить, как дело безнадежное и бессмысленное. Лес-то ведь место особое. Там всякое может случиться. Зверь, к примеру, дикий и голодный задрать может. Да и мест гиблых много: болот, буреломов непроходимых. Да и что уж говорить, нечисти всякой в лесу видимо-невидимо. Леший да кикимора любят с людьми позабавиться. Да и слухи ходили, что в самой чаще, за гиблыми топями, где никто из жителей деревушки и не бывал никогда, ведьма живет, что с нечистью на короткой ноге. Правда, не видели ее, но верили, что так оно и есть. А иначе, кто болезни на людей да скот насылает, засухе да неурожаю тоже откуда взяться? Ведьма с нечистой силой проказничают! Ясное дело.

Погоревали, оплакали Ксению да и вернулись к обычной жизни. Но один человек никак не мог с тем горем смириться. То был жених ее, Василий. Видный парень, статный, высокий, руки сильные да умелые. Красивая была бы пара. И Ксения собой, краше не сыскать, и парень хоть куда: и лицом хорош, и работающий. Но вот ведь как судьба распорядилась. Остался Вася без своей любимой. Ни спать, ни есть не может. Работа не идет, все из рук валится. Затосковал он сильно. Да и за рюмку часто хвататься стал. Известно, беда не ходит одна.

Он и со счету сбился, сколько дней и ночей он в горе своем пребывал, заглушая его напитком горьким, дурманящим. Но в одну из ночей бессонных слышит, будто шорох какой-то под окном, и по стеклу царапает что-то. Глянул он в ту сторону. Силуэт какой-то в ночи маячит. Вася свечу зажег и во двор вышел.

- Кто здесь? Отзовись! Зачем не ко времени добрых людей тревожишь?

И тут из темноты фигура ему навстречу шагнула. Он пригляделся да так и ахнул. Быть не может! Его Ксения перед ним стояла. Косы растрепаны, платье грязное изорвано. Стоит и молчит, глазами черными, широко распахнутыми в его лицо вглядывается.

- Ксения! Ты ли это? Что случилось с тобой? - воскликнул Вася в изумлении.

А она руки к нему протянула, и слеза по ее щеке скатилась. Тут уж Василий, не раздумывая, подхватил девушку и в дом ее отнес. Усадил у очага, воды налил.

- Ксения, поверить не могу, что ты жива. А я уж надежду потерял, что увижу тебя. Ну что же ты молчишь? Где же ты была все это время?

- По лесу я блуждала, Васенька. Все никак выйти не могла. Леший меня морочил, - промолвила девица, да только не своим голосом, чужим, хриплым да скрипучим.

- Что с голосом-то твоим? Не узнаю я его, - изумился Вася.

- Видно, горло простудила, вот и охрипла. Ночью сыро в лесу, холодно.

- И то верно, - согласился парень. - Садись к огню ближе. Отогреться тебе надо.

- Да я уж и согрелась. Привыкла уже к холоду-то, пока по лесу скиталась, - и от очага отодвинулась. -

Скучала я по тебе, Васенька, сильно. Только любовь-то меня и вывела из леса.

И она бросилась на шею Василию, обнимала его, целовала. А у самой руки ледяные, губы влажные, холодные, волосы хвоей и сыростью пахнут. Но Вася уж этого и не замечает. Ему уж все равно. Истосковался он, измучился, потому рад был безмерно вновь обрести свою Ксеню и заключить ее в объятия.

Стали вместе они жить, ночи сладкие проводить. И не думали о том, что до свадьбы то не положено. Боялись потерять друг друга и ни на минуту не расставались.

Хоть и не мог Вася любовью своей насытиться, но со временем успокоился, ясность мыслей обрел и трезвость ума. Неладное стал он за невестой своей замечать. По ночам она бессонницей мается, огня все сторонится, да и хрипота все не проходит, голос прежний не возвращается. Люди отчего-то косо на Ксеню поглядывают. Да и говорить все чаще ему стали:

- Другой твоя Ксения вернулась. Глаз дурной у нее стал. С кем заговорит, на кого поглядит, с тем непременно неладное случается. Беду она с собой принесла. Ох, нечисто тут дело.

Защищает он ее, как может. Только ведь люди правду говорят. Вчера вот она с охотником говорила, так тот сам в свой капкан и попал. На днях девица в колодец упала. Еле спасли. Так видели, тоже Ксения тогда мимо проходила.

Мысли плохие, темные стали терзать парня. Сомнения душу его одолевали.

- Поговорить нам надо с тобой, Ксения, - обратился он к ней за ужином. А она в ответ улыбнулась, из-за

стола вышла и за плечи его обняла. И сердце его забилось вновь от ее прикосновений. Но собрал он всю волю в кулак и стряхнул ее руки.

- Нет, Ксения, сядь, пожалуйста, - твердо сказал он. Девушка нахмурилась, но послушалась.

- Что такое, Васенька? Почему ты так строг со мной сегодня?

- Ты так и не рассказала, что произошло с тобой. Другая ты вернулась, Ксения. Не я один это замечаю. Люди шепчутся недобро у нас за спиной. Что с тобой? Глаза твои темны, руки холодны всегда, смех твой не звонкий, а пугающий. Откройся мне, Ксения! Я пойму! И никогда тебя не брошу!

- Ах, Васенька, - слезы потекли ручьями из глаз девушки. Боялась я, думала, разлюбишь меня, бросишь. А мне без тебя и жизнь не мила. Беда со мной случилась. Обещай, что не прогонишь, применишь меня такой.

- Так уже принял. Что уж теперь. Я от своих слов не отступлюсь. Говори все, как есть.

- В плен я попала к кикиморе болотной. Заманила она меня к себе в логово ягодами да грибочками. И сама не помню, как в то место гиблое зашла. Смеялась она надо мной, мучила. А потом отпустить обещалась, если я ей взамен на свободу кое-что оставлю.

- Что же это? Что она попросила?

- Ах, - Ксения вздохнула, опустила лицо в ладони. Плечи ее задрожали.

- Говори, Ксения, не плачь. Мне ты все рассказать можешь. Вместе мы любую беду одолеем.

Она подняла на него темные, полные слез глаза.

- Попросила она, Васенька, голос мой звонкий, взгляд мой ясный да свет души моей. А я-то, дуреха,

и согласилась. Так сильно тебя увидеть хотелось. А вот все как обернулось. На кого ни гляну, с тем беда случается. Оттого все так выходит, что свет души моей в плену у злой кикиморы томится. А моя душа без света-то темна стала. Виновата я, знаю. Но люблю тебя больше всего на свете. И вышло, что любовь-то нас и погубила, - и залилась девушка горькими слезами.

- Ах ты бедная моя, - парень и сам прослезился. Так жалко ему стало Ксению. Но сердце его при том сладостно зануло от ее любовных признаний. Кинулся он к ней. Стал обнимать и поцелуями осыпать.

- Так неужели ничего нельзя сделать? Как же помочь тебе? Как свет души твоей вернуть?

- Можно, Васенька. Да только трудно и опасно это, - прошептала она ему на ушко.

- Что же? Что нужно?! Говори! - воскликнул он. - Я на все ради тебя готов!

- Убить надо кикимору ту. Вот тогда все и вернется, - тихо ответила Ксения.

- Я готов. Сейчас же пойду, найду и убью гадину болотную, - сорвался он с места.

- Стой, Васенька, не спеши. Ночь на дворе. Утром пойдешь, коль не боишься.

- Я?! Боюсь?! Да я не то, что кикимору, всю нечисть лесную истреблю за твою одну слезинку.

Рано утром отправился Василий в лес. Путь держал к местам гиблым, непроходимым. Ни дороги туда, ни тропинки, ни людской, ни звериной. Долго он по лесу блуждал. Уж и сам потерялся. Вроде в той стороне гиблые места лежат. Направляет он стопы свои туда, идет, идет, а болот все нет и нет. Вот и солнце уже за ели садится.

Холод и тьма из чащи, крадучись, выползают. А он цели своей так и не достиг. Но назад дороги нет. Слово он дал своей любимой, что спасет ее, убьет злую кикимору. И от своих слов он не отступится. Не такой он человек.

Хоть и смел был, и силен парень, а страх все же цеплялся за него своими острыми коготками. Сопротивлялся ему Василий, гнал от себя. Но тот все же смог ухватиться и холодной, извивающейся змеей заползти под рубашку. Да и как тут не испугаться? Кругом тьма непроглядная, неизвестная. И что там в ней прячется? О том лучше и не знать. Отовсюду шорохи и звуки непонятные доносятся. Но Василий идет, не отступает. Факел зажег, чтоб дорогу освещать да живность лесную отпугивать. И замечает вдруг, по одному месту он кружит. Вот ель поломана, а вот березка кривая. Точно, проходил он уже здесь. И вот тут уж страх перестал деликатничать, щекотать игриво, а когтистой лапой за горло схватил, да так крепко, что дышать тяжело стало.

Вспомнил Василий считалочку детскую, что они часто повторяли, малыши детьми по лесу гуляя. Да и стал приговаривать ее про себя сначала, а потом и вслух:

- Леший, леший, отпусти!

Не сбивай меня с пути.

Морок ты не напускай

и дорог не закрывай!

Раз, два, три.

Дверь домой мне отвори.

Три, четыре, пять.

Не хочу я здесь гулять.

Идет, повторяет стишки. Куда идет, уж и сам не знает. Вот и факел догорел, погас. Подумал, надо костер бы развести да прилечь, отдохнуть, ночь переждать. И вдруг среди мрака непроглядного огонек как будто мель-

кнул. В сторону шагнул, ветки раздвинул. Точно, огонек светится во мгле. И все равно ему уже было, что нет людского жилья в той стороне, что опасно ночью по лесу блуждать. Решился он, пошел на этот свет.

Идет, идет, а свет все не приближается. От отчаяния он опустился на колени и закричал в густую темноту:

*- Леший, леший, помоги,
не сбивай меня с пути!*

Почудилось, нет ли, он и сам не знал. Но услышал он, засмеялся кто-то рядом. Оглянулся, вроде никого вокруг. Обернулся, а огонек ближе стал. Встал он с колен и побежал.

Сколько бежал, не помнит. Ветки по лицу хлестали, коряги за ноги цеплялись, но он уже не замечал этого. Очутился перед избушкой деревянной, старой, мхом поросшей. Из ее-то окошка свет и льется.

Дверь приоткрытая криво на петлях висела да поскрипывала. Что там за дверью той его ждет, нечисть ли какая, человек ли недобрый, он уже и не раздумывал о том. Отступил страх, ослабил свою хватку. Что в лесу страшном, ночном оставаться, что в избушку, незнамо чем начиненную, зайти, уж все одно.

Потому толкнул Вася дверь и ступил на порог. Да тут же и взглядом встретился с женщиной, за столом сидевшей. Та как будто ждала его, не удивилась ночному гостю. Жестом на стул ему указала. Поклонился он ей и предложение принял. Отметил про себя, красивая женщина: косы тугие блестящие вокруг головы черными змеями вьются, глаза яркие, зеленые изумрудами светятся, грудь пышная под кофтой белой соком наливается. Улыбнулась хозяйка ему улыбкой белозубой и говорит:

- Долго по лесу гуляешь, Васенька. Давно тебя жду, свечей не задуваю.

- Откуда Вы меня знаете, тетенька? - удивился парень.

- Так ведьма я. Не догадался ты разве? Ведь судачат обо мне в деревне. Неужели не слышал?

«Вот те раз, - подумал Василий, - а ведь верно все. Кто еще может жить в одиночестве в лесной глуши, в самых темных местах ее прятаться...»

- Простите меня, что потревожил Вас. Дело у меня в лесу Вашем. Да сбился с дороги. Мне бы ночь переждать. А утром в путь отправлюсь.

- Оставайся, раз дошел. Людям сюда дорога заказана. А тебе, стало быть, здесь и оставаться.

- Не могу я остаться! - всполошился Вася, - невесту мне спасти надо да домой возвращаться. Ждет там меня моя Ксения.

- Слушай, что я тебе говорю. Не спасешь ты невесту. Все равно здесь останешься.

- Да зачем мне оставаться? Вы уж не держите меня, тетенька, отпустите.

- А я и не держу. Сам останешься. Да и стара я стала. Помощник мне нужен. Хоть и ведьма я, а тоже человек. Не все колдовством-то решить можно.

- Да что Вы такое говорите? Вы еще молоды, в самом соку, - ведьма звонко рассмеялась в ответ на его комплимент.

- Судьба тебя ко мне привела. Говорю тебе, здесь твое место. Да и что уж греха таить, - вздохнула она и улыбнулась, - скучно мне, Васенька, тут одной. Только нечисть лесная кругом. Словом перемолвиться не с кем. Тепла человеческого рядом под старость лет захотелось. Уж не серчай на мои причуды старческие.

- Ну уж нет! Не удержите Вы меня здесь! - И встал, бежать хотел отсюда. Да только сдвинуться с места не может. Ноги к полу приросли. А ведьма голову запрокинула и хохочет.

- Ну иди! Что же ты стоишь?

Разозлился Василий. Все равно, думает, уйду. Ноги стал из сапог вынимать, а из пола плети будто выросли и голени его обвили, опутали. И не устоял он, на стул опустился. И уж не стал больше с ведьмой спорить, сердить ее. А стал просить да умолять. Смилоствовала та. Да и говорит:

- Не держу я тебя. Отпущу. Иди, спасай свою невесту, раз советов моих слушать не хочешь. Не выйдет ничего у тебя.

- Ну это мы еще посмотрим!

- Поспи, парень. Устал ты, милый, измучился, - стукнула она его по лбу пальчиком. Он голову на руки уронил и тут же заснул. И не увидел, как женщина из красавицы видной и статной в старуху древнюю, сгорбленную превратилась. Ухмыльнулась ртом беззубым, глазами мутными да белесыми моргнула.

- Стара я стала. Помощник требуется. А ты, Вася, парень хороший, верный да работающий. Такой-то мне и нужен. Не подвел леший, подходящего молодца отыскал и привел.

Проснулся Вася, за столом сидит в избушке старой, обветшалой. Вспомнил, у ведьмы он в гостях. Сколько же времени прошло? Ксения дома ждет его, волнуется и страдает, бедняжка. Надо торопиться.

А ведьма уж тут как тут, снова женщиной красивой предстала перед ним, чай ему горячий подносит.

- Ульяна меня зовут. Выпей чаю на дорожку.

- Вы бы мне, Ульяна, подсказали, где кикимору мне отыскать, да и как одолеть ее проклятую.

- Ишь ты, какой ловкий! Кикимору одолеть захотел! Не выйдет ничего у тебя. Попомни мое слово. Да и помочь ничем не могу. Договор у меня с нечистой лесной. В мире живем и согласии.

- Так хоть дорогу к ней укажите.

- А чего ее искать, дорогу-то? Вот она, - вышли они из избушки. Ведьма рукой в сторону махнула. Смотрит Вася, а ели мохнатые в том месте расступились, а между ними, и правда, тропинка вьется, чистая и ровная.

- Иди по ней. Прямоком к болоту выйдешь. Только жаль мне тебя. Беда тебя ждет. Оставался бы лучше у меня.

- Нет, не могу. Слово я дал. И сдержу его. Спасибо Вам, Ульяна. Век не забуду помощи Вашей. Случай представится, добром отплачу, - поклонился ей в пояс и отправился в путь.

- Представится, представится, не сомневайся. И быстрее, чем ты думаешь, - сказала она ему вслед.

Недолго тропинка по лесу петляла. И скоро вывела Василия прямо на болото гиблое. Деревья здесь не росли. Коряги да скелеты от них лишь остались. Пахнет плохо гнилью, сыростью. И над самым болотом туман вязкий висит. Где-то тут кикимора и прячется.

- А ну, кикимора, выходи, покажись. Пришел я невесту свою спасать. Зря ты ее обидела. Выходи, нечисть поганая. Или боишься меня? - закричал Вася.

Туман зашевелился, расступился. И из него кикимора показалась и к Василию подошла. Космы зеленые с водяной травой переплетены сосульками повисли,

кожа цвета серого, земляного, тело сухое сторбленное, лохмотьями старыми, мокрыми, грязными прикрытое.

- Здравствуй, Васенька. Не думала, что свидимся, - прозвучал голос чистый, звонкий и такой родной, что сердце у Васи замерло на мгновение.

А потом злость его взяла. Своровала ведь голос его любимой кикимора проклятая. Обнажил он свой клинок и на нечисть двинулся. Та отступила, он за ней. Чувствует парень, нет почвы твердой под ногами. На болотную землю он ступил. Так и пропасть недолго.

- Ишь ты! Чего удумала! Заманить и утопить меня хочешь? Не выйдет! Выходи! Честно драться будем.

- Эх, не узнаешь ты меня, Васенька, - грустно ответил любимый голос. - Я ведь это — твоя Ксения. Посмотри мне в глаза. Поверь! - подняла она ресницы и одарила парня взглядом светлым, лучистым.

- Врешь ты все! Кикимора ты! Взгляд и голос ты у моей невесты обманом выманила.

- Да не так все, Васенька. Я это! Ксения! - взмолился голос.

А Василию в ухо будто шептал кто-то: «Врет все нечисть. Морочит тебя. Убей! Убей ее быстрее! А Ксения дома тебя дожидается». Разум у парня мутился от гнева и ярости. Еще крепче сжал он клинок в своей руке. Одна мысль в голове стучала настойчиво «убить проклятую». Только как же добраться до нее? По болоту не пройти, увязнешь и уж не выберешься.

- Коль не врешь, выйди, покажись. Поближе подойди, чтобы лучше рассмотреть тебя я смог, - схитрил парень.

И она вышла. По кочкам проскакала и на землю твердую прямо перед ним опустилась. И тут уж он не медлил. Размахнулся и со всей силы вонзил нож ей в грудь по самую рукоятку.

Вскрикнула она, за рану кровавую схватилась и упала. И в тот же миг облик свой родной приняла. Видит Вася лежит перед ним, кровью истекающего любимая, его Ксения. Из глаз ее ясных слезы текут ручьями, из последних сил руку к нему тянет и говорит:

- Обманула тебя кикимора. Это она к тебе вернулась в моем обличье, а не я.

- Как же так?! Ксения, милая! Быть не может! Неужели все правда это или морок опять какой?!

- Правда, Васенька. Заманила она меня на болото. Дурман напустила, заколдовала. Сама же мной оборотилась, а меня здесь оставила болото охранять. Сказала, придет жених твой за тобой. Коль узнает тебя в таком виде неприглядном, домой вернется и свадьбу сыграете. А нет, навсегда здесь останешься.

И тут смех за спиной раздался. Обернулся Вася, кикимора стоит. По взгляду темному понял. Да и смех жутковатый, хриплый узнал.

- Верно девка говорит. Так и было все. Скучно мне стало на болоте одной сидеть. Позабавиться захотелось. И ты меня, Вася, позабавил. Жаркие ночи у нас с тобой были. Горячий ты парень, страстный.

- Ах ты, проклятая! Зачем же ты девицу невинную погубила?!

- Хорошо мне было с тобой, Васенька. Думаю, а почему бы мне с тобой навек не остаться? А убил ты ее, не я! Ты сам все сделал! - засмеялась она опять смехом жутким и исчезла.

Вася за волосы схватился, на колени упал и завыл по-звериному.

- Не вини себя, Васенька. Хитрая она. Обманула нас обоих. Дай обнять тебя лучше на прощание. Умираю я.

- Нет, Ксения, нет! Спасу я тебя. Потерпи, милая! - подхватил он ее на руки и побежал.

Мигом до избушки знакомой домчался. Внутрь зашел и на стол положил Ксению. А девушка уж еле дышит, побледнела. Губы посинели. Платье красным от крови стало.

- Говорила же, не выйдет ничего, назад вернешься, - ухмыльнулась Ульяна.

- Помоги! Спаи ее! Все, что хочешь, забирай. Жизнь мою забирай! Она мне не мила теперь стала. Виноват я так перед Ксенией, что вовек ту вину не искупить!

- Что ж, как пожелаешь. Вот, выпей это, - чашку ему протягивает. Пахнет та дурно. Жидкость в ней черная, вязкая, мутная.

- Что это? Яд, отрава?

- Пей быстрее, а то не успею невесту твою спасти. Умирает она.

Поморщился он, задержал дыхание и стал пить жижу противную большими глотками. А Ульяна заклинание читала:

*- Волчий хвост и волчьи уши.
Ты помощник будешь лучший!
Быть тебе моим слугой,
охранять ночной покой.
На луну протяжно вить,
мир людской совсем забыть.
Я велю, да будет так!
Мое слово — не пустяк.
Мое слово — здесь закон!
Ты навек мне подчинен.*

Допил Вася. Упала чаша из его рук, потому как они в лапы волчьи превратились. Сказать что-то хотел, да

только не получилось, завыл по-звериному. И вот уж стоит пред Ульяной не парень молодой, а волк серый поджарый. А глазами смотрит жалобно, по-человечьи. Погладила она его по голове и говорит:

- Не бойся, не всегда тебе в волчьем обличьи гулять. Время придет, и людской облик принимать сможешь. Помощь мне нужна, руки человеческие, потому не бойся. А пока так походи, попривыкни.

Волк перевел взгляд на стол, где уже без сознания Ксения лежала. Ведьма к ней подошла, пошептала что-то, руки на рану наложила, потом голову ей подняла и в рот залила что-то из склянки.

Щеки девушки порозовели. Вдохнула она глубоко и глаза открыла. Озирается по сторонам.

- Где я? Кто Вы, тетенька? Где мой Васенька?

Волк тут завыл, заскулил, хвостом завилял.

- Нет больше Васи, не увидишь ты его. Смириться тебе с этим надо, дочка. Жизнь свою он за тебя отдал.

- Как же так?! - залилась девушка горькими слезами.

- Не плачь. Любил он тебя сильно. Горевал, что не уберег. А тебе домой возвращаться пора. Вот садись на волка. Он вмиг тебя домчит.

Встала Ксения. Подошла к волку, по холке его погладила. Тот морду задрал, в глаза ей смотрит преданно. Она не сдержалась и в нос его поцеловала.

- Славный какой!

Села верхом на него. И побежал волк в сторону деревни.

Как только лес поредел, а в просветах между деревьями избушки показались, волк встал как вкопанный. Ксения на землю спустилась. Гладит его, за ушком чешет. Не хочется ей отчего-то с волком расставаться.

- Пойдем со мной, - говорит, - у меня жить будешь.

Замотал волк головой, попятился.

- Не можешь? Понимаю. Хозяйка тебя ждет. Ну спасибо тебе. Добрый ты, хороший. Я и не думала, что волки такими бывают. Ну прощай!

Развернулась и пошла. А у самой кромки леса обернулась. А волк на прежнем месте сидит и печально вслед ей смотрит. А потом голову задрал и завыл громко, протяжно. Вскочил и в лес убежал.

Ксения в деревню вернулась. Сначала жители настороженно к ней относились. Но присмотрелись, прежняя она стала, добрая девушка. Все хорошо с ней было. Только Васю все забыть не могла. Каждую минуту о нем думала.

Вскоре заметили люди, волк в их краях завелся. Каждую ночь к деревне приходит и воет грустно, жалобно. Но дальше леса не идет, беспорядков не учиняет. Потому его не трогали, не прогоняли. Жалели. Порой и гостинцы оставляли. А Ксения иногда и сама к нему выходила ночью. Не боялась уже ничего после приключений своих. Обнимала она волка, гладила и говорила с ним, как с человеком. И тот ее понимал. И даже отвечал что-то по-своему, по-звериному, лаем звонким и взглядом ласковым.

Прошло время. Смиловилась ведьма над ними. Не стала влюбленных разлучать. Вернула Василию его облик человеческий. Теперь он сам мог, по желанию своему в волка превращаться. И вскоре после того соединились они с Ксенией, только уж не в деревне, а под крышей ведьминой избушки, в лесной глуши.

Ден Ковач

Нерпа

Где-то на берегу холодного северного озера ты встретишь ее. В тот день, когда солнце будет ослепительно ярким, а воздух над серыми шершавыми скалами поплывет в летнем пьяном мареве. Тебе придется петь. Петь то, что ты умеешь, только гораздо лучше, чем ты умеешь. Ты будешь петь так, как никогда в жизни.

И если ты, конечно, сможешь... Если ты сможешь спеть о том, что хранится у тебя в сердце - о радости или печали, или горечи, или разочаровании... если ты действительно сможешь. В чем я сомневаюсь, потому что пробовали многие.

Если... Только тогда. Только когда ты справишься со многими-многими если, тогда из ледяной черной воды северного озера выйдет к тебе одинокая Нерпа.

Странный зверь с умными черными глазами и кожей гладкой и похожей на отшлифованную сотнями лет поверхность серых скал, уходящих своими каменными корнями в сердце северного озера.

Одинокая нерпа с умными и печальными черными глазами будет слушать твою песню. Будет слушать твою музыку. И неважно сколько радости или печали будет в ней. Важно, чтобы каждое твое слово, каждый звук был твой настоящий звук и твое настоящее слово.

Говорят, нет дна у этого холодного северного озера. Говорят, что вода там настолько же чиста, насколько холодна. А она обжигает холодом...

Говорят, что черный как зеркало лед на дне озера отражает небо и звезды. И даже в летний полдень звезд в глубине озера больше, чем в звезд в глухую безлунную

полночь в небе над твоей головой.

Говорят, что если ты сможешь и твоя песня прозвучит правильно, одинокая Нерпа возьмет тебя и опуститься с тобой в эту чудовищно холодную воду, в эту черную ледяную бездну, которую люди только по ошибке и незнанию называют озером.

Говорят, что не все возвращаются. Говорят, что те, кто возвращаются из этой бездонной черной глубины становятся совсем другими оно того стоит. Человеку, взглянувшему в черное ледяное зеркало в глубине озера открывается то, что есть самое главное в его жизни. Прошое. Будущее. Настоящее.

Я не знаю, правда ли все это. Я слушаю рассказы об одинокой Нерпе с печальными черными глазами. Слушаю рассказы о ледяном черном зеркале, в котором отражаются все звезды ночного неба и даже те, что никто никогда не видел.

Я люблю сидеть на серых гладких камнях, уходящих в темную глубину озера. Я не очень хорошо пою и совсем не умею понимать музыку. Я умею молчать. Я буду молчать и ждать одинокую Нерпу. Я умею молчать и ждать очень хорошо. Может быть, через десять лет или десять тысяч лет, одинокая Нерпа выйдет ко мне. Может быть, просто из любопытства или жалости. Какая разница?

И я спрошу ее, зачем и кого она ждет? Зачем встречает здесь и отводит их в черную глубину озера? Зачем ей вообще люди, когда у нее есть все звезды на свете? Все звезды вселенной в черной ледяной глубине и тишине. И не меня ли она ждет все это время? Станный зверь с черными печальными глазами. Не меня?

Ираида Букетова-Алвий
Сказочный город

Лаврентий перед Новым годом попросил родителей привезти лесную красавицу. Ждал он долго. В один из дней, только что вернувшись из школы, в большой комнате увидел настоящую ель, запах чувствовался по всей квартире. Рядом на полу лежали разные игрушки из Сказочного города.

– Какая красота! – воскликнув, стал наряжать елку.

Елка получилась нарядная. На переднем плане Золотой петушок, рядом Попугай и разные персонажи из Сказочного города. Лаврентий долго не мог засыпать, все думал об обитателях Сказочного города. В полночь стали бить куранты. Он заснул крепко и приснился прекрасный сон ...

Мальчик постучался в железные решетчатые ворота. Появилась Кошка с мягонькой шерсткой, рыжего цвета. На ней длинное платье с кружевным воротником. На голове панамка белого цвета.

– Ты кто, чужеземец, слишком большой? – спросила Кошка. С открытых ворот виднелись гномики в женской и мужской одежах. Все одинакового роста.

Кошка впустила чужеземца. Он, наклонившись до земли, обратился к старику гному.

– Дедушка, где можно посмотреть ваш дворец?

– Мальчик, ты великан. Поместишься ли в нашем городе? Сейчас позову колдунью, она уменьшит тебя. Захочешь стать маленьким?

– Согласен. Познакомимся для начала. Лавр, а так полное имя Лаврентий.

Старец быстренько маленькими шажками побежал во дворец. Оттуда вышла страшная маленькая горбатая старуха с большим, длинным, горбатым и крючковатым носом. Баба-яга с костяными ногами и когтями!

Мальчик сильно испугался, но виду не показал. А сам дрожит, как осиновый лист.

Старуха внимательно посмотрела сверху до низа, когтями повертела и ляпнула: «Да будь ты, Лаврентий Лаврушкой, меньше меня».

Вдруг появился сильный ветер, стал его кружить. Вокруг потемнело, затем солнышко взглянуло и перед старухой появился малышок муравьиного роста.

– Рад приветствовать, Лаврушка, в наш дворец.

– А можно посмотреть себя в зеркало? – спросил старуху.

– Ты такой же малыш, как и мы. Приглашаю в наш Сказочный дворец. Тебя сопровождает Мышка, – сказав, испарилась, как будто и рядышком не было.

Тут как тут появилась с темными глазками-бусинками, заостренными ушками, вытянутой остренькой мордочкой, в клетчатом синем платье, с белоснежным фартучком и платочком Мышка. Она направилась к горнице, сзади Лаврушка плетется. Мышка в колокольчик позвонила. Дверь сама открылась. Малыш увидел часы с циферблатом, на котором изображен гороскоп. Вместо цифр двенадцать фигур – Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы.

– Ах, какая красота, Мышка! А можно узнать мою судьбу?

Мышка отвечает: «Видишь, рядом золотую клетку с Кукушкой? Подойди к ней, она тебе все расскажет. А

пока я распрощаюсь с тобой Лаврушка. Мышка внезапно исчезла.

Лавр увидел над циферблатом Кукушку, которая каждый час выходила из клетки озвучивать время. Подошел к Кукушке и спросил: «Кукушка, расскажи обо мне».

– Ку-ку! А время было два часа. В это время Телец замычал, затем замолк.

– Вот теперь поговорим. У нас всего час времени.

– Кукушка, я зимой родился, в начале января. Каким я буду, когда вырасту? – спросил малышок.

Она отвечает: «Вижу в тебе честность и простоту, верность и надежность. Да ты, Козерог!»

– Спасибо, Кукушка, – поклонившись, увидел впереди трубачей. Они нежно ручками показали вперед и стали трубить, затем открыли дорогу мальчику. Лаврушка увидел Петушка. Он был такой красивый! На шее сверкало золотое ожерелье, а хвост словно пушистое перо, черно-синего цвета. Держался Петушок гордо и сидел на насесте. Лучи золота переливались различными оттенками солнца.

Увидев малыша, взмахнув крыльями, начал кукарекать: «Ку-ка-ре-ку-у-у!» Звон пронесся по всему дворцу, потом вдруг заговорил:

– Прощу в театр, – поклонившись, удалился. Лавр увидел Кота в золотой шляпе, а на ножках сверкали золотые сапожки.

– Лаврушка, приглашаю, – сказав, снял шляпу и моргнул глазками, затем двинул рот и начал речь: «Зрители, приглашаю на волшебную сказку «Волшебный орех». Счастливого пути в мир сказок». Поклонился и исчез.

... Жил да был Орех, не простой, а волшебный. Белки рядом резвились. Одна белочка нашла орех и взяла

к себе в дупло. В дупле вдруг Орех заговорил, а белка удивилась. Орех твердит: «Верни меня обратно», но белка возразила: «Орехи умеют говорить?»

– А я волшебный, – говорит Орех, – волшебный, не простой. Я могу исполнить три желания.

Белочка начала загадывать первое желание.

– Хочу быть королевой белок!

Все белки пришли и начала командовать ими. Белкам надоело, и они ушли.

Она загадала второе желание, но Орех не стал выполнять его. Он выпрыгнул из дупла, пока белка спала. Так Орех наказал самовлюбленную белку ...

В конце волшебной сказки вновь появился Кот в сапогах, попрощался со зрителями и проводил до выхода.

На выходе Лаврушку ждал Петух. Кукарекав, он позвал Мышку. Та быстро прибежала и проводила до выхода.

На крыльце дворца ожидал экипаж с тремя пушистыми зайчатами с длинными ушками и длинными задними ножками. В экипаже сидел важный кучер Муравей.

– Садись, Лаврушка, Сказочный город покажу, – крикнул Муравей.

Открыв дверцу, малыш сел в экипаж. Зайцы так быстро помчались, он чуть не вылетел. Вдруг внезапно остановился, он глазам своим не поверил: на набережной реки возник плавающий фонтан с разными красками с музыкальными мелодиями. Бесподобное произведение искусства!

Фонтан освещался разными оттенками, под цвета радуги переливаясь разными красками, привлекал всех внимания. У малыша от красоты повысилось на-

строение, улыбался и смеялся от души. Около фонтана заметил картинную галерею с декоративным табло и круглыми часами. С циферблата вышел изящный Олень с длинной шейкой, который отбивал бой часов своим серебряным копытцем. При световом эффекте казалось, как будто падают серебряные монетки.

Лаврентий от усталости промолвил тихим голосом: «Я устал».

«Вперед, зайцы, – крикнул Муравей. Экипаж помчался к дворцу. Встретила Мышка и повела мальчика в спальню.

Рано утром вернулась Мышка и сообщила: «Вас ждут во дворец Знание».

На входе дворца встретил гриб Боровик, он поворачивался, сдвигал шляпу, моргал глазами, потом с движением рта ответил: «Добро пожаловать, Лаврушка», и открыл дверь. Прозвучала тихая мелодия, в фойе зала встретил Попугай. Это был не простой, а волнистый попугайчик! Длинный, красивый хвост переливался всеми цветами радуги. Он стал вертеть головой, моргать глазами, в такт с речью открывать рот, приподниматься на ногах, махать крыльями, поднимать гребешок. Мальчик поклонился, и тут же Попугай постучал в дверь. Встретила очкастая Сова.

– Добро пожаловать во дворец Знание, Лаврушка.

У малыша глаза разбежались. Много всего можно узнать!

Сова вопрос задала: «Что бы ты хотел узнать?»

– Хочу узнать, как один цвет меняется на разные окраски?

Сова начинает показывать опыт: стала наливать то

одну, то другую жидкость, цвета менялись на желтый, затем на фиолетовый.

Сова вновь задает вопрос: «Еще что хочешь узнать?»
– Хватит, учитель Сова, устал.

На выходе Лаврушку ждал Петух. Кукарекав, он позвал Мышку. Та быстро прибежала и проводила до выхода.

На крыльце дворца ожидал экипаж с тремя пушистыми зайчатами с длинными ушками и длинными задними ножками. В экипаже сидел важный кучер Муравей и они отправились во дворец Пасека.

Встретил Трутень, сразу видно он лентяй. Он повел к пчелам. Лаврушка увидел ярких полосатых с желто-черной окраской насекомых. Они жужжали, искали еды – цветочной пыльцы и сладкого нектара. Вдруг пчела стала кружиться около мальчугана, вонзила жало в руку.

– Больно, – закричал Лаврушка. Муравей ответил: «Не бойся, будешь здоровым».

Попрощавшись с привлекательными яркими существами, мальчик, хоть и болела рука, помахал ладошкой.

«Вперед, зайцы, – крикнул Муравей. Экипаж помчался во дворец. Встретила Мышка и повела мальчика в спальню.

Рано утром вернулась Мышка и сообщила: «Вас ждут во дворец Океан».

На третий день Лаврентий очутился во дворце Океан.

Встретил Морской царь с колоритной внешностью – длинная борода, седые волосы, украшенные венком из папоротника. Своеобразно средство передвижения – гигантская раковина.

Лаврентий заметил большой аквариум с рыбками, морскими звездами. Дно океана усеяно необыкновенными ракушками разной формы различных расцветок, цветными кораллами, покрытыми морскими водорослями, сквозь которых мелькали золотые рыбки, мурены, каменные окуни, резвились черепашки и медленно парили полупрозрачные медузы с длинными щупальцами.

– Такая красота! – воскликнул малыш. Картина светилась светодиодами.

Прибыл экипаж. Муравей крикнул: «Сегодня последний день твоего путешествия. На экипаже к речке поедем».

– Поехали, – успел сказать малыш и тут же очутились около фонтана с изумрудной водой, переливающийся разными огоньками. В центре фонтана Лаврушка заметил цветок с закрытыми лепестками. Вокруг лягушата прыгают и квакают, поближе заметил крокодильчика, из пасти которого лились разноцветные струи воды. Вода пополнялась и лепестки прекрасного цветка нежно раскрывались. И вдруг, чудо – Дюймовочка! Крошечная девочка, которая появилась на свет из цветка, которой раньше служила колыбелькой скорлупка грецкого ореха. Она поднималась и раздавалась музыка, начали играть все цвета радуги. Дюймовочка начала вращаться, руки и голова вместе с ней. Вдруг уровень воды снизился, Дюймовочка присела, лепестки цветка вновь закрылись.

Насладившись фонтаном, Муравей ответил: «Пора во дворец».

Встретил старый гном.

– Ну, как тебе наш Сказочный город? Останешься навсегда?

– Дедушка, я хочу вернуться домой.

– Тогда позову колдунью.

Старец быстренько побежал во дворец. Оттуда вышла страшная маленькая горбатая старуха. Она внимательно посмотрела сверху до низа, когтями повертела и лягнула: «Да будь ты, Лаврушка таким, каким Лаврентий был».

Вдруг появился сильный ветер, стал его кружить. Вокруг потемнело, затем солнышко выглянуло и он стал таким же мальчуганом.

Открыв глаза, Лаврентий побежал к родителям.

– Папа, мама, с Новым годом! Я побывал в Сказочном городе и стал рассматривать на елке знакомые персонажи игрушек из сна.

Инна Черникова

Чияҗиң и шаверма

Один и тот же шум за окном уже какое утро подряд. Дождь. Стонет и гудит в водосточной трубе, стучится в стекло. Не выходить бы на улицу, не совершать ошибки.

– Моль ты, Арина, библиотечная, хватит уже говорить цитатами, давай потягушечки и вперёд, украшать мир, – вслух уговариваю себя, потягиваюсь в последний раз и выпрыгиваю из кровати.

Старый, весь потёртый, скрипучий, стоит лишь мизинцем на него ступить, паркет леденит босые ступни, будто булыжная мостовая. В настенных часах что-то шуршит и потрескивает в такт дождевым каплям за окном. Они давно не тикают, как положено, но время показывают исправно. В таком, как у них почтенном возрасте, можно иметь пару причуд.

– Широко и жёлто, простите, Анна Андреевна, утренний свет. Нежна апрельская прохлада... Да открывайся ты, шторка проклятая! – тяну в сторону тяжёлую ткань, чтобы взглянуть на пейзаж, не меняющийся здесь веками. Серо-жёлтые дома, бурые крыши, серая Фонтанка. Классицизм и ампи́р, красота.

Пора. Пора на работу. Сегодня по плану - юношеский читальный зал на Фонтанке, 36. Скажем честно, юношество сейчас нечасто ходит по читальным залам, работы у меня немного. Так... Навеять хороших дум паре подростков, заставить затрепетать от величия места случайно забредших туристов.

– Уходит наша эпоха, скоро все библиотеки станут электронными, и всё. Спишут тебя, Арина, на свалку истории... – привычка бормотать себе под нос, во мне неистребима. Нужно хоть на кухню выйти, чаю попить, с соседями поздороваться. Вон как раз кто-то в коридоре разговаривает.

Разговор в коридоре между тем переходил на повышенные ноты.

– С-с-с... С-с-сущность вы, Тата. Нос дерёте, как благородная, тоже мне. Ик! – явно нетрезвый мужской голос. – Я же к вам со всем сердцем, со всею душой своей. Вы, если бы вы знали.... Э-э-э-э... Как умеет любить хулиган... Ик!

Это Павел. Невысокий, невзрачного вида мужчина средних лет. Обычно одет в треники и растянутый свитер. Он присматривает за всеми рюмочными в центре города, там и пристрастился к алкоголю. Практически горит на работе. Перманентно и безответно влюблен в Тату.

– Вы совсем разум пропили? Су-у-ущность, – женский голос передразнивает мужской. – Гений. Genius loci, дух места. Это наше призвание, наша служба! И мы должны выполнять свой долг, каждый на своём посту! А вы! На кого вы похожи? Позор!

– Так ведь, душенька, ноблесс облич, положение, как говорится, обязывает. И должности-то и дела наши очень скромные. Не станете вы за своими шаурмичными доглядывать – пропадут они? Нет. Ик. Чего вы нос дерёте? Дозвольте сегодня навестить вас вечером?

– Хам! – женщина начинает всхлипывать. – Шаверма, сколько вам говорить, – это не про еду, это про словесность, про культуру речи нашего прекрасного города. Вы низменный человек с пагубной страстью, Павел!

Это Наталья – но чаще мы называем её Тата. Она хранит и оберегает все лучшие шаверменные в городе. Искренне считает, что это самое питерское блюдо. Терпеть не может слов типа «шаурма», «шаурмичка» и так далее. Злитесь и иногда мстит. Так что, если вы в нашем городе закажете «шаурму» вместо «шавермы» и после этого будете маяться животом, знайте, это стопроцентно её работа.

Да, в нашей коммуналке живёт всё сплошь странный народец. Духи местности, гении атмосферы. Наша задача – помогать людям проникнуться атмосферой не самых значимых, но неотъемлемых городских достопримечательностей. Те из нас, кто оберегает дворцы, музеи, храмы, живут прямо в них. А мы, рангом поменьше, – в коммуналках.

Это мы храним ваши воспоминания о нашем городе. Об уютной, не отмеченной ни на одной карте, кофейне за углом. О рюмочной, в которой потертого вида интеллигентный пожилой мужчина читал вслух Бёрнса, отбивая ритм рукой в воздухе. О зелёных решетках аллея Летнего сада, о том, как на них дрожала на ветру бахрома дождевых капель. Это мы показываем вам город с таких ракурсов, что замирает дыхание.

– Так и прокукуешь одинокая, к нам принцев не заседают. Тоже мне, словесность с ближневосточным налётом.

– Хам! – звук пощёчины.

Страсти, похоже, накалились до предела. Пора вмешаться. Открываю дверь в коридор.

– Павел, как вам не стыдно?! Тата, пойдёмте на кухню, душенька. У меня чай хороший есть, с травами. Попью и разбежимся по делам, – беру под локоток и увлекаю нашу хранительницу шавермы в сторону кухни. – А вы, Павел, подите лягте. Ваша смена вечерняя, успеете в себя прийти.

«Скр-р-р», – открылась дверь комнаты в конце коридора. Странно, сколько себя помню, она всегда стояла нежилая. Из комнаты в коридор вышел, растерянно озираясь, высокий, рыжеватый, лохматый молодой человек, одетый в зелёную, похожую на форменную куртку. Новенький? Ого! Говорят, такое бывает раз в сто лет.

– Здравствуйте, я Чижик. Меня сюда направили, жить. Я, право, совсем в растерянности, – произнёс молодой человек, слегка заикаясь. – Познакомимся? – он посмотрел на Тату.

А на нашу Таточку грех не заглядеться, сочная девушка. Вся такая аппетитненькая, маленькая, беленькая, с зелёными яркими глазами.

– Тата, – она протянула ему миниатюрную пухлую ладошку, – если вы непьющий и соблюдаете чистоту на кухне, мы подружимся.

– Что вы, я совсем не выпиваю, в рот не беру! – молодой человек склонил голову и поцеловал протянутую руку. – Сам удивился, что меня к Чижиху-Пыжиху назначили. Там же вот это знаменитое: «На Фонтанке водку пил». Но им наверно виднее, сказали, что пора

и этой достопримечательности обрести своего хранителя. Фактура, говорят, у тебя подходящая, а с водкой – ничего, научишься...

Павел пошатнулся в сторону Чижика: «Ты Татке-то, того, глазки не строй. А водку я тебя научу в Питере пить». Снова пошатнулся, поднял голову, наткнулся на взгляд молодого человека и сник. Стал как-то совсем маленького роста и зашаркал к себе в комнату, бурча на ходу: «Тоже мне, Чижик. Одиннадцатисантиметровая достопримечательность. Нужен он тут, как же...»

Так, пауза явно затянулась. Тата с Чижиком смотрят друг на друга и молчат, будто языки проглотили

– Ну вот, почти и познакомились. Я – Арина, гений места Императорской публичной, ныне Российской национальной библиотеки. Заодно и всех прочих городских библиотек. И мне уже пора отбывать к месту службы. Думаю, никто не будет против, если я вас покину. А Тата введёт вас в подробности нашего коммунального жилья.

– Ах! Да-да, – девушка зарделась, – пойдёмте на кухню, чай пить, у нас там уютно. Я вам всё расскажу, а после можно вместе на работу пойти. Как раз недалеко от Чижика-Пыжика шаверменная, которую я сегодня посетить наметила.

И они пошли по коридору, высокий и маленькая, рыжий и беленькая. Земля и небо, лёд и пламень.

Весна в Санкт-Петербурге. Весна.

Наталья Бондарь

Русалџины именины

Утро медленно ползёт по городу, застревая над заводскими трубами. Целых пять красно-белых рупоров выпускают на голубое небо сероватую вату. Она падает тенью на вы-сокие дома, раскрашивая их в оттенки пыльной гаммы. Огромный завод прячется где-то во дворах, похожих один на другой.

Солнце дырявит городскую серость, раскрашивая её сверкающим золотом, и заводские рупоры возмущаются: дым летит в небо быстрее, затягивая солнце своей серостью. Тонкие золотые лучи бегут от них вниз, спускаются на ветки тополей, прыгают по осенней листве, играют на окнах пыльных многоэтажек, сверкая золотом уже на лохматых детских макушках, которые досматривают в своих кроватях последние кадры волшебных снов.

Самый обычный день просыпается в самом обычном городе и застывает в ожидании. Пара часов — и лохматые макушки высунутся из-под одеял, сладко потянутся навстречу приключениям. Ноги понесут их сонной походкой по важным детским делам.

И только самые везучие восьмилетки и семилетки, подхватившие вместе с осенней хандрой звонкий кашель, останутся досыпать в кроватях, затевать домашние шалости, а к концу дня совсем устанут хандрить.

Сегодня, на свои девятые именины, Кареника вопреки собственному обычаю встала рано. Стоило

только золотым лучам постучать в окно, как Кареника высунула из-под одеяла свой длинный нос и принюхалась. Ещё глаза открыть не успела, а девичий нос уже заключил: «Утро-то не началось толком».

Но лучше прямо сейчас встать, пока дома никто не проснулся. Тем более, в этот раз мама обещала испечь именинный торт. Ничего такого ведь, если на него раньше времени посмотреть.

Вот и русалка, которую Тишка Каренике на настоящие именины подарил, тоже так думает. Затрещала из-под кровати, а потом даже выползла, головой кивая и хвостом по полу хлопая.

В простое утро, когда именинами и не пахнет даже, Кареника раньше полудня не встаёт. Ворочается с бока на бок, нос под одеяло прячет, а голову — под подушку, чтобы утро её своими лучами не будило. Коса у Кареники от таких прятков в один большой колтун сбивается, потому что подушки неудобные — маленькие, такие, что под ними хорошо по-вертеться надо, пока от солнца не спрячешься.

«Вот у бубушки Тоньи в деревне не такие совсем, — думает Кареника, — бубушкины подушки мягкие, как летние облачка. За минуту высыпаешься и досыпать на надо». Вспоминает Кареника, как хорошо ей в деревне Лягушкино спится до самого полудня. А мам-папа её всё никак в школу не добудят. Сопротивляется Кареника раннему подъёму, привирает сквозь чешуйки сна, мол, в школу ко второму уроку только, я ещё пять минуточек поле-жу.

Тут-то Каренике младший брат все планы и рушит. Как он в школу пошёл, так всё время Кареникино

школьное расписание знает. И никогда её ни ко второму уроку, всегда — к первому, в субботу даже. Но Кареника и от него отбивается. Обижается на мам-папу, глаза жмурит и стонет, что после таких братовых ябед в школу совсем не пойдёт.

— Мам-пап, над Тишкой в школе хохочут все. А он трус! Прыгает как лягушка и за спину мне прячется, — жалуется Кареника на брата.

А мам-папа только пальцем в ответ грозят. Думают, что это всё кривда, будто у Тишки этой кривды вовсе не бывает. Говорят, мол, ничего такого нет, что Тишка от хулиганов убе-гает. Наоборот, смелый у тебя, Кареника, брат растёт и неглупый.

Тогда уже и Кареника на Тишку ябедничает:

— Мам-пап, он опять меня русалкой назвал! Хвост у меня растёт, говорит. И что ско-ро большой-большой вырастет. А мне же не видно, вдруг там и правда хвост, посмотрите!

Про хвост мам-папа над Кареникой совсем хохочут. А ей обидно: вдруг и правда вы-растет, вдруг это не Тишкина кривда никакая.

Русалка — это ведь что такое вообще? Рыба как есть. Чешуя с неё во все стороны ле-тит, если хвост чуть-чуть поскрести; по суше только ползать может, и то недалёко; и имени-ны русалкам совершенно точно не положены. А у Кареники именины каждый месяц и каж-дый раз — с подарком.

Вот сегодня снова именинный день. Значит, при-помнить брату все обиды.

Кареника вздёрнула нос, стряхивая с него остатки сна, и снова принюхалась: морков-ным тортом пах-нет. Вкусно и хорошо.

Механический хвост согласно хлопает по полу, солнце весело танцует имениннице по конопатому лицу. Всё вокруг будто подначивает Каренику на праздничную шалость.

«Вот бы сначала Тишку заиграть, а потом тортом позавтракать, — думает девица, за-правляя кровать, — надо только юбку блестящую надеть!»

Разоделась Кареника в праздничное. Юбка клинья-ми во все стороны сверкает, блузка новая с бахромой, словно не руки у Кареники, а крылья — специально её в школу ни разу не надевала. Даже колтун на голове распутала и в косу аккуратную заплела. Пусть теперь все знают, у кого именины! Повертелась в зеркале, повыбразжала. И хвост на всякий случай про-верила — ничего нет, только две ноги самых обычных — так пошла Кареника братову ком-нату штурмовать.

На цыпочках идёт, аккуратничает — даже юбка на ней смирно сидит. Вот Кареника уже к Тишкиной комнате подошла, только дверь открыть нужно — и добыча сама в клюве окажется. Не заскрипела бы дверь Тишкина, а то ведь проснётся братец раньше времени, в болоте своём спрячется и ловушку какую-нибудь Каренике придумает. Как в прошлый раз, когда он всю одежду из шкафа на себя выкинул и робота ей под ноги отправил. Никакой ша-лости тогда не вышло.

Кареника грозно шепчет двери, чтобы та не скрипела и руки вверх поднимает, будто бы она хищная птица:

— Помнишь, в прошлый ты заскрипела, а я ногой тебя ударила? В этот раз сильнее ударю, чтобы тебя

мам-папа на щепки разобрали и как вещь ненужную выкинули. В мусор прямо!

И дверь Тишкина тише тишины становится. Открывает Кареника дверь в Тишкину комнату, встаёт у кровати словно цапля на болоте, а вздёрнутый нос хищно над Тишкой нависает.

— Бу, лягушати́на! — кричит Кареника во весь голос и одеяло братово вон из комна-ты тащит, — вставай, лягушка трусливая, именины мои праздновать будем. А твои не будем, потому что нет их сегодня! Вот тебе за ябеды. Вот — за русалку!

Тишка от такого нет, чтобы с кровати соскочить, вжался в подушку, глаза испуганные на дверь выпучил. А та чуть слышно своё извинение скрипнула и прикрылась. Какой, мол, у меня выбор: или молчи, или как вещь ненужную в мусор твои щепки выкинут.

Кареника дверь снова открывает и на Тишку выглядывает. В одеяло завернулась — совсем его себе прикарманила:

— Вставай, лягушати́на, поднимайся! Нечего залёживаться, весь день тогда проспидь.

— А вот и встану, вот и косу тебе надёргаю, — Тишка говорить-то говорит, а колени всё равно трясутся, совсем как у лягушонка, — вот и встану, и надёргаю!

Кареника на братову угрозу только нос насмешливо вздёрнула и язык высунула — дразнит Тишку:

— Именины, именины! У меня торт будет, а тебе, лягушати́на, торта никакого! Вот и всё, вот и так!

— Ты, Кареника, зеркалу лица свои некрасивые строй. Чудище речное ты, вот кто. Русалка! — обзывается мальчишка в ответ.

А Каренике стоило только про русалку услышать, нос сразу поник и насупился. Щёки девица надула и с одеялом Тишиным на него же в атаку пошла.

У ребёнок-то семилетних какая оборона? Только обзывается, а как в драку лезть — только бояться и прятаться. Вот и сейчас Тишка вжался в кровать, ноги с руками против оде-яла выставил и коленками дрыгает — пинается будто, а на самом деле прячется. Руки у восьмилеток длинные, да ещё и настроение именинное. Куда уж Тишке с такой справиться. Только если обиду какую в неё кинуть.

— Именины вообще не каждый месяц! Это ты мам-папе специально напридумывала, чтобы тебе торт всё время и подарки. — кричит Тишка, голову из мягкого капкана освобож-дая.

Кареника тогда ещё метче в макушку брату целится, ловит его, через пинки прорыва-ясь. Тишка коленками тогда ещё сильнее дрыгает и в кровать совсем сильно вжимается.

Но тяжёлое одеяло всё-таки настигает его взъеро-шенную голову, и так Кареника ло-вит брата в крепкий одеяльный капкан.

Минуту целую восьмилетка держит брата и доволь-ная прочь убегает, дверью со всей силы хлопая.

А Тишка в одеяле полежал-полежал, но так и не уснул никак. Пришлось ему совсем просыпаться и тоже с кровати вставать.

Страшно на Каренику снова нарваться, но ведь и тортом морковным не каждый день позавтракать

можно! Это Тишка перед сном про морковный торт подслушал, как мам гово-рила, что такой сегодня испечёт. До самой ночи, его пекла, наверное, а сейчас утро совсем раннее: мам-папа спят — торт с утра есть никто не запретит. А если что — можно сказать, что сладкое с утра — это и невредно даже. Вот бубушка Тонья торты с утра даже рекомендует. Тем более морковные.

Одеяло Тишка под матрас на всякий случай прячет. Вдруг Кареника и правда в ком-нату снова проберётся. Тогда точно Тишку с одеялом вместе к кровати пришьёт. На дверь-то теперь надежды никакой.

Именины у Кареники — чего угодно жди и одеяло прячь.

Теперь можно и на торт поглядеть. Подходит Тишка к двери, а та расстроенная вся — еле-еле на петлях держится. Поправляет её Тишка, жалеет — мам-папа ведь только в про-шлом году её к комнате приделали. Поскрипывает дверь досадливо, прощения за Кареники-ну шалость просит. А Тишка на полу пистолет клеевой нашёл и петли обратно к двери при-клеил. Может, так ещё одни именины переживёт.

Стоит Тишка теперь перед дверью и смелости набирается — никак выйти не решится. Может, и не минуто даже, а целых десять. Стоит прямо на пороге, за дверь держится, а из комнаты выйти — коленки дрожат.

Вострое Тишкино ухо внимательно слушает. Вот муха пролетела и затихла. «Торт морковный наша, наверное», — беспокоится Тишка. Вот мам-папа в сво-

ей комнате потяги-ваются. Чувствуют, что скоро на работу им вставать придётся. На завод идти, который всё время облака серо-белые из труб своих выпускает.

«Лишь бы раньше времени не встали», — переживает Тишка, но всё равно за дверь выходить не торопится.

А это что?

Прислушивается ухо, но не разберёт никак — то ли по полу кто-то ползёт, то ли по воздуху косым маршрутом выражает. Любопытно мальчишке. Да и Кареники уже полчаса из-за двери не слышно. Куда она делась? Торт весь съела, наверное. Вместе с мухой. А муха спаслась еле-еле и теперь летает вот, жужжит себе потихоньку.

«Это Кареника грязную облизывает, наверное, — так Тишка думает, — не по полу кто-то шлёпает, а она остатки сладкие доедает. И лицо некрасивое сама себе строит».

Расстроился Тишка, что из-за трусости своей весь торт морковный пропустил. Но раз уж всё равно раньше мам-папы проснулся, надо зубы хотя бы почистить. Надо только проверить, вдруг Кареника уже все остатки с тарелки облизала и за дверью Тишку ждёт. Робота на разведку отправить надо!

Робот у Тишки только с третьего раза нашёлся — спрятался в пыльном углу за шторами и выключился. А пульт от робота в позавчерашнем носке нашёлся. Все носки проверить пришлось, прежде чем разведка началась.

Встал Тишка на середину комнаты, робота рядом поставил и кнопку на пульте нажал.

— Бэт! Нужно проверить дверь!

По голове у робота забегали красные лампочки и, сверкая ими, робот покатил своё круглое тело к двери. Та послушно открылась. Робот повернул направо, доехал до стены, пронёсся обратно мимо Тишкиной комнаты и с грохотом во что-то врезался.

— Ага! Значит, ты меня за дверью поджидала. Вот тебе тогда подарок на именины! Не такой, какой я тебе подарить хотел, а получше даже.

Тишка думал, что Кареника снова к нему в комнату залетит, но та даже не ответила ничего. Только звук какой-то непонятный из-за двери слышно. И ещё — как робот что-то пе-реехать пытается.

«Помочь надо!» — проносится по Тишкиной голове смелый порыв. И так худые ноги семилетки чуть ли не против его воли шагают за порог.

В длинном коридоре между Тишкиным велосипедом, аккуратно поставленным на руль, и Кареникиным самокатом, косо припаркованным к стене, болтается рыбий хвост. Он шлёпает огромным плавником прямо по полу.

Робот пытается заехать на хвост, но круглое тело скатывается, и тот только во все стороны качается, чуть не падая.

— Бэт, ко мне! — Тишка откатывает робота в свою комнату, пульт вслед за ним туда кидает. А сам к хвосту присматривается — не видно рыбьей головы, только чешуя от каждого хлопка летит.

Тишка испугался было, обратно в комнату попятился. Но дверь тут как тут оказалась. Толкнула семилетку обратно, мол, чего тебе рыбины какой-то бояться.

Нечего делать — придётся с хвостом познакомиться.

Подходит Тишка к рыбине ближе, нагибается и рукой осторожно хвост скребёт. Че-шуя ещё сильнее по коридору летит, цепляясь и за велосипед, и за самокат, и даже за кори-дорные стены.

— А русалка-то настоящая! — заключает семилетка, отмахиваясь от летучих блёсток.

Хвост на этой фразе задумался. По полу больше не шлёпает, спокойно лежит, плавник свой раскинув. Да так плавник раскинулся, что Тишке любопытно стало, какая голова этим хвостом вертела.

Шагает Тишка к голове по стеночке — побаивается, вдруг русалка злая и его ухватит. По хвосту же не понятно, это как у бубушки Тоньи в деревне русалка или как в сказках у неё — зубатая и всё время всем кривды строит.

«А вдруг рыбина Каренику съела? Тогда какая? Со всем ведь не страшная, вроде бы друг даже. А если Каренику съела и меня съест?» — от страха Тишка в велосипедную раму по-лягушачьи хватает. Рама железная холодная и приятная — Тишке спокойно, и страх от этого насовсем куда-то прячется.

Медленно-медленно шагает семилетка дальше. Глаза на рыбину пучит. Внимательно глядит: одежда у рыбины человеческая какая-то — вроде даже хвост в юбку блестящую наряжен. И руки как крылья — нитки какие-то во все стороны из кофты торчат.

И коса!

— Так и знал, что ты в русалку рано или поздно вырастешь! — Тишка рыбине говорит, а та на него Кареникиными глазами смотрит и губами шевелит

беззвучно, — вот тебе именины. Русалка-трусалка! Русалка-трусалка!

А Кареника только воздух ртом хватает и не говорит.

«Выдохлась, наверное, так хвостом шлёпать»

Думает так Тишка, а вслух дразнится:

— Обхвостатилась ты, Кареника, по-рыбьи прямо на именины! — не может удержаться, одеяльный капкан вспоминая, — вот и никакого тебе торта. Сам всё съем, не покажу тебе даже! Злых русалок, как ты, черти речные воруют, никаких именин им не положено.

Кареника на брата злобно смотрит, руками за ногу ухватить пытается. А Тишка скачет от неё ловко, будто он лягушка настоящая, русалки понастоящему даже. Раз Кареника рыбиной стала, то можно её не бояться — не догонит. Только лицо у неё теперь всегда некрасивое будет, а не только когда Кареника специально его строит.

— Это всё потому что ты мам-папе про второй урок кривду говоришь! — никак Тишка не успокоится, хоть и знает, что Кареника в русалку совсем не поэтому превратилась, — у тебя теперь даже нос как у индюка, так от кривды только бывает. Русалдюшка-трусалдюшка! Вот тебе именины, вот!

Что Кареника русалка самая настоящая, Тишка ещё с того случая знал, когда чешуйку русалочью ей в рот случайно закинул. Целых три недели уже прошло, и Тишка всё ждал, что сестра в рыбину хвостатую превратится и поймёт, что он никакой кривды не говорил. Ждал, чтобы мам-папе волшебство показать, хоть и боялся немного, что они не поверят, как обычно.

Мам-папа ведь совсем в волшебство не верят — к бабушке Тонье не ездят. На завод только постоянно ходят, чтобы работу работать и облака искусственные из труб выпускать. И после завода этого всё в комнате лежат, ничего больше не делают. Волшебство таких не любит, наверное. Оно, наверное, таких, как бабушка Тонья, любит — чтобы и в доме волшебном жили, и сказки рассказывали, и деревня вокруг чтобы тоже волшебная была. Нравится волшебству, когда всё вокруг волшебное.

Про мам-папу Тишка только одно волшебство знает, и то на Кареникиных кривдах построено. Именинами называется. Их мам-папа придумали, чтобы та в школу по утрам вставала. Если за месяц ни разу не проспала, тогда именины положены. Двенадцать раз в год именины и ещё день рождения. Но если Кареника хоть раз за месяц школу проспала — тогда никакого торта ей и никаких именин.

Хорошо, что Тишке можно Каренике подарки не дарить, а то ведь. Но он всё равно дарит, потому что волшебство, даже когда на кривде выросло, всё равно волшебное.

Обидно только, что восьмилеткам и спать до полудня можно, и торт целых тринадцать. Неправедливо как-то. Вот Тишка и наябедничал мам-папе, что у Кареники никаких вторых уроков не бывает, потому что она в школу всегда опаздывает, а значит, и именин ей никаких не положено.

Думал Тишка, что как про кривду Кареникину мам-папа узнают, накажут сразу. Или вообще под замок посадят. В сказках у бабушки Тоньи всегда, если русалки себя плохо ведут, их сразу где-нибудь запи-

рают. Бубушка Тонья таких сказок дюжину целую знает. Но Тишка что такое дюжина не понял, поэтому говорит «куча целая».

Оттого Тишкина дюжина солиднее получается.

«С восьмилетками по-другому как-то, не как с русалками», — Тишка решил, что Каренику мам-папа поэтому именин не лишили, и ждал, когда та в русалку превратиться и можно будет её по-русалочьему наказать.

И дождался теперь.

Только Кареника совсем не шевелится уже. И даже Тишку ухватить не пытается. Тишка хвост поскрёб — даже чешуя не летит теперь. Глаза у рыбины только Кареникиной злобой щурятся, но и те уже тусклые совсем.

Это потому что русалки в реке живут, а Кареника на полу пристроилась. Неудобно, наверное, когда воды вокруг нет, а она нужна.

Подумал Тишка, подумал и решил всё же намочить Каренику. А то мам-папе такую рыбину показать — не поверят, совсем ведь она на Каренику непохожая стала.

На кухню надо сходить.

Вода шипит в кране, когда Тишка кружку подставляет, а торт морковный прямо на столе стоит. Совсем не тронутый. Ждёт, кто первым до него доберётся. Тишка осматривает торт, облизывается, еле-еле себя вернуться к рыбине заставляет.

А Кареника на воду очень выжидательно смотрит. Как кошка на консерву, и уже не злится вроде. Наоборот — ласково глядит на Тишку. Но мальчишка и

тут не спешит: выбира-ет, как бы так русалку одним стаканом облить, чтобы за вторым не идти.

Вертится вокруг Кареники и с разных сторон при-меряется.

— У-а-а-агрх! — Кареника-рыбина что-то Тишке сказать силится, но звуков понятных в этом чём-то нет. — У-а-а-агрх!

Раз Кареника на воду смотрит — значит, того ей и надо. Всё правильно значит!

Только Тишка всё никак решиться не может: хвост поливать или всё-таки лицо.

— Как тебя полить, чтобы у тебя лицо не такое не-красивое обратно стало?

— У-а-а-агрх! — еле слышно уже Каренику.

Решил Тишка поменьше думать и стакан с водой почти ко рту поднёс, чтобы в лицо Каренике плюнуть. Но вода-то из-под крана. Запах у неё невкусный какой-то оказался — то ли тиной пахнет, то ли мусоркой. Та-кую даже бубушка Тонья пробовать не советует.

«А если ей русалок поливать нельзя? От такой воды Кареника может целым чёртом стать!» — решил Тиш-ка на кухню за чистой водой сходить.

— У-а-а-агрх! — Кареника в след ему хрипит.

— Да погоди ты, — Тишка под нос себе говорит, чтобы мам-папу раньше времени не разбудить. — Вода из-под крана же. Вдруг ты тогда хуже русалки станешь? Чёртом целым стать хочешь? Или похуже ещё чем! Тогда я от тебя никуда не спрячусь, придётся к бабушке переехать и...

Как вкопанный Тишка на полпути встал и крепко-крепко задумался. Представил, как ему хорошо будет

у бабушки Тоньи в Лягушкино. Не только в каникулы жить, а совсем навсегда. На мягких подушках спать будет — это во-первых. Ещё и деревья-самшиты так шумят, так баюкают, что это можно и во-вторых. А в-главных — никаких одеяльных капка-нов никогда больше, потому что бабушка Тонья никаких чертей к себе в Пушистый дом не пустит!

Вспоминает Тишка, какие ему бабушка Тонья истории рассказывает: и про чертей, и про русалок — каждая про Лягушкино. Из дома выйти можно и со всеми сразу перезнако-мишься. Главное — подмечать из бабушкиных сказок, где кого искать.

Только с чёртом Тишке знакомиться не хотелось, потому он себе ухо вострое натрени-ровал. Оно чёрта теперь за тридцать три километра слышит.

А русалки у бабушки Тоньи в деревне не как Кареника совсем — красивые и добрые. Песни поют, хвостами воду в речке крутят. А сама бабушка — это вроде как приведение. По дому в белом ходит, крендель на голове накручивает. По ночам туда-сюда ходит и половица-ми скрипит.

В городе у мам-папы такого не придумаешь даже — всё серое какое-то и тиной пах-нет.

В один прыжок Тишка к Каренике возвращается и весь стакан на неё как попало вы-ливает. Кареника воду губами хватает, напиться пытается, но рот-то у русалок дырявый — это всем известно. Потому они воду снаружи и хранят.

Теперь Кареника лицом в луже бултыхается.

Только в чёрта почему-то не превратилась. И красивее не стала, фырчит теперь по-человечьи только:

— Заколдовал меня, лягушати́на, да? Быстро расколдовывай теперь, а то как крикну, мам-папа сразу прибегут и никакого торта ты не получишь!

— У тебя, Кареника, такое всё равно лицо некрасивое! Ты даже в чёрта не превраща-ешься, потому что он тебя красивее.

— Чего-о-о? — русалка руками вертит, хвостом бьёт, ухватить Тишку пытается.

А тот в сторонку прыгает, за самокат прячется — и уже безопасно. Коридор-то длин-ный, в нём даже в прятки играть можно. Но Кареника от воды активная стала — пол колотит, ползти к брату пытается.

— Русалки ползают, только скользко если, — говорит ей Тишка из-за самоката, — я же на тебя один стакан всего вылил, да и тот вон весь впитался уже. Не догонишь поэтому!

— Расколдовывай меня, лягушати́на. Расколдовывай, кому говорю! У-а-а-агрх! У-а-а-агрх!

Тут у Кареники опять силы кончились и голос человеческий пропал. Тогда она такую гримасу Тишке состроила, что к тому даже страх чуть не вернулся. Но потом Тишка на Каренику-рыбину посмотрел и решил, что без воды она ему никакая не страшная. Можно не бояться и водой по чуть-чуть поливать, пока мам-папа не проснуться.

Жалко только, что к бабушке Тонье совсем навсегда уехать не получится теперь. Ну хоть торт морковный можно съесть теперь, раз с русалкой всё понятно стало.

Вострое Тишкино ухо как раз услышало муху, которая над тортом кружит. А ещё оно мам-папины ворочания услышало.

«Вот если встанут прямо сейчас, тогда торт съесть точно не успею! А если мам-папа Каренику в коридо-

ре с хвостом увидят, то точно не узнают. Выкинут её как вещь ненужную, в мусорку прямо. А мне скажут, что это всё кривда, и меня накажут. Может, ещё и подумают, что Кареника потерялась, и плакать будут. Даже и на завод свой ходить перестанут. Всё вре-мя в комнате своей лежать будут и плакать».

Не хотелось Тишке, чтобы мам-папа думали, что он им кривду рассказывает. Тем бо-лее у Кареники именины сегодня. Какое-никакое, но волшебство. Не-хорошо, если мам-папа плакать будут.

Тогда Каренику надо из русалки обратно превра-тить. Только вот как, Тишка знать не знал. У бубушки Тоньи в сказках про это ничего не было.

Подумал Тишка, подумал. И решил всё же сначала торта морковного поесть. Вдруг успеет. Хотя бы кусо-чек.

Может, тогда чего придумается.

Вот уже на кухню пришёл, вот даже и муху за кры-лья словил. Вот муха за окном те-перь и совсем её не слышно. Только ложка в руке у Тишки над тортом зависла, вострое ухо просигнало, что мам-папа со-всем почти проснулись. Вот-вот встанут с кровати, в коридор выйдут, и...

Придётся Тишке побыстрее теперь думать. И без торта во рту.

«Надо, чтобы Кареника хотя бы говорить могла, — Тишка снова стакан берёт, чтобы воды набрать, но вспоминает, что стакана одного на всего ничего хват-ает. Не натаскаешься. — Надо чтобы вокруг воды много стало! Чтобы на подольше хватило. Надо устро-ить по-топ!»

Этот план Тишку в обе коленки поразил — сто раз семилетка видел, как в ванной колено водопроводное отваливается. А в половине разов не только колено отваливалось, ещё и вода лилась так, что соседи на два этажа снизу приходили и на мам-папу фырчали недовольно.

Да и пап-мама вечно говорят, что колено-то в ванной на честном слове только и держится.

Выходит Тишка с кухни в коридор обратно. Смотрит, а рыбина опять затихла и хвостом по полу не колотит. Перешагивает Тишка через неё, идёт в ванную прямо по коридору. Одной рукой колено отрывает, другой — воду включает. Прямо из-под раковины теперь река целая на Каренику бежит. Тишка только и успевает от воды убежать. Но та всё равно Тишку нагнала и только у Кареникиного хвоста застыла.

А восьмилетка в луже барахтается, руками машет, хвостом по воде хлопает. Совсем ожива: нос привычно вздёрнулся, вертится во все стороны; и даже вроде бы покрасивее стала; и...

— Не уйдёшь, лягушатаина! Не убежишь! — ловко схватила рыбина Тишку за ногу. А тот на пол со всей силы грохнулся.

Столько шуму в коридоре разом стало, что никакого уха вострого не надо, чтобы услышать, что мам-папа проснулись.

Мигом Тишка из лужи вскакивает:

— Дохваталась, русалка-трусалка! Мам-папа проснулись, слышишь!

Но Кареника брата снова за ногу хватает. Тишка больше не падает, хоть и вырваться из русалкиных рук никак не может.

— Расколдовывай! — фырчит Кареника на Тишку, но руки за помощью теперь тянет, не чтобы ухватить его. — Расколдовывай, кому говорю. Мам-папа сейчас в коридоре нас увидят, что тогда им скажем?

— Это не я!

— Врёшь, лягушати́на! Это ты про русалку всё время говорил и на именины заколдовать меня решил. Врёшь!

— Не вру!

— Тогда докажи!

Водопроводная река уже и в комнату к Тишке пробралась. Стоит теперь семилетка в воде по щиколотку, русалкой схваченный, а вокруг него носки вчерашние и позавчерашние проплывают. И робот, и пульт от него, и пистолет клеевой даже.

А ещё мимо проплывает шар волшебный. Его Тишка на прошлые именины Каренике дарить собирался, но разобиделся, что она ему снова шалость устроила — так и не подарил. Себе оставил и целый месяц сестре хвастался.

— Вот шаром докажи! — Кареника носом на шар показывает.

Хватает семилетка шар и вслух вопрос задаёт:

— Бэт, это я Каренику в рыбину заколдовал что ли?

Шар долго думает, экраном своим сверкает и наконец выдаёт «может быть».

«Хорошо, что не “да”», — думает Тишка и Каренике шар показывает.

А у мам-папы уже будильник всюду звенит. Слышно, как они за дверью на работу собираются. Вот как

выйдут сейчас, как увидят и потоп, и русалку, и Тишку посреди коридора. У семилетки на это даже плана никакого нет! Стоит и смотрит, как одеяло Кареникино мимо проплывает.

А, вот. Теперь есть.

— Хочешь, я тебя до кровати докачу и под одеяло мокрое засуну? Но только если ты на именины ходить ко мне больше не будешь?

Кареника на Тишку смотрит, и еле держится, чтобы носом не кривить:

— Прямо докатишь?

— И если я ещё и торт именинный весь съем.

Фырчит Кареника недовольно, но раздумывать некогда. Кивает восьмилетка головой еле заметно, мол, кати. И даже ногу Тишкину из рук выпускает.

Берёт семилетка рыбину за хвост, тащит её по коридору. Ногами в пол упирается, пятками хлюпает — тяжёлая.

У мам-папы будильник в пятый раз уже звенит. «Хорошо, что мам-папа собираются долго», — думает Тишка, но всё равно торопится, как только может. Тянет Тишка Каренику в её комнату, совсем и не акkuratничает.

Наконец, рыбина в комнату докатилась. Кое-как Тишка её на кровать закидывает, одеяло из воды ловит и с головой восьмилетку накрывает.

Одеяло — капкан. Как Кареника любит, так её и укутал. И мигом к себе в комнату убежал.

Только-только дверь за Тишкой закрылась, только-только он на кровать прыгнул — вид сделал, что проснулся недавно совсем, — и мам-папины голоса в коридоре уже:

— Потоп! Потоп же опять, смотри! Говорила тебе сколько раз, почини.

— Да и так хорошо всё работало, чего тебе?

Мам-папа по коридору забежали, а Тишка с Кареникой в комнатах своих сидят и слушают.

Мам-папа Тишку первым будят — стучат ему громко по двери. А потом и за Кареникой идут:

— Вставай, именинница. Торт уже тебя ждёт не дожждётся, — мам Каренику на именины всегда так будит. Только теперь одной рукой в дверь постукивает, другой — реку тряпкой собирает.

А Кареника в ответ только:

— У-а-а-агрх! У-а-а-агрх!

— Ты это чего? Захандрила что ли? — мам тряпку отбрасывает и в комнату к девице заходит. — И потоп, и хандра сразу. Дочь, а ты не притворяешься?

Кареника даже чихнула, — кривда у неё всегда такая, что от правды не отличишь.

И Тишка уже тут как тут. Мам за руку дёргает:

— Она вчера уже кашляла. Может, если торта ей принести, то поправится?

— Да что ты, Тихон? Торты только в сказках помогают. Неси микстуру лучше.

Напоила мам Каренику микстурой, а Тишка в этот раз ей подарок всё же принёс.

Будильник, за которым побегать надо, чтобы тот звенеть перестал. Он его к первому уроку настроил так, чтобы перенастроить было нельзя. И чтобы тот убежал от так быстро и ловко, чтобы Кареники догнать не смогла.

А мам-папа реку по всему дому долго-долго убирали, и завтрак приготовить не успели.

Потому-то у Тишки морковный торт теперь прямо на завтрак и весь его! Большой именинный Кареникин торт. Пусть даже сами именины не настоящие, но всё равно чуть-чуть волшебные.

Пляшет утреннее солнце на окнах серых домов, раскрашивая их золотыми красками. Клубятся красно-белые рупоры завода. Зовёт утро по своим делам восьмилеток и семилеток. И только самые везучие сидят сегодня дома: Кареника-русалка, что уже к вечеру хандрить перестала, и Тишка, которого мам-папа в школу отвести забыли.

Прогуливал семилетка весь день школу на кухне: коленками дрыгал, ложкой торт в рот набирал и сидел молчал.

Даже зубы семилетка так и не почистил.

Удивился Тишка, как Кареника с утра русалкой была, но к вечеру перестала, и решил про русалочки повадки получше узнать. Даже в библиотеку на следующий день записался, чтобы всё про это волшебство вызнать.

Литературные
переводы
зарубежных
сказок

Всякий старинный
дом имеет свои
легенды и своих
призраков.

© Сергей Антипов

Надежда Сысоева

Крысолов из Гамельна

Перевод с немецкого, автор Карл Зимрок

Гамельн крысы наводнили.
Без страха прямо днем ходили.
Оцепенел и замер город:
Ведь это значит: будет голод.
Во все концы летят гонцы:
«Кто из силачей избавит от мышей,
Тому великий князь
В жены дочь отдаст!»
И облетела город весть,
Что такой умелец есть!
Одет охотником простым,
А обещает, что за ним
Все крысы, мыши до одной
Покинут город их родной.
И для сомнений нет причины:
Возьмет их Везера пучина.
И вот, на дудочке играя,
Толпу зевак вокруг собирая,
По городу шел не спеша,
Глядели люди не дыша:
Как под гипнозом из домов,
Из всех подвалов и углов,
Все крысы, за одной одна
К реке, как серая волна!
Как будто бы солдатский строй
Ушли за дудочкой простой!
И, к удивленью, утонули,
Обратно в город не вернулись!

И люди в колокол забили,
От счастья в трубы затрубили,
Спасителя же окружили,
С почетом к князю проводили.
Народ и пел и ликовал,-
Беды ужасной избежал.
Но князь с усмешкою сказал:
«Ты лишь на дудочке играл,
Труда совсем не приложил,
Награды ты не заслужил!
И руку дочери моей
Я не отдам тебе, ей-ей!
Уж слишком велика цена,
Ведь тут вмешался сатана».
Гость ничего не отвечал.
Но в гневе город покидал.
А утром, только соловей
Запел среди густых ветвей,
Как снова дудочки игра
Сердца тревогой обожгла.
Она молила и звала,
Чудесной силою влекла,
И дети: мальчики, девчушки
Ушли за ней, забыв игрушки.
И дочка князя даже
Исчезла из-под стражи.
И словно солнца луч застыл.
А город стал таким пустым.
Не слышно детских голосов,
Не видно челочек, бантов.
Как мыши, все до одного,
Ушли за музыкой его.

В погоню послан был отряд,
Но не нашел следов ребят.
Ничто теперь не помогло:
Ни золото, ни серебро.
Ужаснее потери нет:
Померк в глазах у князя свет
От горя и позора:
Весь мир глядит с укором.
Коль слово князьбе ты давал,
Так отчего же не сдержал?
И вместе с дочерью своей
Ты наших погубил детей!
...Напомнит траурная дата,
Что было в Гамельне когда-то,
Как там преподан был урок,
Хотя прошел огромный срок.

Поэмы,
баллады
и стихотворения

*Бескорыстное вранье —
это не ложь,
это поэзия.*

© Сергей Довлатов

Владислав Звягин

Поэма Лилит

(в поэме есть цифровые сноски на словарь
используемых слов и определений)

«Лилит - в месопотамской и иудейской мифологии - первая жена Адама. Рождение Лилит и её роль в сотворении Мира – загадка для учёных и историков. Её судьба неизвестна и в разных культурах и легендах описана по-разному. В поэме даётся авторская трактовка истории Лилит, чей образ многократно и по-разному обыгран в мировой литературе. Одни зовут её демоном, другие ангелом, для посвящённых она стала символом феминизма и свободы. И все же Лилит — демон, ангел или просто символ свободы женщины? Порицание или согласие? Не стоит во всем искать однозначный смысл. Не бывает добра без зла, и наоборот. Самая ценная гармония — это двойственность, соединение двух противоположностей в одном. Тень, скользящая в свете луны, — всего лишь история об отверженной женщине, выбравшей одиночество и всегда страдавшей от недостатка любви, о женщине, всегда говорящей «нет» потому, что ей так хотелось бы сказать «да».

Пролог

Закатом солнца опечаленный Восток
Насупился глубокой синевою,
Капризного светила тёплый бок
Никак не хочет скрыться за рекою...

В тончайшей паутине тишины
Запуталась – глуши лесной – опушка,
Из тёмных лап, из сосен глубины,
Две ноты нараспев берёт кукушка.

И в ожидании третьего звонка,
Когда истлеют отблески заката,
Я видел, как краснеют облака
И пилигримами уносятся куда-то...

Глава первая

Необычайный, мелодичный звук
Наполнил мир, таинственно притихший,
В сосновый бор, досель дремавший, вдруг
Ворвался ветер свой напор, явивший...

Вот разом всколыхнулась вся трава,
Прибоем разноцветным заходила,
Наотмашь, жаркой пыли кутерьма
Меня волной упругой опалила!

Вдруг понял я, что близится тот миг,
Когда откроет таинство природа,
Надрыв звонка последнего затих,
А солнце удалилось с небосвода...

Глава вторая

И вот! Последним отблеском с небес
Был обрисован тонкий силуэт.
Не человек, не ангел и не бес,
Но явно... женское начало...Свет –

Был первороден для такого существа,
Поскольку светом исходил Её абрис.
А значит, ближе к ангелам она,
И мне б упасть и распластаться ниц

Но я смотрел в благоговейной немоте
Как небо рухнуло и сплавилось с землёй,
Как в дымке лёгкой и прекрасной наготе
Она приблизилась! И... встала предо мной...

Разбился вдребезги реальности хрусталь,
 Лишь только взгляд Её с моим столкнулся влёт...
 Да! Это... – Женщина! Прозрачная вуаль
 Не скроет глаз лучистых синий лёд.

Какая в них таилась глубина!
 В ней прятался галактик Млечный путь
 Там было всё! ...И не было лишь дна,
 Но в бездне глаз я был готов тонуть!..

Готов я был оковы плоти сбросить
 И в безвозвратность Вечности нырнуть,
 С той стороны бы вынырнув, набросить
 На плечи тишину... как сладко – б... утонуть...

Глава третья

Но сущность моя птицею подранком
 Забила крыльями тревоги и мольбы:
 Мне вывернули душу на изнанку,
 Чужою волею меня насквозь прожгли.

Прочь наваждение!!! ... Сердце вострепелось,
 Я вздрогнул и с трудом отвёл глаза...
 Заметил, как незнакомка улыбнулась
 И отступила... сделав шаг назад...

Услышал голос мягкий и красивый
 (Ему внимая глаз не поднимал...)
 – «Ты храбрый муж! Твой взгляд прямой и
 сильный
 Я вижу в нём – упорства есть накал!

Но даже ты, кто избран был судьбою
 Взрастить, любви моей благой, цветущий сад,
 Не сможешь долго быть вблизи со мною.
 Ты, как и все, не выдержал мой взгляд!»

– «Мне не понятны речи твои, дева...
Кто ты?!» – спросил у пыли, возле Её ног
– «Праматерь всех людей! И Жизни Древо...
Я соль Земли, что к жизни вызвал Бог!»

«Схожу с ума! Мне видится, я знаю!»
Глазами вскользь – «Так вот Она! Стоит!!»
Немыслимо красивая... нагая...
– «Но...как зовут тебя?»
– «Меня зовут – Лилит!»

Мой разум всю мистичность отвергая
Цепляясь за реальности гранит:
– «Но...первой была Ева...ты-ж ...другая!»
– «Пред Евой Бог создал меня – Лилит!»

Вот мой рассказ тебе – о, друг пустых сомнений!
Быть может, он изменит жизнь твою...
Достоин ты великих откровений
Тебе я – Откровение дарю!..

Глава четвёртая

– «Я рождена была в созвездии Плеяды/1/
Седьмой по счёту, среди звёзд – моих сестёр.
И мне-б светить с небес, не требуя награды
Но был Творца ко мне,
прикован властный взор.

Я рождена была в созвездии Плеяды
Звездой огненной и быть бы ей вовек,
Но на Земле, под сенью Звездопада
На свет явился Первый Человек.

Из глины его плоть была сотворена
Творцом, в подобие своему обличью,
Бессмертной душой щедро наделена
И стала храмом Божьему величию.

Господь назвал своё творение Адамом,
 Но что бы человечество возшло,
 Как семя в кущах райского Эдема,
 Творец создал другое существо.

Он укротил звезды бушующее пламя,
 Он изменил структуру естества
 И создал женщину с прекрасными чертами,
 Но своевольную и гордую – меня!

Адам из глины разве мог быть парой
 Той, у которой в жилах свет течёт?
 Блистающую огненной тиарой
 И той, кто даже ангелов влечёт??

Была я дерзкой, непокорной и строптивой,
 А Райский сад был клеткой для меня.
 Златой орёл, лев с огненной гривой
 Из всех существ Эдема мне друзья.

С орлом я поднималась и парила,
 Со львом я рыскала на дальних рубежах,
 От вольности моей Адам страдал ревниво,
 Ища поддержки в Горних Небесах.

Молил он Бога, чтоб меня вернули силой,
 Чтоб Божьим гневом укротился мой огонь.
 О сколько раз, от стражей шестикрылых,
 Я испытала унижительных погонь!..

Так Яхве/2/, Бог Адама и пророков,
 Был оскорблён непослушанием моим.
 Но мне так было в Кущах одиноко
 И так постыл Престол с всевластием мужским.

И вот, в последний раз, когда нагнали
 У моря Красного три ангела меня,
 Они триаду с головы моей сорвали,
 На веки вечные из Рая изгон`я./3/

Глава пятая

О божий гнев! О человеческая зависть!
 Два страшных зверя, беспощадных и презлых...
 Им в сцепке удалось меня заставить
 Искать свободу и удел в мирах иных.

И вот мой путь открыт во внешние чертоги,
 Со мною лев могучий и орёл златой.
 Здесь существа – не люди и не боги,
 А те кто под Денницеей пятой./4/

Была я принята как царская особа
 И сам Денница одесную в трон свой сел.
 Была я нелюбимой в Рае Бога,
 А здесь Царицей быть – вот мой удел!

Вселенная полна Миров различных,
 И я сама в Плеяде рождена,
 И вот в одном из тех Миров первичных
 Праматерью я царствовать должна!

Пока Адам и Ева жили в Рае,
 Что сотворил Всевышний на Земле,
 В юго-восточных землях, в горном крае,
 Дала я жизнь и славу Шамбале.

Прекрасную страну я заселила
 Своими чадами, что ангелов сыны.
 Свою любовь и ласку я дарила
 Крылатым сущностям, виновным без вины

Их так же, как меня: за личную свободу
Творец всего, жестоко наказал.
Он милость поменял на неутоду,
В опалу легион из них попал./5/

Тьму тысяч лет их всех хулят напрасно,
Зовут исчадием и ужасом в ночи,
И ликами они, как будто бы ,ужасны,
Добру, любви и свету – палачи!

А были они ангелами Света!
Творец, их с`оздал для добра и для любви.
Но род людской, из ложного навета,
На них повесил все свои грехи...

Глава шестая

О Шамбала, блистательное царство,/6/
Где истину постигли мудрецы!
Страна гармонии и красоты убранства,
Просветлены младые и старцы –

– Незримо управляющие миром.
Здесь каждый сразу – воин, зодчий и поэт.
И всё подвластно жизненным эфирам
Любви! Свободе здесь хранят завет...

Но время шло, и вот уже прогневал
Адам Творца и изгнан в Сарнадиб./7/
И род людской рождённой тихой Евой
Взял Каина не лучший генотип.

Изгнанники скитались в диких землях,
Пахали землю, разводили скот...
И двух родов, в различных колыбелях,
Выпестовали собственный оплот.

Но Шамбала блистала как зарница
И зависть вызывала у других.
Наветами меня рекли блудницей
В тех городах, где правил Евин Сиф./8/

Он третьим был потомком от Адама
В угоду Богу жертвы приносил
Но род его имел пороки и изъяны
Которые Потоп лишь только смыл.

В Потопе гибли целые народы
И не было спасенья Шамбале!
Низверглись страшным ливнем Небосводы,
Неся погибель всем живущим на Земле.

Лишь только к Ною милость проявилась
– Адамов род продлился в тьме веков...
Так в бурных водах песня утопилась -
– свободы Песня и свободы Зов.

Глава седьмая

И с тех времён мой плач рождает силу,
Которая противиться Ему!
Но Божье мщение за это мне явило
Печать проклятия жестокого табу.

Мои, от ангелов, чудеснейшие чадо
Теперь не могут населять ваш Мир Земной,
И лишь любовь мужчины как награда,
Обычной мне позволит стать женой

Пускай на день, на час, на миг счастливый
Я стану женщиной земной и обрету права:
Родить наследницу, но на Земле хранимой.
Чтоб род мой в вашем Мире берегла!

Удел мой – в сотню лет имею право
 В последний лунный день, мне обрести,
 Любовь мужчины с непокорным нравом,
 Что встретиться в Закате на пути

Но дело в том, что взгляд мой преисполнен
 Такой энергией от пламенной звезды,
 Что жжёт как тысяча неукротимых молний,
 Кто вволю страху даст и слабины.

А если, как и ты, мой друг премилый,
 Кто явит, и упорство, и накал -
 – владеющий духовной крепкой силой,
 Кто сто побед духовных одержал...

Но не сумевший прямо в очи глянуть,
 Рассудок потерявший и себя,
 То он не сможет пару мне составить
 Сгорит тотчас в столпе – безумия – огня

За тьму веков не раз я приходила
 На Землю бренную, в надежде обрести
 Того, с кем Дочь-наследницу, я бы родила,
 Если герой мне встретиться в пути.

Но ни один не смог мне стать опорой,
 Но ни один не выдержал мой взгляд...
 Их тысячи легли от смерти скорой...
 Надежда тает у меня от страшных плат.

И вот скажи мне, витязь мой бесстрашный –
 Готов взглянуть ли ты в мои глаза?
 Здесь два пути, иль смертный час твой страшный,
 Иль в Книгу Судеб попадёшь, мой Род спася.

Готов ли ты рискнуть своею жизнью?
 Готов ли испытать свою Судьбу?
 В мирах обоих сверхгероем признан
 Ты будешь, если сбросим мы табу!

Ты сердцу моему и мил и близок,
 Раз так желаю быть твоей женой...
 С тобой мы кончим этот страшный список
 И навсегда останусь я с тобой!»

Глава восьмая

Лилит закончила рассказ... В тиши цикады
 Лишь пели гимны Небу и Земле.
 Вдруг грома дальнего я уловил раскаты
 И ветром потянуло из полей...

Лилит сверкнула – взгляда – снопом молний:
 «– Как быстротечно время на Земле!
 Грядёт последний час, он преисполнен
 Моей надеждой быть женой тебе!»

Она смотрела на меня, а сумрак сгладил
 Её волос огненно-рыжий цвет.
 Я чёткость зрения, как будто бы, утратил,
 Чрез дымку видя дивный силуэт.

Поднялся ветер, кроны шелестели,
 Раскаты грома стали ближе и сильней,
 Мне показалось, будто ангелы запели,
 И будто бы услышал я свирель

Я обязательств никаких не брал пред нею,
 Я не сулил, не обнадёживал, не лгал...
 И мне бы тут и распрощаться с нею -
 – Мой разум к здравомыслию взывал!

Но крик души не мог я не услышать!
 Душа кричала: – Не о том ли ты мечтал?!
 Из самой сути своей жизни выжать
 Экстракт любви, надзвёздный идеал!!

Я сделал выбор, что и есть – свобода.
 Обрять которую, есть благо и судьба...
 Взглянул без страха в темень небосвода
 И посмотрел...в бездонные глаза...

Словарь используемых слов

/1/ Пле`яды (другое названия – Семь Сестёр) – рассеянное звёздное скопление в созвездии Тельца. Это скопление – одно из ближайших к Земле и одно из наиболее ярких звёздных скоплений. Плеяды известны с древних времён и видны невооружённым глазом даже на городском небе. Скопление и самые яркие звёзды в нём названы в честь Плеяд – нимф из греческой мифологии.

/2/ `Яхве – одно из имён Бога в иудаизме и христианстве, наиболее принятые толкования имени – «Тот, Кто есть, существует».

/3/ Из Талмуда: Лилит на крыльях ночи улетела прочь из Едема, но после долгой погони, над Красным морем, ее нагнали посланные за ней три ангела – Санви, Саванси, Семангелоф, и потребовали от нее вернуться назад. Но она воспротивилась воле Бога, наотрез отказавшись возвращаться в райские кущи к Адаму, заявив, что имеет полную свободу в своих действиях, и что эта свобода была дана ей самим Богом. Лилит была изгнана из Рая. Далее в Талмуде Лилит описывается как жена верховного демона Самаэля (Денница) и вместе с ним является повелительницей мира демонов, являясь матерью многих из них.

Само понятие «демон» от Сократа – что есть общее описание сверхестественного существа наделённого мудростью и знающего истину вещей. За это его впрочем и приговорили к смерти.

/4/ Денница был первым ангелом, созданный Богом. Он был поставлен главным из них, и так получил свое имя, означающее раннюю звезду. Денница, как и все ангелы, был исполнен любви, а его прекрасный облик вдохновлял остальных духовных созданий, пробуждая быть верными Богу и помогать ему во всех начинаниях. Ангел Денница очень любил жизнь и стремился проявить всю ту любовь, которую Бог вкладывал в свои

творения. Родившись от стремления Бога к проявлению самого себя и своих эмоций, Денница стал ангелом, наиболее близким к Нему.

Как Прометей, принесший людям огонь и выведший их из мрака пещер, обрести силу и уверенность, Денница возжелал дать людям Божественное знание. И тут он совершил свою первую ошибку. Лейтмотив первого ангела Бога Денницы и Прометея, наказанных за повинность, красной нитью проходят через все верования человечества.

Падение Денницы, как и еще трети небесных существ, произошло из-за того, что он ослушался Бога. Несмотря на то, что ангелы – это носители желаний и стремлений Бога, исполняющие Его волю, они не лишены права выбора (свободы).

/5/ Легион ангелов – треть небесного воинства перешла на сторону Денницы, не в состоянии поверить, что их сияющий предводитель ослушался Бога. Теперь их правителем стал Люцифер, «несущий свет», отошедший от канонов, продиктованных Творцом.

/6/ Шамбала (Гималайские Махатмы)– мифическая страна. В легендах и сказаниях народов всего мира можно найти отголоски(легенды, придания)и следы древнего Знания о существовании этой «страны Богов». Считается, что Шамбала существовала где-то в недоступных и малоизученных районах Гималайских гор. С давних пор в фольклоре и верованиях Индии сохранились сведения о наличии в неприступных Гималаях тайной колонии мудрецов – Великих Посвященных или Махатм или Старших Братьев Человечества, посвятивших себя Великому Знанию и следящих за эволюцией Мира. Все великие открытия, все великие идеи исходили из этого Источника Знания и Света.

/7/ Сарнадиб(Муздалиффа)По преданию Адам сошел на землю на территории Индии, в местности Сарнадиб.

/8/ Сиф. Все знают трагическую историю Каина и Авеля – двух сыновей Адама и Евы. Но не все знаю, что у Адама и Евы были и другие дети. После убийства Авеля и изгнания Каина, у Адама и Евы родился еще один сын – Сиф. Причем, человечество ведёт свой род от него и от Каина(сыны Сифа брали в жёны дочерей Каина).

Елена Панюкова

Иван-да-Марья

Каждый год на лесных полянах,
Наполняясь медовым дурманом,
Начиная примерно с мая,
Расцветает Иван-да-Марья.

За широкой и бурной рекою,
За высокой отвесной скалою,
Заслонившись болотом грязным,
За чащобой непролазной.
В стороне от дорог и людей,
Жил да был царь лесной Берендей.
В заповедном лесу проживал,
Посторонних к себе не пускал.

И как водится у царя,
Дочь Маруся жила да была.
Не видала ни горя ни зла,
В Берендеевом царстве она.
С детства с ланью лесною дружила.
Никогда не о чём не тужила.
И с утра до вечерней зари
Птицы пели ей песни свои.

Ключевою водой умывалась.
Отраженьем в воде любовалась.
День за днём расцветала краса,
До земли у Маруси коса.
Время мужа искать, только горе,
За высокой отвесной скалою,
В стороне от дорог и людей
Спрятал дочку свою Берендей.

Но однажды, спустившись к реке,
На другом берегу, вдалеке,
Увидала Маруся Ивана.
На ногах сапоги из сафьяна.
Подпоясан кафтан кушаком.
Как добрался сюда он пешком?
Как забрёл в заповедный лес?
На отвесную гору как влез?

Только встретились их глаза,
Между ними промчалась гроза.
Полюбили они друг друга,
Но сердечко дрожит от испуга.
Потому — что отец Берендей
Запретил ей смотреть на людей.
Да судьбу свою не обмануть,
И назад ничего не вернуть.

Ваня быстренько строит плот,
И к Марусе скорее плывёт.
Говорит ей: «Краса-девица,
Я хочу на тебе жениться.
Заберу тебя в дом к себе,
Будешь жить у меня в избе.
Средь простых, как и я людей,
Ты родишь мне троих сыновей».

И Маруся, забыв про запрет,
В тот же миг даёт Ване обет.
И согласие быть женой,
И любить до доски гробовой.
Но от птиц своих и зверей
Про влюблённых узнал Берендей.
И от ярости и дурмана,
Погубил Берендей Ивана.

Пылкий юноша оземь упал,
Даже слова царю не сказал.
А Маруся вскричала: «Отец,
Знать и мне наступил конец.
Вечно буду с Иваном вместе».
И тотчас же на том же месте,
На поляне у царских ног,
Вдруг зацвёл жёлто синий цветок.

В стороне от дорог и людей,
Горько плачет старик Берендей.
Посторонних к себе не пускал.
Дочь свою он навек потерял.
Но с тех пор начиная с мая
Расцветает Иван-да-Марья.
Каждый год на лесных полянах,
Наполняясь медовым дурманом.

Ольга Катикова

Баллада об алых тюльпанах

В краю далеком царство процветало:
Земля плодила, и искусство созидало,
Рождались дети, строились дома,
Велась торговля, плавали суда.

Великий царь был мудр и благороден,
Красив и добр, богоугоден.
Потомок рода из аристократов,
С душою тонкой и величием магнатов.

И в пору юности своей счастливой
От Господа подарок щедрый получил -
Он встретил девушку, что в мире нет красивей,
Чей образ нежен был и сердце покори.

Она была незнатного происхождения,
Но от природы многое взяла:
Умна, трудолюбива, весела
И нрава лёгкого. Что встреча с ней - везение,

Правитель юный искренне считал,
Влюблённый бесконечно в свою деву,
Когда ей руку с сердцем предлагал,
О свадьбе думая к весеннему посеву.

Любовь цвела как юная весна,
Полна цветов и красками богата:
И пеньем птиц, и чистотой ручьев,
И красным солнцем позднего заката.

Но царская семья иное разделяла мнение.
Невесты молодой происхождение
Как царский выбор вовсе не пригоден,
Как прихоть дерзкая престолу чужероден.

Нечасто царская семья к обману прибегала,
Но все же иногда такое с ней бывало.
И, рассудив, что на войне все средства хороши,
Пустила ложный слух, что нет живой души:

Внезапную кончину юной девы объявили.
Меж тем ее в далекий терем скрыли,
Дав строгий стражникам наказ,
Охраны и молчанья соблюдать приказ.

И стражники семье царя покорны были.
Но ложью страшною царя убили.
Глаза сухи, не видно ни слезы,
Царь оседлал коня и прыгнул со скалы.

Он грудью бросился в ущелье.
Себе не смог простить ее кончины,
Того, что не сберег своей любви,
Для жизни дальше веской не найдя причины.

Уж если я любимую не защитил,
И не помог ей в трудное мгновенье,
То править я страной не заслужил,
И нет мне ни прощенья, ни спасенья.

Из каждой капли крови камень что согреет,
Тюльпаны красные взошли,
Как знаки верности и преданной любви,
Скалы подножье алым пламенеет.

Страна осиротела. Небо плакало дождем.
Невесте не случилось быть обвенчанной с царем.
Коварством славу царское семейство не снискало.
Лишь алыми цветами поле в мае полыхало.

Тюльпаны алые, их лепестки атласны.
Цветы суровому ненастью неподвластны,
Величественно царствуют в полях,
Как символ чести и душою в небесах.

Любовь Сердечная

Байка про Зайку и про Солдата, который с войны возвращался когда-то

1.

Много-много лет назад, за долами, за лесами
Жил, как водится, солдат, как положено, с усами.
Говорят, служил как надо, говорят, что воевал,
Были, не были награды,
Кто считал?

Отслужил – пошёл домой. Что в котомке у солдата?
Фляга с дождевой водой, нет ни серебра, ни злата.
Есть кусочек от верёвки, половинка сухаря,
Штык от сломанной винтовки...
Жил не зря!

Путь ему лежит далёк: через реки и болота.
Но закончился паёк. Нет еды, а есть охота.
Вот прилёт он возле речки, хорошо, что был июль.
Ноют раны от картечи
И от пуль...

Погрустнел солдатик наш, думает, что дальше будет:
То ли строить здесь шалаш, то ль идти туда, где
люди.
Может, одному не плохо, только скучно... Он зевнул:
«Мне б жену, сынишку-кроху...»
И уснул.

Долго, коротко ли спал, а проснулся – видит зайка,
Сам на задних лапках встал, а в передних – балалайка!
Ну и чудо! Ну и сказки! У солдата ступор, шок!
То ему соорил глазки –
И в мешок!

И лопочет из мешка: «Ну, пойдём, солдат, скорее.
Ты нашёл себе дружка. Утро ночи – мудренее!
Вот морковка подкрепиться, репка голод утолить.
Помогу тебе жениться.
Так и быть!»

2.

Подкрепился наш Солдат. Стало, вроде, веселее.
Удивлён, сражён, но рад, с зайцем говорит смелее:
«Ты откуда тут, мой зайка, держит торбу навесу,
И зачем нам балалайка
Тут в лесу?»

«Это всё пока секрет! Так что лучше – без вопросов.
Будет время – дам ответ. На, держи немного проса.
Не рассыпать постарайся, в оба пристально гляди.
Ничему не удивляйся.
Ну, иди!»

А солдату – всё к душе: этот заяц говорящий,
Попривык к нему уже, поле, луг, лесная чаща!
«Хороша ты, Мать Россия! Как невеста хороша!
Щёки – алы, очи – сини...
Ой! Мыша!»

А она сидит у ног, видно – чуть жива от страха.
Приподнял Солдат сапог, даже вымокла рубаха,
Но прихлопнуть не пытался: божьих тварей он любил,
Покачался, пошатался –
Отступил.

Присмотрелся – вот беда: лапка сломана у мышки.
«Как же будешь ты одна? Залезай в мешок, плутишка!
Лапку мы тебе залечим, подлатаем, так и быть!
Просо ешь. А больше нечем
Угостить...»

И подставил ей ладонь. Мышка пискнула довольно:
«Оттоптал мне лапку конь. Ой, как больно! Ой, как больно!

Конь царевну вёз в карете, на него-то я не злюсь:
Он меня и не заметил...»

«Всё! Женюсь!»

3.

«На царевне? Ты в уме? – голос подаёт Зайчишка–
Ладно, баба на гумне! Но Царевна... Это слишком!»

«Ну а что? Не слишком старый, правда, малость бедноват,

Но смекалистый, поджарый

Я солдат!

Я ж за Батюшку царя не щадил ни жизнь, ни силы!

Рисковал собой не зря: всех врагов его – на вилы!

А теперь хочу я, братцы, дочку царскую – жену!

Надо, надо попытаться.

Я рискну!

«Что, поможете вы мне?» Да, понять Солдата можно:

Четверть века на войне! «Хоть помочь тебе не сложно,
Сказки на ночь почитайте, сам-то будешь рад потом?»

«Поглядим. Пока считайте

Женихом!»

Первый раз за много лет наш Солдат увидел небо,

Облаков молочный цвет, волны зреющего хлеба.

Свищут птички, а не пули, веет ветерок слегка...

«Что вы, братцы, там? Уснули?»

Мне б сынка!.. –

Размечтался наш Солдат, – Мы бы сели на крылечко,

То-то счастлив, то-то рад был бы я! Оно, конечно

Дочка тоже утешенье, дочка-куколка, краса:

Звонкий смех, веселье, пенье

И коса...»

Размечтался, подобрел, прячется в усах улыбка,
Даже песенку запел, хоть умел он петь не шибко...

А вокруг бушует лето. Так спокойно на душе:
«С милой рай, я слышал где-то,
В шалаше!»

В шалаше, так в шалаше... С Зайцем Мышь пере-
глянулись,
(Подружились, знать, уже), пошептались, улыбнулись:
«Ты, Солдат, любви достоин, счастья, радости
в судьбе.
И поможем, славный воин,
Мы тебе».

4.

Шли друзья двенадцать дней. Наконец пришли в
столицу.
Там – людей, затей, огней! Всюду радостные лица!
Всюду музыка играет, смех стоит: «Хи-хи, ха-ха!»
Дочь царёва выбирает
Жениха.

Барабан. Народ притих. Закричал глашатай с башни:
«Должен будущий жених принести нам день вчерашний!
Дроби барабанных палок. Поспешите. Завтра срок!»
Тишина... Лишь гомон галок
И сорок.

Призадумался солдат: «Ну и задали задачу,
День вчерашний... Очень рад! Что вы думали, заплачу?
Не сойти мне, братцы, с места! Я пришёл сюда не зря:
Скоро станет мне невестой
Дочь царя!»

Стали думать и гадать, как найти им день вчерашний...
Зайка с Мышкой – предлагать, строить планы,
козни, шашни.
А солдат полез в котомку, там порылся хорошо,
Вдруг – весёлый голос звонкий:
«Всё! Нашёл!»

5.

А на утро женихов пригласили в царский терем.
Тут везде – замков, оков! Вдруг открылись чудо-двери,
И царевна появилась, несказанно хороша,
Рядом нянька суетилась,
В чём душа!

«Принесли вчерашний день? Если нет –
то всех в темницу!
Нянька, что стоишь, как тень? Пусть идут,
несут вещицу!»
Что за дверью, кто там знает? Только крик:
«В тюрьму! В тюрьму!»
Но солдат не унывает:
«Ни к чему!»

Что бояться девы зря?! На войне я не боялся!
Я за батюшку-царя четверть века храбро дрался!
Скучно девушке в хороммах вот и тешится тюрьмой.
Станет, точно (Я ж не промах!)
Мне женой!»

Наконец, солдат предстал перед царственной особой.
Поклонился. Честь отдал. «Вот подарочек особый:
(Из верёвки он скакалку сделал) прыгать начинай,
Будешь лёгкая, как зайка.
Принимай!»

Но царевна – бушевать, и ругаться, и браниться:
 «Я? Подарки принимать? Скоро буду я царицей!
 Что ты лезешь в ряд калашный?
 Кто пустил тебя сюда?
 Фи! Скакалка – день вчерашний!
 Ерунда!

Нынче в моде хала-хуп – не какая-то верёвка!
 Оттаскать его за чуб!» «Ты обманываешь ловко.
 Ты при всех наобещала. Я принёс Вчерашний день!
 Только что сама сказала...»
 «Старый пенёк!

Как ты смел перечить мне? Заточить его в темницу!
 Я сгною тебя в тюрьме! В клетку! Под замок!
 Как птицу!..»
 Нянька – бух царевне в ноги:
 «Что ты, милка, не грехи!
 Ведь служивый лучше многих!..»
 «Докажи!»

«Что доказывать зазря?! На войне он не боялся!
 Он за батюшку-царя четверть века храбро дрался! –
 Что грозиться зря темницей? Ты ему возможность дай.
 Может, он на что сгодится.
 Испытай!»

«Нянька, что ты всё зудишь? Что Солдата защищаешь?
 То по месяцу молчишь, тут без умолку болтаешь!
 Уговаривать умеешь... Пощажу уж, так и быть,
 Если ты меня сумеешь
 Рассмешить!»

6.

«Рассмешить, так рассмешить.
Только мне вот не до смеха.
Не умеешь, девка, жить. Радость жизнь, но не потеха!
Для тебя ж она игрушка...» «Хватит старый! Не учи!
Жизнь не стоит и полушки...»
«Хохочи!»

И царевна – хохотать! Так-то весело, задорно,
Даже ножкой топотать, и руками бить проворно!
«Никогда не хохотала! – и кататься по ковру, –
Ой! Устала, ой, устала!
Ой! Умру!»

Только хохот всё сильней. У царевны нет уж силы.
С хохотом не сладить ей. И царевна попросила:
«Не могу я! Вон как вышло! Хватит! Хватит! Тошно мне!»
Тут солдат шепнул чуть слышно:
«Мышь, ко мне!»

Мышь – стрелой к нему в карман, будто и не забежала
Под царевнин сарафан и её не щекотала...
А царевна отдышалась: «Стража! Взять! В тюрьму веди!»
Нянька тут опять вмешалась:
«Погоди!»

Ой, царевна, не греси! Он же выполнил задание.
Ты смеялась от души...» «Хватит! Что за наказание!
Очень смелая ты стала! Нянька, лучше помолчать!
Веселиться я устала.
Порыдать...

Порыдать теперь хочу! Порыдать теперь мне надо!»
«Всё. Молчу, молчу. Молчу! Няньке что? Одна награда:
Было б счастливо дитяти...» Но царевну не унять:
Вот нажалуюсь я тяте –
Будешь знать!»

7.

Стала бедную трясти, да таскать её за космы,
И платок успел сползти. А под ним – золотые косы,
Соболиные ресницы, васильковые глаза,
В общем, в няньку не влюбиться
И нельзя!

Увидал её Солдат, на колени стал пред нею:
«Коль обижу – виноват. Будь, краса, женой моею!
Что мне царская особа, наломаю с нею дров.
А тебя любить до гроба
Я готов! -

Разошёлся наш Солдат, – Мы бы сели на крылечко,
То-то счастлив, то-то радбыл бы я! И ты, конечно.
О семье давно мечтаю. Вот бы нам с тобой сынка...
Как зовут тебя, не знаю
Я пока...»

«Я давно тебя люблю. Как из нашей деревушки
Ты уехал на войну. А зовут меня Марфушка.
Помню множество народу, вдоль дороги пыльный
след...
Было мне тогда от роду
Девять лет...»

Вдруг раздался страшный рёв, стоны, всхлипы,
причитанья,
Рушится, казалось, кров, падает, казалось, зданье.
То царевна зарыдала. Слёзы льются, как вода,
От обид, страстей накала,
От стыда:

«Стража, взять их! И связать! Заточить обоих в башню!
Запереть! Замуровать! Будут знать, как строить шашни!
Полубуемся, как скоро – Не поить и не кормить! –
Друг для друга быть опорой
И любить

Перестанут. Увести!» Увели двоих. Связали.
Справедливость не в чести. Только все вокруг видали
Как рыдала дочь царёва, значит, молодец солдат,
Ловко вывернулся снова!
Виноват?

8.

Вот их бросили в тюрьму. Ноги связаны и руки,
Лучик пробивает тьму. «И за что нам эти муки?»
«Ничего, моя родная! Не пугайся. Будем жить!
Всех сумеем мы, я знаю,
Победить!

Хорошо – котомка есть. Хорошо – в котомке фляжка.
Только жалко, что не здесь... Хорошо, что мышь в
кармашке.
Хорошо – не взяли зайца! Хорошо, что вместе мы!
Только надо выбираться
Из тюрьмы.

Хорошо – меня ждала! Хорошо, что есть окошко.
Плохо – комнатка мала... Повернись, краса, немножко.
Где ты Мышенька-плутовка? Всё спокойно. Вылезай.
Видишь, на руках верёвка?
Разгрызай!»

Стало чуть вольней дышать: мышь верёвку перегрызла,
Только, как же убежать? Замурованы. Нет смысла
В стенку биться головою... Надо силы поберечь.
«Да, попали мы с тобою,
Ни прилечь,

Ни присесть, а только стой. А уже нога немеет...
 Проса хочешь? Ой, постой! Стой, Марфуша, есть идея!
 Мышка, приведи-ка Зайку, он меня у речки ждёт,
 Пусть котомку с балалайкой
 Принесёт».

И пустилась Мышь в бега. Для неё везде дорога.
 Хорошо, её ногазажила уже немного.
 В общем, мышка, так и знайте, торопилась, как могла,
 И зайчишку на закате
 Привела.

9.

Заяц Марфу увидал и от радости заплакал:
 «О такой жене мечтал, вот такую я б сосватал.
 Вы бы, братцы, поженились...
 Там – детишки-сорванцы...»
 «Мы уже и сговорились!»
 «Молодцы!»

«Ну, давай котомку, Зай! Где у нас тут завалялись
 Фляжка, штык... И каравай?! Вот спасибо! Постарались!»
 Караваем подкрепились, чистой выпили воды.
 Вот и силы появились
 От еды.

От еды и от друзей, что помочь всегда готовы
 И подкинуть нам идей, и сказать такое слово,
 От которого нам снова и спокойней, и теплей...
 Добрых слов, любви основы,
 Не жалеи.

Взял солдат свой старый штык, стал в стене
 им ковыряться.
 К темноте уже привык: «Ничего! Должна поддаться!
 Так полночи провозился. Ржавый штык совсем сломал,
 Но не многого добился.
 Подустал.

«Отдохни, мой дорогой. На, попей воды из фляжки.
 Вот поженимся с тобой, и пойдут Маруси, Пашки...
 Сядем рядом на крылечко, то-то счастлив, то-то рад...»
 Мышки ёкнуло сердечко:
 «Ой, Солдат!

Ты, доживши до седин, должен знать уже законы:
 Где не справится один, там помогут миллионы.
 Помнишь, было где-то просо? Ну, попробуем...
 Авось...
 Без сомнений, без вопросов
 На пол брось!»

10.

Точно! Просо – вот оно. Хорошо, что не доели.
 Бросил на пол. Так темно, свет Луны лишь еле-еле
 Проникает к ним в темницу, освещая небосклон...
 Звук неясный: то ли птицы,
 То ли стон...

Шум всё ближе, всё сильнее, как подковы о дорогу:
 Это полчище мышей к ним примчалось на подмогу.
 Вот что может сделать просо! Даже незачем кричать.
 Все примчались без вопросов
 Выручать.

Выручать друзей друзей и товарищей из плена.
 В общем, стали без затей грызть, точить, царапать стену...
 И водичка камень точит. Здесь же мышек – тысяч пять.
 Стену им хватило мочи
 Разломать!

Вот в стене уже дыра. Мы «проём» сказали б даже.
 Вроде, убежать пора, но стоит снаружи стража.
 Только дырку углядели, сразу прибыл целый полк.
 Да, царевна в этом деле
 Знает толк.

Злится доченька царя: ведь Солдат с невестой – живы.
И народ гудит не зря: понял, что царевна лжива.
Приказала ни Марфушку, ни Солдата не щадить.
Повела даже пушку
Зарядить.

«Что же делать? Как же быть? Так близка была свобода...»
«Ну, выходим? Будем жить хоть в истории народа!»
В разговор вмешался Зайка: «Стоп! Не надо рисковать.
Будут все под балалайку
Танцевать!»

11.

Взял Зайчишка инструмент, как ударил плясовую!
Вот он, истины момент. Я его вам обрисую:
Руки, ноги, – ну и сказка! – заходили, не спросясь,
Тут такая свистопляска
Началась!

Кто-то вальс, а кто-то шейк, кто вприсядку, кто
вприпрыжку,
Кто-то твист, а кто-то брейк: «Ну и ну!» – сказала
Мышка,
Кто пока что понемногу, кто серьёзно танцевал...
Первым рухнул на дорогу
Генерал.

«Вот теперь, друзья, вперёд! Вот теперь вам не опасно!»
Но бежит к тюрьме народ, ведь народу стало ясно,
Что совсем не справедливо был наказан наш Солдат
Ясно то, что царь красив, но
Слабоват.

Ясно – у Царевны власть, ну а ей не до народа,
Властью пользуется всласть и наглет год от года.
«Так дела вести негоже, мы теперь, как мухи мрём.
Мы к тебе, Солдат-надёжа,
Будь царём!»

12.

Тот на Марфу бросил взгляд: «Как считаешь, молодница?»
«Ну, какой ты царь, Солдат? Ну, какая я царица?
Нам бы тёплое крылечко, две дочурки, два сынка.
Рядом с домом – лес и речка,
И луга...»

«Нет! Царю я присягал! Клятву долга не нарушу!»
За руку невесту взял: «Ну, пойдём домой, Марфуша!
Что? Вы с нами, Мышка, Зайка? Вы нам больше,
чем друзья!
Вы спасли нас! Балалайка...»
«Нам нельзя!

Предпочли вы сказке жизнь, мы же остаёмся в сказке.
Балалайку вот держи...» И украдкой вытер глазки.
Стража тут засуетилась, но народ верёвки взял,
Чтоб «сюрприза» не случилось,
Повязал...

Что там дальше – не понять. Говорят, пока-цветочки;
Говорят, нашёлся зять для царёвой зючки-дочки.
Как царевна ни старалась, правит царством Царь-отец...
Наша сказка оборвалась.
Всё! Конец!

Алена Козлова

Қаң собақа себе друга Исқала

Русская народная сказка

Жила-была в лесу собака
Совсем одна, одна бедняга.
Вот только б друга ей найти,
И станут солнечными дни.
«Ах, как мне бедной одиноко...
Куда забрёл мой друг далёко?
Не буду я сидеть и ждать,
Отправлюсь друга я искать.
Он будет храбрым, будет смелым,
Весёлым, добрым, самым верным.
Мы не расстанемся во век,
Найти бы только его след...»

Долго-долго шла дворняга...
Вдруг, услышав у оврага
Чей-то тонкий голосок:
«Может друг мой недалёк?»
За малиновым кустом
Зайка с сереньким хвостом.
«А давай с тобой дружить,
Вместе жить и не тужить?»
Зайка тут же согласился,
Вот и вечер опустился.
Не пришлось ночлег искать,
Под кусточком легли спать...

Мимо мышка пробежала
И листвою зашуршала...
Подняла собака лай:
«Ну-ка, мышка, убегай!»

В ужасе вскочил зайчишка,
Хвостик свой поджал трусишка:
«Что шумишь? Есть в лак толк,
Коль тебя услышит волк?
Шуметь ночью - не у добру,
Навлечёшь на нас беду!»
Тут собака поняла -
Друга в зайце не нашла.

«Да, неважный друг зайчишка -
Слабый, глупенький мальчишка.
Нужно волка отыскать,
Зайца он храбрей раз в пять!»
Долго, коротко ли шла...
Наконец, его нашла:
Пасть с клыками велика,
Храбрый он наверняка:
«А давай с тобой дружить,
Мирно жить и не тужить?»
Поразмыслив, согласился.
Волк с собакой подружился.

День погас, и ночь настала,
Волк с собакой уснул рядом.
Из болотца лягушонок
Начал квакать, и спросонок
Подняла собака лай:
«Лягушонок, замолкай!»
Волк собаку взял за горло:
«Перестань, пока не поздно!
Как услышит нас медведь,
Будешь по-другому петть!
Разорвёт нас на кусочки,
Не шуми ни днём, ни ночью!»

Тут собака замолчала
 И сама себе сказала:
 «Пасть у волка велика,
 Два огромнейших клыка,
 Но в друзья он не годится.
 Он, как зайныка, боится.
 Мне б медведя отыскать,
 Волка он храбрей раз в пять!
 Рано-рано по-утру
 Я искать его пойду.
 Станет мишка моим другом,
 Он не ведает испуга».

Долго, коротко ли шла,
 Косолапого нашла.
 Сидит мишка на опушке,
 Чешет ушки на макушке.
 Позади его сосна
 С половину от верста.
 Подошла к нему собака
 И сказала: «Косолапый,
 А давай с тобой дружить,
 Вместе жить и не тужить?»
 «Ну, добро! - сказал медведь.
 Только ночью не шуметь!»

Ночью тишина в лесу,
Только сыч кричит: «У-гу».
Мимо мишкиной берлоги
Уж прополз своей дорогой.
Лай собака подняла,
От берлоги прогнала.
Разбухтелся косолапый,
Замахал мохнатой лапой:
«Что, собака, без причины
Лаешь ты на всю долину?
Замолчи! Не ровен час,
Человек услышит нас!»

Тут собака поняла-
В мишке друга не нашла:
«Хоть медведь - хозяин леса
И внушительного веса,
Сам охотников боится.
Нет, в друзья он не годится».
Что собаке оставалось?
Подкрепившись утром малость,
Отправляется опять
Друга верного искать:
«Человек мне станет другом,
Он не ведает испуга».

Долго, коротко ли шла..
Наконец , его нашла.
«Почему же человека
Все боятся? Вот потеха!
Он и ростом невелик ,
И не страшен его крик,
Без клыков, когтей и шерсти.
Да, косой ловчей раз в двести!..
Вариантов больше нет -
Человек, так человек!
Поживу с ним, осмотрюсь.
Чуть чего и в лес вернусь!
Ну, а может обживусь,
С человеком подружусь...»

Так и вышло : век за веком
Дружит псина с человеком.
У неё своя есть будка,
Вкусный ужин для желудка.
По ночам собака лает,
Человека охраняет,
Прогоняет прочь врагов,
Хулиганов и воров.
В благодарность верной службе,
Дорожит хозяин дружбой.
И заботится о друге,
Что не ведает испуга...

Маргарита Кракулева

Сказанье о монстрах

В далекие дни забытые,
В холодном безлюдном краю
Легенды слагались бардами
В пригорной деревне, в дыму.
Гора полыхала пламенем
Таким, что плавил гранит,
Рожденным в драконовой ярости
Из угрюмых звериных обид.
Те ящеры силы недюжинной
Славились красотой –
Не той, что подвластна времени,
А свирепой и боевой.

От свирепости и могущества закружится голова
От клыков и когтей заточенных не спасет
стальная броня.
Коль прогневишь крылатого ящера - берегись,
мой отчаянный друг!
Все драконы хитры и мстительны – не бе-
жишь от дьявольских мук.

Люди в страхе в потемках прятались,
Не дышали, когда вдали
Пролетала фигура ящера –
Вестник гибели и крови.
И не ведал народ обездоленный
Корень несчастий своих,
Драконовым голодом сморенный
В домах запершися сидит.
А зверь, преисполненный ярости,
Не может утешить тоску –
Любимая, милая, нежная
Вовек не вернется к нему...

Прекрасная, зленоглазая,
И волосы, как пожар,
Полна ведьмовскими чарами
В каждом жесте, во всех словах.
Томный голос журчащей музыкой
Усмиряет звериный нрав,
Нежна ласка ладони мягкой
Топит сердце, как магмы сплав.
«Чаровницей» в деревне звали,
«Самым прекрасным цветком».
Все мужчины к ногам её пали,
Но не нужен ей был никто.
Побыстрее закончит с хозяйством
И бежит без оглядки в лес.
Там, в условленном месте тайном
Он ждал, спускаясь с небес.
Драконы полны загадок
В них магия бьет ключом,
И Чёрный Дракон силой странной
В человека был обращен.
Быть может, повинно желанье,
А, может, сама любовь,
Но пара сердец сплетенных
Остудили драконью кровь.
Они были счастливы вместе,
Могли говорить обо всём,
Друг друга учили жизни,
Хотели сбежать, вдвоём.
Он рисовал ей небо, словами,
Ну, как уж мог.
Она говорила о травах,
О сплетеньях лесных дорог.
Как добра и наивна ведьма!
Избавляла от хвори всех,
Помогала богатым и бедным –
Всё окрашено было в грех.
Сколь скупы и коварны люди!

Как легко забывают добро.
И когда графский сын бросил: «Ведьма!»,
Заступиться не вышел никто.
Было жадным мужское сердце,
Неприемлемым был отказ.
Пусть огонь поглотит девчонку,
Чтобы свет ведьмовских глаз погас.
Привязали к столбу потуже,
Были глухи к девичьим мольбам.
В ноги – сено, округом – дровья...
Лишь дракон вторил ведьмы слезам.
Он услышал, хоть был далёко:
На охоте, в чужих лесах.
Лёд предательски стиснул сердце –
Не успеть могучим крылам.
Он ведь больше не зверь, не ящер,
Лишь подобье, почти человек,
И остывшая кровь драконья
Не осилит такой забег.

Опоздал. У столба только пепел,
И зеваки все разошлись.
В опустевшем сердце лишь зелень,
Голос нежный: «Меня дождись».
Всё пропало. В глазах померкло.
Чешуя, словно сталь, горит.
Пламя ярости грудь сжигает.
Слёз не будет. Душа – гранит.
Как тогда польхало селенье
Было видно за сотню лиг,
И в веках воспевают барды
«Монстра-змея», «безжалостный бриг».

Валерий Жилин

Сверчок, играющий на скрипке

В деревне домик деда с краю,
Где пруд зарос и обмелел,
Его плотинка земляная
Теперь осталась не удел.

Я жизни в городе учился,
Да, вот пришлось заночевать
В деревне той, где я родился,
Где перестал давно бывать.

Мне постелили под навесом,
Помягче подложив сенца.
Пока сморила сна завеса,
Смотрел в созвездие Стрельца.

Всё вспоминал: там лодки были...
Давным-давно... В каком году?
И как мальчишками босыми
Ловили раков в том пруду.

Сачком работает Петруха,
А я гребу, в руках весло,
В деревне сушь стоит, разруха,
Но, нам с Петром всегда везло.

Сверчок, играющий на скрипки,
Не вёл мелодий до конца
И плыли до утра улыбки
В подушку с моего лица.

Верблюды

Я верблюд, я корабль пустыни,
Цепью связан в один караван,
Где – то ждут нас в зелёной долине –
Там, где я никогда не бывал.
Ветер сушит мне ноздри и горло
И бросает горячий песок,
Но иду я, шагаю упорно
На далёкий, далёкий восток.

По песку, по колючкам шагаю,
Буд то в дрёме, во сне, в полусне,
От жары без воды изнываю,
Вдруг оазис пригрезится мне.
Там в дали, за высоким барханом
Вижу город великий стоит –
Минареты, дворцы и фонтаны
И вода по арыкам бежит.

Мирно ходят безликие женщины -
Лишь блестят под чадрую глаза...
Вновь бархан и виденья развенчены
И погонщиков вновь голоса...
Оставляя дорожные метры,
Не вернуть путь, отмеренный, в спясть.
Вновь надувают горячие ветры
В полудрёму виденья опять.

- Верблюжонок и мама верблюдица
Воду пьют у камней, из ручья...
Не наступит пора, или сбудется
Тот мираж, то виденье творя...
Но, спекаются губы в коростах,
Уже вышел отмеренный срок -
Сушь и зной, бесконечные вёрсты,
Ноги топчут горячий песок...

И опять впереди, в серой дымке
Я, родной свой оазис узнав,
Вижу сад, виноградник, тропинки
И ковёр зеленеющих трав,
И опять за барханом видения -
Толи явь, толи сон для души...
Я тряхну головой - без сомнения, -
За песками одни миражи!

«Сказы народов России»
литературно-художественное издание

Главный редактор: Никита С.Митрохин

Иллюстрация на обложке: Джон Анстер Фицджеральд
«Феи»

Редактор-составитель: Антон Петров

Технический редактор: Антон Петров

Верстка: Алла Сорокко

Макетирование: Алла Сорокко

Ряд произведений представлены с сохранением
авторской редакции

Общий лицензированный тираж: 3 500 экз.

Дата подписания книги в печать: 11.05.2022

Старт распространения книги: 6.06.2022

Книга отпечатана в Национальном агентстве по печати
и СМИ «Русский литературный центр»: 143423, РФ, МО,
Красногорский район, п.Истра, 20/4

По вопросам приобретения обращаться:
info@litagency.ru

143423, РФ, МО, Красногорский район, п.Истра, 20/4

9 785604 298077

Привет!

Книги нашего издательства включены в международную сеть BookCrossing.

Что это значит?

3 экземпляра каждого издания, выпущенного под маркой "Русский литературный центр" отправляются в грандиозное путешествие из рук в руки по всему свету! Отследить их судьбу можно по BookCrossing ID (сокр. - BCID) на сайте Bookcrossing.com
А еще, ты можешь отправить экземпляр издания, что держишь в руках в путешествие. Нужно лишь зарегистрировать книгу и присвоить ей BCID

BCID:

**Русский литературный
центр**
лучшие, потому что можем!

